

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ  
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

# РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 3 / 2025



[WWW.RUS-LAW.ONLINE](http://WWW.RUS-LAW.ONLINE)

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ**  
**«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

<b>БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович</b>	председатель редакционного совета, профессор, ректор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>СИНЮКОВ Владимир Николаевич</b>	заместитель председателя редакционного совета, д. ю. н., профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности, профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>АНТОНЯН Елена Александровна</b>	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>АРТЕМОВ Николай Михайлович</b>	д. ю. н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович</b>	д. ю. н., профессор, заместитель декана по научной деятельности юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
<b>ДОВГАНЬ Елена Федоровна</b>	д. ю. н., профессор, профессор кафедры международного права Белорусского государственного университета
<b>ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович</b>	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>ИСАЕВ Игорь Андреевич</b>	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>КОМАРОВА Валентина Викторовна</b>	д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>КРАСНОВА Ирина Олеговна</b>	д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия
<b>ЛАПАЕВА Валентина Викторовна</b>	д. ю. н., главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук
<b>ЛАПТЕВА Людмила Евгеньевна</b>	д. ю. н., профессор, декан юридического факультета имени М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
<b>МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович</b>	д. ю. н., профессор, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации
<b>РАРОГ Алексей Иванович</b>	д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>СЛЕСАРЕВ Владимир Львович</b>	д. ю. н., профессор, начальник отдела договорного права Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации
<b>СОКОЛОВА Наталья Александровна</b>	д. ю. н., профессор, научный руководитель Научно-исследовательского института, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович</b>	д. ю. н., профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна</b>	главный редактор, к. ю. н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
<b>ЛЕБЕДЕВА Вероника Сергеевна</b>	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

**COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL**  
**“RUSSIAN LAW ONLINE”**

<b>Viktor V. BLAZHEEV</b>	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Vladimir N. SINYUKOV</b>	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research; Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Elena A. ANTONYAN</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law named after V.E. Éminov of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Nikolay M. ARTEMOV</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Damir H. VALEEV</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Dean for Research of the Faculty of Law of the Kazan (Volga Region) Federal University
<b>Alena F. DOUHAN</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of the Belarusian State University
<b>Sergey M. ZUBAREV</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Igor A. ISAEV</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Valentina V. KOMAROVA</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Irina O. KRASNOVA</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Land and Environmental Law of the Russian State University of Justice
<b>Valentina V. LAPAEVA</b>	Dr. Sci. (Law), Chief Researcher of the Sector of Philosophy of Law, History and Theory of the State and Law of the Institute of the State and Law of the Russian Academy of Sciences
<b>Lyudmila E. LAPTEVA</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Dean of the Faculty of Law named after M.M. Speransky of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
<b>Igor M. MATSKEVICH</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation
<b>Alexey I. RAROG</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Vladimir L. SLESAREV</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Contract Law of the Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev
<b>Natalia A. SOKOLOVA</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Scientific Adviser of the Research Institute, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Artem O. CHETVERIKOV</b>	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Valentina G. RUMYANCEVA</b>	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
<b>Veronika S. LEBEDEVA</b>	Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Recommended by the Higher Attestation Comission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

# СОДЕРЖАНИЕ

## ТЕНДЕНЦИИ

<b>Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г.</b> Глобальный цифровой договор ООН: проблема унификации правового поля в рамках БРИКС .....	5
<b>Гуляев Д. Е.</b> Права человека в условиях развития и внедрения в общественную жизнь технологий искусственного интеллекта: трансформация содержания или адаптация к новым условиям? .....	14
<b>Рыжков Д. И.</b> Умные игрушки и цифровой след несовершеннолетних: вопросы правового регулирования .....	27

## РАКУРС

<b>Тимощук А. С.</b> Репутационные ресурсы системы публичного управления и «рынок права» .....	40
<b>Бокий В. Ю.</b> О содержании понятия «цифровой инструмент государственного управления» .....	48

## РОССИЯ

<b>Орлова С. А.</b> Демографические проблемы современной России: причины и правовые пути их решения .....	57
<b>Королев П. Е.</b> Правовые статусы Банка России: проблемы нормативного регулирования .....	66

## МИР

<b>Соколова Н. А.</b> Значение научной дипломатии для повышения эффективности международно-правового сотрудничества (на примере развития правового режима пространств) .....	76
<b>Гусев В. Е.</b> Дело Дрейфуса во Франции: историко-правовой аспект .....	84
<b>Васильев Г. М.</b> Ганзейское право в Новгороде и Брюгге: сравнительный анализ уставов ганзейских контор .....	90
<b>Пономарева Д. В.</b> Правовое регулирование отношений в сфере народной медицины: глобальный, региональный, национальный уровни .....	100

## ТОЧКА ЗРЕНИЯ

<b>Румянцева В. Г.</b> К вопросу о технологическом суверенитете современной России .....	109
--	-----

# CONTENTS

## TRENDS

- Zhavoronkova N. G., Shpakovskiy Yu. G.** *The Global Digital Compact of the United Nations: The Challenge of Harmonizing the Legal Framework within BRICS* ..... 5
- Gulyaev D. E.** *Human Rights in the Context of the Development and Integration of Artificial Intelligence Technologies into Social Life: Transformation of Content or Adaptation to New Conditions?* ..... 14
- Ryzhkov D. I.** *Smart Toys and the Digital Footprint of Minors: Legal Regulation Issues* ..... 27

## FOCUS

- Timoshchuk A. S.** *Reputational Resources of the Public Governance System and the «Legal Market»* ..... 40
- Bokiy V. Yu.** *The Concept of a «Digital Tool of Public Administration»* ..... 48

## RUSSIA

- Orlova S. A.** *Demographic Issues in Contemporary Russia: Causes and Legal Solutions* ..... 57
- Korolev P. E.** *Legal Statuses of the Central Bank of Russia: Regulatory Challenges* ..... 66

## THE WORLD

- Sokolova N. A.** *The Role of Science Diplomacy in Enhancing the Effectiveness of International Legal Cooperation (A Case Study: The Development of Legal Regimes for Specific Spaces)* ..... 76
- Gusev V. E.** *The Dreyfus Affair in France: A Historical and Legal Aspect* ..... 84
- Vasilyev G. M.** *Hanseatic Law in Novgorod and Bruges: A Comparative Analysis of the Statutes of Hanseatic Offices* ..... 90
- Ponomareva D. V.** *Legal Regulation of Relationships in the Field of Traditional Medicine: Global, Regional, and National Levels* ..... 100

## POINT OF VIEW

- Rumyantseva V. G.** *On the Issue of Technological Sovereignty in Contemporary Russia* ..... 109

# ГЛОБАЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ ДОГОВОР ООН: ПРОБЛЕМА УНИФИКАЦИИ ПРАВОВОГО ПОЛЯ В РАМКАХ БРИКС

Жаворонкова Наталья Григорьевна,

член экспертного совета при Счетной палате Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор  
119121, Россия, г. Москва, Зубовская ул., д. 2

[qavoron49@mail.ru](mailto:qavoron49@mail.ru)

Шпаковский Юрий Григорьевич,

профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный редактор научного юридического журнала «Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», доктор юридических наук, профессор  
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

[jgshpakovskij@msal.ru](mailto:jgshpakovskij@msal.ru)

© Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г., 2025

**Аннотация.** В статье анализируются последствия для стран БРИКС принятия Генеральной Ассамблеей ООН в 2024 г. Глобального цифрового договора. Авторы делают акцент на том, что страны БРИКС располагают реальными возможностями для формирования режима управления цифровым пространством, основанного на уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела в цифровом пространстве, прежде всего в сфере регулирования контента в сети Интернет. БРИКС обладает не только значительным потенциалом в области координации общих принципов и подходов к реализации цифрового суверенитета на уровне ООН, но и возможностью распространения норм и правил цифрового суверенитета на значительную часть мирового сообщества. Активное участие в проработке концепции и деталей Глобального проекта цифровой трансформации стран БРИКС, внесение альтернатив и предложений от имени стран БРИКС, ШОС, ЕАЭС и других объединений более чем актуально. Кроме того, подготовка своей, скоординированной с «дружественными» странами технологической платформы, программ, инструментов, подготовки кадров может рассматриваться в качестве механизма (конкретного и действующего в рамках БРИКС) реализации проекта ООН «Глобальный цифровой договор».

**Ключевые слова:** Глобальный цифровой договор; цифровизация; страны БРИКС; глобальный проект цифровой трансформации.

**Благодарности.** Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

# THE GLOBAL DIGITAL COMPACT OF THE UNITED NATIONS: THE CHALLENGE OF HARMONIZING THE LEGAL FRAMEWORK WITHIN BRICS

**Natalia G. Zhavoronkova,**

Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Expert Council at the Accounts Chamber of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation  
[qavoron49@mail.ru](mailto:qavoron49@mail.ru)

**Yuriy G. Shpakovskiy,**

Dr. Sci. (Law), Full Professor, Professor, Department of Environmental and Natural Resources Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Editor-in-Chief, «Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Moscow, Russian Federation  
[jgshpakovskij@msal.ru](mailto:jgshpakovskij@msal.ru)

**Abstract.** The paper analyzes the implications for BRICS countries following the adoption of the Global Digital Compact by the UN General Assembly in 2024. The authors emphasize that BRICS nations have real opportunities to establish a governance regime for the digital space based on respect for sovereignty and non-interference in internal affairs, particularly concerning content regulation on the Internet. BRICS not only possesses significant potential for coordinating common principles and approaches to implementing digital sovereignty at the UN level but also has the capacity to extend norms and rules of digital sovereignty to a substantial part of the global community. Active participation in developing the concept and details of the «Global Digital Transformation Project» by BRICS countries, including the submission of alternatives and proposals on behalf of BRICS, SCO, EAEU, and other groups, is highly relevant. Furthermore, preparing a coordinated technological platform, programs, tools, and training initiatives with «friendly» countries can be viewed as a mechanism for the implementation of the UN project «Global Digital Compact» within the framework of BRICS.

**Keywords:** Global Digital Treaty; Digitalization; BRICS Countries; Global Digital Transformation Project.

**Acknowledgements.** The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

**22** сентября 2024 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Глобальный цифровой договор<sup>1</sup> в качестве приложения к «Пакту во имя будущего» — документа, затрагивающего целый ряд тем, выходящих за рамки цифрового пространства, таких как устойчивое развитие и безопасность.

Процесс принятия цифрового договора выяснил глубокие разногласия между Россией и государствами, представленными «Группой 77», и западными странами. Западные государства планируют играть более значимую роль в регулировании Интернета и сокращении цифрового отставания, что они рассматривают как неотъемлемую часть достижения глобальных Целей устойчивого развития<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Глобальный цифровой договор (Global Digital Compact, GDC) — проект, призванный установить набор общемировых принципов для управления цифровыми технологиями.

<sup>2</sup> См.: Новые технологии в мировой политике / под ред. М. М. Лебедевой, Е. С. Зиновьевской. М. : Аспект-Пресс, 2025. 259 с. ; Зиновьев Е. С. Что не так с Глобальным цифровым договором? // Официальный сайт Российского совета по международным делам. URL: [https://mgimo.ru/about/news/experts/cto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/?utm\\_source=yandex.ru&utm\\_medium=organic&utm\\_campaign=yandex.ru&utm\\_referrer=yandex.ru](https://mgimo.ru/about/news/experts/cto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru) (дата обращения: 30.09.2025).

США и их союзники стремятся укрепить позиции своих технологических монополий, снижая влияние государств на международную технологическую повестку, что противоречит Уставу ООН. Ключевая задача России и ее партнеров — получение доступа к передовым информационно-коммуникационным технологиям, чтобы самим создавать необходимые продукты и услуги, а не пользоваться готовыми решениями от глобальных корпораций. Всё это объективно обуславливает необходимость в наращивании Россией и ее партнерами по БРИКС технологического потенциала, чтобы самостоятельно с учетом потребностей общества формировать национальную цифровую среду, защищенную от внешних угроз.

За текущее десятилетие в Российской Федерации, странах БРИКС были приняты десятки национальных программ, проектов, нормативных актов, регулирующих процессы цифровизации и внедрения искусственного интеллекта. Цифровые технологии, искусственный интеллект (в том числе в праве) стали одним из основных критериев экономических и технологических успехов страны. Достижения России в практическом применении, развитии, использовании информационных технологий позволяют признать Россию одним из лидеров практической цифровизации в мире.

Авторами статьи был проанализирован пакет принятых и обсуждаемых материалов (документов) БРИКС за истекшее десятилетие. Среди очень важных и актуальных тем цифрового проекта типа «Глобальная цифровая вселенная» не было в повестке дня этих организаций. И это необычно. Китай, Россия, Индия и другие являются бесспорными лидерами в области информационных технологий, но в рамках ЕАЭС и БРИКС пока нет адекватного, общего, объединяющего сильные стороны проекта — предложения охватывающего не только страны БРИКС, но и весь мир. Так, за все годы существования объединения БРИКС тема создания под его эгидой проекта глобальной цифровой сети не была центром дискуссии. Ставит сразу сделать акцент на том, что все глобальные проекты, исходящие из структур ООН, Евросоюза, других межгосударственных объединений и групп «западных» стран (не важно какие это проекты экологические, климатические, энергетические и др.), в настоящее время необходимо рассматривать как проекты прежде всего экономического, политического, военного, иного доминирования, выгодные для стран — инициаторов этих проектов.

На глобальном рынке информационных технологий доминируют иностранные (прежде всего американские) гиганты типа Microsoft, Google, Meta, но это не значит, что национальные компании стран РИКС (например, Яндекс) не могут стать лидерами в подготовке и реализации проекта, под условным названием «Глобальная цифровая вселенная». Идея создания столь амбициозного проекта на базе национальных цифровых систем стран — членов БРИКС, на наш взгляд, не только актуальная, но и наиболее практическая для реализации идеи.

Анализ формирования правовых принципов и основ построения глобальных проектов (например, в сфере климата, устойчивого развития), а также долговременных последствий их реализации крайне важен для понимания новой парадигмы глобального соревнования и конкуренции, выраженной через доминирование некоторых стран под видом гуманизации, экологизации, углеродной нейтральности, целей устойчивого развития и других проектов, охватывающих значительное число стран.

Можно задать риторический вопрос, почему документ ООН получил название Глобальный цифровой договор. Мы осознаем, что для соответствия современным требованиям и преодоления затянувшегося политического кризиса всемирной организации необходимо углублять и развивать цифровое сотрудничество. Для нашей страны, являющейся инициатором обсуждения вопросов информационной безопасности и цифрового суверенитета, построение справедливой и инклюзивной системы глобального управления в цифровом пространстве имеет первостепенное значение.

Само выдвижение и обсуждение проекта «Глобальная цифровая вселенная» в рамках БРИКС может дать интеллектуальный толчок для целой серии гуманитарных, образовательных, технологических, энергетических, экологических проектов.

Всем известны проекты (программы) ООН по охране окружающей среды, по климатическим проблемам, по устойчивому развитию, где наша страна и страны БРИКС принимают участие, но не являются инициаторами. Поэтому следует уделить особое внимание инициативе ООН, выдвинутой в сентябре 2024 г. о создании Глобального цифрового договора и глобального онлайн-ресурса, содержащего достоверные и открытые экологические, климатические данные для исследователей и политиков и обеспеченный необходимыми лицензиями, стандартами качества, инфраструктурой и гарантиями для поддержки зеленой цифровой трансформации<sup>3</sup>. Что интересно, эта инициатива ООН не была поддержана рядом стран, а в научном и экспертном сообществе прошла незамеченной.

Между тем цифровая трансформация, которая сулит революционные перемены, в том числе в управлении, политике, экологии, праве является не просто проектом, а реально действующим, практическим и хорошо разработанным инструментом широко используемом в нашей стране и странах БРИКС. Национальные программы и проекты цифровой трансформации могут и должны стать основой для реализации проектов, типа Глобальный цифровой договор. По мнению авторов, инициатива ООН под названием Глобальный цифровой договор имеет ряд существенных особенностей:

- во-первых, это заявка (попытка) создания мирового цифрового порядка, что предполагает образование некоего глобального регулятора (мирового правительства) и единства цифрового мира путем унификации управления;
- во-вторых, независимо от объявленных целей и задач, сам процесс создания глобальной цифровой сети сулит огромные прорывы и открытия для всех стран, вовлеченных в этот процесс;
- в-третьих, конкретно для права в целом крайне важна экспертиза глобального проекта именно на этапе формирования архитектуры построения, методологии глобальной цифровой сети. Именно на стадии формирования архитектуры проекта важно заявить свои, национальные приоритеты, идеи, задачи;
- в отличие от других глобальных проектов, проект ООН хотя и не связан с минерально-сырьевыми ресурсами, суверенными правами, военно-промышленным комплексом, но он является одновременно и гуманитарным, и технологическим, и экологическим. Именно цифровизация в современном мире будет оказывать доминирующее влияние на политику, экономику, экологию, управление, то есть практически на все стороны жизни каждой страны;
- для ООН, которая в настоящее время сталкивается с рядом вызовов и затруднений, ограничивающим ее эффективную работу, подобная инициатива закономерна и оправдана. Однако ООН в большинстве случаев является инструментом США и стран запада, поэтому именно объединение БРИКС, представляющие уже более половины населения Земли и половину мировой экономики должна стать ведущим разработчиком глобальной цифровой сети;
- в конечном итоге регулятором глобальной цифровизации, по чьим законам (протоколам) будет развиваться цифровой мир, вряд ли будут учитываться различия в культуре, традициях, экономике принципиально разных стран и народов.

Глобальная цифровизация может стать не объединением стран, а новой колониацией потерей суверенитета.

Для развивающихся стран глобальная цифровизация под эгидой ООН сулит временные, не очевидные технологические и организационные выгоды, но стоит понимать различие между декларациями и реальными целями, очевидно, что проект Глобальный цифровой договор — это прежде всего глобальная система управления. Важно понимать — тот, кто навязет или предложит или другим образом внедрит свои цифровые протоколы, алгоритмы, программы в конечном итоге и будет глобальным координатором.

Учитывая опыт правотворчества Российской Федерации в области цифровых технологий, авторитет и реальные наработки имеющие международный эффект, очень

<sup>3</sup> Талимончик В. П. Глобальный цифровой договор: текущее состояние разработки и перспективы принятия // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10 (185). С. 38–41.

странно и недальновидно игнорировать (не принимать активное участие) проект ООН по созданию глобальной цифровой сети. Это как раз тот проект, который при его реализации может дать ощутимое преимущество в глобальном технологическом соревновании для России и стран БРИКС<sup>4</sup>.

Почему для объединения стран — членов БРИКС это может стать самым прорывным и важным проектом? Потому, что проект единой цифровой сети стран БРИКС отражает интересы Юга в большей степени, чем Запада и этот проект нуждается прежде всего в учете интересов именно стран БРИКС.

Идея Глобального цифрового договора ООН, выраженная как преодоление цифровой отсталости и цифрового разрыва между странами, затрагивает интересы глобального Юга, который наиболее полно представлен в БРИКС.

На фоне многих сложнейших, кризисных мировых проблем, требующих сверх срочных решений, цифровой разрыв между различными странами и регионами мира (называемый глобальным цифровым разрывом) реальная проблема, поэтому необходимо, чтобы в рамках БРИКС был подписан и профинансирован глобальный цифровой план трансформации стран — членов БРИКС. Тем самым он будет обозначен как самый важный приоритет БРИКС.

В документах семьдесят девятой сессия ООН, п. 123 повестки дня «Укрепление системы ООН» совершенно справедливо перечислены основные причины проблем: «Многолетние достижения в области устойчивого развития сходят на нет. Масштабы нищеты, голода и неравенства растут. Права человека находятся под угрозой, и мы рискуем обойти вниманием миллионы людей. Изменение климата, утрата биоразнообразия, опустынивание и песчаные и пыльные бури, загрязнение окружающей среды и другие экологические проблемы создают серьезные риски для нашей естественной среды и перспектив развития»<sup>5</sup>.

Более ранний проект ООН — Цели устойчивого развития, вызвавший огромный интерес у всех стран — членов ООН и большие надежды, по свидетельству самого ООН, стал сходить на нет. В этом случае проект Глобального цифрового договора идейно и практически связан со «второй жизнью» 17 целей устойчивого развития, где экологическая тематика, если не главная, то весьма фундаментальная. Но согласившись с перечисленными проблемами, не дан ответ на причины их появления.

Очевидно, что люди, организации и государства, не имеющие доступа к цифровым технологиям, лишаются заметных преимуществ по сравнению с теми, у кого такой доступ есть. Следствием цифрового разрыва стран БРИКС становится нарастание технологического отставания и социально-экономическое неравенство. Но, что именно предлагает и на чем делается акцент в проекте ООН Глобальный цифровой договор и почему именно этот проект поднимается «на щит» как воплощение идей глобализации?<sup>6</sup>

Цифровые инновации оказывают глубокое, преобразующее воздействие на наш мир. Они несут в себе огромный потенциал для повышения уровня жизни, стимулирования общественного прогресса и даже для улучшения экологической ситуации

<sup>4</sup> В России принято более десяти федеральных проектов, программ, планов, стратегий в виде документов стратегического планирования в области цифровых технологий. При этом для глобального цифрового проектирования даже категоризация цифровых проектов России — государственное и муниципальное управление — трансформация экономики, инфраструктуры, безопасности, экологии. Многие из реализованных проектов показали уже высокий результат.

<sup>5</sup> Семьдесят девятая сессия. Пункт 123а повестки дня Укрепление системы Организации Объединенных Наций: укрепление системы Организации Объединенных Наций // Официальный сайт ООН. URL: <chrome-extension://efaidnbmnnibpcajpcglclefindmkaj/https://documents.un.org/doc/undoc/ltd/n25/188/44/pdf/n2518844.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>6</sup> Сегодня к «цифре» подключено 5,3 млрд человек, однако разрыв сохраняется, пролегая между регионами, планками доходов и гендерными, языковыми и возрастными группами. В Европе в онлайн присутствует около 89 % жителей.

на Земле. Тем не менее остается открытым вопрос: почему же экономическое и технологическое неравенство между странами Глобального Юга и Глобального Запада продолжает увеличиваться?

Для стран БРИКС долговременное, проектное международное цифровое сотрудничество, ведет к устранению основных цифровых разрывов между странами и внутри них. Страны БРИКС и страны условного Запада находятся в неравных цифровых вселенных и здесь особенно важным является, кто и на каких условиях будет устранять цифровые разрывы между странами. Темпы развития и мощь новейших технологий создают для человечества не только новые возможности, но и новые риски, некоторые из которых еще не до конца известны. Например, неясны конечные возможности искусственного интеллекта в проекции экологической и климатической безопасности. В условиях объединения стандартов в области технологий, биоинженерии, жизнеобеспечения, экологии, климата, политических практик, идущих под лозунгом демократизации, реальной целью является новый мировой порядок под лозунгом глобальной цифровизации.

Следует правильно интерпретировать положения, обозначенные на семьдесят девятой сессии ООН 2024 г.: устранение цифровых разрывов, новые риски не до конца известные, усиление международного регулирования искусственного интеллекта, участие в цифровой экономике, которые на уровне концепций и идей звучат для всех стран и народов органично и привлекательно, но на практике несут вполне банальную концепцию глобального доминирования.

Цифровизация, искусственный интеллект безусловно могут быть той технологией, которая обеспечит прорывы во всех областях человеческой деятельности и предложения ООН, в виде проектов Глобальный цифровой договор, Климатическая доктрина или Цели устойчивого развития, а тем более экологические цели тысячелетия достойны всяческой поддержки. Другое дело — риски бесконтрольного (а, в действительности подконтрольного Западу) использования возможностей цифровизации в военных, экономических, политических целях<sup>7</sup>. По нашему мнению, должны быть следующие задачи глобального проекта цифровой трансформации в рамках БРИКС:

- участие всех государств — членов БРИКС и других заинтересованных сторон в реализации проекта цифровой трансформации, их технологическое, техническое и правовое консолидирование;
- создание протоколов и программ совместимости между цифровыми системами стран — членов БРИКС;
- создание на единой методологической базе национальных стратегий развития цифровой среды;
- увеличение доступности и ценовой приемлемости цифровых технологических платформ и услуг и др.

Страны — члены БРИКС остро нуждаются в большой, глобальной, объединяющей программе преобразований мира. Глобальная цифровизация экономики, управления это и есть глобальная идея для стран Юга, способная улучшить качество жизни миллиардов людей. Эти и другие принципы глобального проекта цифровой трансформации стран БРИКС при должной обработке полностью соответствуют принципам государственных стратегий цифровизации в документах стратегического планирования России и характерны для цифровой политики стран БРИКС. Более того, поскольку страны БРИКС все в более широком контексте представляют условно страны глобального Юга, то от этой организации ждут конкретных инициатив по подъему экономики, выравниванию условий жизни. На фоне прошедшего в октябре 2024 г. саммита БРИКС в Казани и принятых на нем документов очень четко и понятно проявляются темы и проекты сотрудничества, одинаково интересные и практически значимые для стран — членов БРИКС: экономика, финансы,

<sup>7</sup> Цифровые технологии, их важность, ценность, влияние на жизнь людей сегодня сходны с наличием и использованием таких природных ресурсов, как воздух, вода, земля. Наше благополучие и развитие стали зависимы от их наличия и доступности.

безопасность (в том числе климатическая и экологическая), образование и др. Казанская декларация XVI саммита БРИКС стала важным шагом на пути укрепления международного сотрудничества в сфере информационных и коммуникационных технологий, кибербезопасности и искусственного интеллекта.

На прошедшем в 2025 г. в Рио-де-Жанейро XVII саммите БРИКС, девизом которого стала «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления», одной из главных тем обсуждения было глобальное управление. Но вопрос о глобальном управлении касался не только его институтов. В эпоху искусственного интеллекта вопрос о возможности создания глобальной нормативно-правовой базы, чтобы государства условного Юга могли взять на себя лидерство в этой области и быть в авангарде новых технологических инноваций является крайне актуальным.

В странах БРИКС отчетливо понимают, что глобализация как моноцентрическая конструкция доминирования США (условного Запада), а следовательно, и механизмов глобального регулирования преследует несколько иные (в отличие от гуманистических и очевидных целей) задачи, например, создание наднациональных органов управления, монопольное владение и использование информации, в конечном итоге глобальные структуры управления.

Глобальные инициативы, инициируемые странами БРИКС, тем более такого масштаба и такой стратегической глубины необходимо анализировать прежде всего с точки зрения понимания места и роли, позиций и последствий таких глобальных проектов как для устойчивого развития, так и для экологии. Опыт принятия и дальнейшей реализации климатической доктрины, целей устойчивого развития показал, что за безусловно правильными и благородными лозунгами всегда стоит определенный политический и экономический интерес разработчиков и операторов новых проектов. Глубокий и более детальный анализ технологических инноваций, связанных с Климатической доктриной раскрыл одну особенность глобальных проектов — реализация глобальных экологических и климатических целей как возможность использования технологических, экономических, коммерческих преимуществ отдельных стран и корпораций. Яркий пример Китай, который сумел извлечь пользу для себя, использовав идею резкого снижения востребованности ископаемого топлива (экологическая цель) для перехода на гелио-водородно-ветровую энергетику, обеспечив монопольный рынок своих изделий для всего мира, став основным поставщиком (в том числе для Европы и США) технологий и оборудования для солнечной и ветровой энергетики, накопителей энергии. Тем самым Китай доказал, что в рамках глобальных гуманистических идей, предполагающих экономико-технологическую составляющую, можно и нужно извлекать выгоду. По аналогии можно предположить, что проект «Глобальная цифровая вселенная» как и цифровой договор — огромный (необъятный) рынок цифровых товаров.

Активное участие в проработке концепции и деталей глобального проекта цифровой трансформации стран БРИКС, внесение альтернатив и предложений от имени стран БРИКС, ШОС, ЕАЭС и других объединений, более чем актуально. Кроме того, подготовка своей, скоординированной с дружественными странами технологической платформы, программ, инструментов, подготовки кадров может рассматриваться в качестве механизма (конкретного и действующего в рамках БРИКС) реализации проекта ООН Глобальный цифровой договор.

Следует акцентировать внимание на том, кто будет субъектом, а кто объектом цифровой трансформации, кто будет управлять, а кто исполнять, кто будет регулятором, а кто регулируемым. В рамках БРИКС возможно провести объективную оценку глобальных рисков и угроз, которые несут новые технологические инициативы западных стран. Кроме того, с научной и правовой позиций стран БРИКС, на наш взгляд, уже сегодня необходимо рассмотреть вопросы глобальной цифровой экосистемы, активизировать усилия по восстановлению, защите, сохранению и рациональному использованию окружающей среды.

По нашему мнению, вполне реально построить «цифровой мир», в котором человечество будет жить в гармонии с природой, сохранять и неистощительным образом использовать ресурсы нашей планеты, обратить вспять тенденции к ухудшению состояния окружающей среды; сохранить и восстановить биоразнообразия, экосистем и дикой флоры и фауны.

В Российской Федерации существуют национальные проекты и программы как в области цифровизации, так и в области экологии, климата, не имеющие аналогов в мире. Например, Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», реализуемый в рамках государственной программы «Информационное общество». Федеральный проект направлен на достижение национальной цели «Цифровая трансформация», которая определена Указом Президента РФ от 21.07.2021 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Можно включить в перечень Систему государственного экологического мониторинга или Государственный мониторинг окружающей среды (Федеральный закон от 21.11.2011 № 331-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Эти системы могли бы стать опорой цифровизации экологии как пионерского, экспериментального полигона, как части Глобального проекта цифровой трансформации.

В рамках БРИКС в процессе работы над идеей глобальный цифровой трансформации с неизбежностью будут поставлены для обсуждения следующие проблемы: о правовой унификации; об экологической и климатической безопасности; о системах образования и подготовки кадров; о человеческом капитале в рамках устойчивого развития; о целях и критериях глобализации и др. В данном случае мы вынуждены констатировать — в мире пока не созданы правовые основы (даже на уровне концепции, идеологии) традиционного и цифрового правопорядка, так же пока нет ответов на вопросы границ «цифровой ойкумены»<sup>8</sup>.

Важно начинать с анализа «эластичности» национальных правовых систем, возможно, с определения принципов унификации систем национального права, в том числе экологического. Вопросы правовой унификации не существуют в отрыве от конкретных проектов и форм сотрудничества. Поэтому разработка цифровой вселенной для стран БРИКС на основе законодательного регулирования России, заставит заинтересованные страны особое внимание уделить прежде всего правовому оформлению (осмыслиению) процессов цифровизации.

Унификация права в рамках БРИКС является необходимым и закономерным процессом развития темы Глобального цифрового договора. Она позволяет национальным правовым системам стран — членов БРИКС упростить применение правовых норм при разрешении конкретных ситуаций. Другими словами, если в рамках БРИКС будет одобрена инициатива Глобальной цифровой вселенной (или глобального проекта цифровой трансформации), то начинать необходимо с проблем унификации права, с учетом цифровой трансформации, а первым объектом (полигоном) можно избрать экологические и климатические отношения.

Рассматривать любые глобальные проекты, в том числе экологические, климатические или «цифровые» вне контекста реалий современных отношений условного Запада и условного Юга на фоне трансформации институтов ООН, МВФ, ВТО и других непродуктивно. Следует так же учитывать, что Климатический проект, Цели устойчивого развития, Глобальный цифровой договор — это прежде всего наличие финансовых, технологий, рынков сбыта, борьба за лидерство и экономические приоритеты, которые возможны только в результате совместных действий суверенных стран.

В заключение приведем некоторые выводы и предложения.

1. Глобальный проект цифровой трансформации стран БРИКС и Глобальный цифровой договор, представленный как инициатива ООН могут быть как конкурентами,

<sup>8</sup> Федорченко С. Н. Государство-цивилизация в цифровой ойкумене // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 1. С. 3–26.

так и частью мирового процесса консолидации и станут прежде всего технологическими проектами, имеющими социальную и экологическую составляющую.

2. Инициатива «цифровизации мира» под эгидой БРИКС и ООН может быть весьма продуктивной, при соблюдении условий равноправия (суверенности) стран — участников и возможностей контроля цифровых платформ, их прав и возможностей.

3. У стран — членов БРИКС есть неоспоримое преимущество и как представителей относительно бедного Юга, и как представителей большей половины населения планеты в создании глобальной цифровой экосистемы.

4. Российская Федерация, Китай, Индия, Бразилия и другие страны, входящие в БРИКС, в совокупности представляют более половины населения земного шара, обладают самыми высокими компетенциями и опытом в сфере цифровых коммуникаций. На их научной и технологической базе возможно и необходимо построение архитектуры глобальной цифровой системы с равным участием западных компаний.

5. В настоящее время наиболее важными и первоочередными действиями являются подготовка пакета предложений для стран — членов БРИКС по созданию своего варианта Глобального проекта цифровой трансформации. Это объективно обуславливает необходимость проведения в рамках БРИКС синхронизированных циклов мероприятий, таких как подготовка кадров, унификация законодательства, экологическая перспектива цифровизации и др.

6. Принятие сетевого принципа действий в рамках Глобального проекта цифровой трансформации БРИКС, то есть закрепление самостоятельности и суверенности национальных цифровых платформ, объединяемых общим протоколом.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Зиновьев Е. С. Что не так с Глобальным цифровым договором? // Официальный сайт Российского совета по международным делам. — URL: [https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/?utm\\_source=yandex.ru&utm\\_medium=organic&utm\\_campaign=yandex.ru&utm\\_referrer=yandex.ru](https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru) (дата обращения: 30.09.2025).
2. Новые технологии в мировой политике / под ред. М. М. Лебедевой, Е. С. Зиновьевой. — М. : Аспект-Пресс, 2025. — 259 с.
3. Талимончик В. П. Глобальный цифровой договор: текущее состояние разработки и перспективы принятия // Евразийский юридический журнал. — 2023. — № 10 (185). — С. 38–41.
4. Федорченко С. Н. Государство-цивилизация в цифровой ойкумене // Журнал политических исследований. — 2023. — Т. 7. — № 1. — С. 3–26.

## REFERENCES

1. Zinovieva ES. What is wrong with the Global Digital Compact? Official website of the Russian International Affairs Council. Available at: [https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/?utm\\_source=yandex.ru&utm\\_medium=organic&utm\\_campaign=yandex.ru&utm\\_referrer=yandex.ru](https://mgimo.ru/about/news/experts/chto-ne-tak-s-globalnym-tsifrovym-dogovorom/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru) [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
2. Lebedeva MM, Zinovieva ES (eds.). New technologies in world politics. Moscow: Aspect-Press; 2025. (In Russ.).
3. Talimonchik VP. Global Digital Compact: Current State Of Development and Prospects For Adoption. *Eurasian Law Journal*. 2023;10(185):38-41. (In Russ.).
4. Fedorchenko SN. State-Civilization in the Digital Ecumene. *Journal of Political Research*. 2023;7(1):3-26. (In Russ.).

# ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ И ВНЕДРЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ ИЛИ АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ?

Гуляев Дмитрий Евгеньевич,  
генеральный директор Ассоциации электронных коммуникаций (РАЭК), директор Центра по обеспечению прав молодежи в цифровом пространстве, аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), молодежный цифровой омбудсмен  
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9  
[gulyaev@raec.ru](mailto:gulyaev@raec.ru)

© Гуляев Д. Е., 2025

**Аннотация.** В условиях цифровой революции, в том числе обусловленной масштабной разработкой и внедрением в общественную жизнь технологий искусственного интеллекта, права человека (в том числе права детей и молодежи) более невозможно рассматривать в качестве статичного межотраслевого правового института. Так, в течение последних 10 лет появляются новые «цифровые права» человека, или «права человека в цифровой среде», а также трансформируются «традиционные» права человека. Принципиально важно учесть эту тенденцию для создания комплексных публично-правовых механизмов обеспечения прав и свобод человека непосредственно в цифровой среде и с эффективным применением для такого обеспечения информационных (цифровых) технологий. В статье представлены результаты анализа ключевых рисков для прав человека в условиях развития технологий искусственного интеллекта, а также особенностей трансформации «традиционных» прав человека в таких условиях. Особое внимание обращено на возможные векторы влияния технологий ИИ на права человека.

**Ключевые слова:** права человека; права молодежи; цифровые права; искусственный интеллект; риски и угрозы цифровой среды; публично-правовые механизмы.

**Благодарности.** Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

# HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT AND INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES INTO SOCIAL LIFE: TRANSFORMATION OF CONTENT OR ADAPTATION TO NEW CONDITIONS?

**Dmitriy E. Gulyaev,**

Director of the Association for Electronic Communications (RAEC), Director of the Center for Youth Rights in the Digital Space, graduate student of the Department of Information Law and Digital Technologies of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), youth digital ombudsman, Moscow, Russian Federation

[gulyaev@raec.ru](mailto:gulyaev@raec.ru)

**Abstract.** *In the context of the digital revolution, including the large-scale development and integration of artificial intelligence technologies into social life, human rights (including the rights of children and youth) can no longer be regarded as a static cross-sectoral legal institution. Over the past decade, new «digital human rights» or «human rights in the digital environment» have emerged, while «traditional» human rights have undergone transformation. It is crucial to take this trend into account when creating comprehensive public-law mechanisms for safeguarding human rights and freedoms directly within the digital environment, with the effective use of information (digital) technologies for such protection. The paper presents the results of an analysis of key risks to human rights in the context of the development of artificial intelligence technologies, as well as the specific features of the transformation of «traditional» human rights under these conditions. Particular attention is given to potential vectors of influence that AI technologies may exert on human rights.*

**Keywords:** human rights; youth rights; digital rights; artificial intelligence; risks and threats of the digital environment; public-law mechanisms.

**Acknowledgements.** The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Цифровая трансформация оказывает воздействие на весь состав складывающихся между людьми общественных отношений и существующие отрасли знаний, изменяя или создавая новое содержание (например, риски и угрозы). При этом информационные (цифровые) технологии создают для граждан новые возможности, в том числе в области реализации «традиционных» конституционных прав, а также способствуют появлению особых прав и (или) обязанностей, например, права на общение в информационном (цифровом) пространстве человека с человеком, права на забвение и др. Начиная с середины 2010-х гг. по сегодняшний день технологии искусственного интеллекта (ИИ) настолько плотно вошли в жизнь каждого человека, что стала очевидной необходимость комплексного осмысления влияния такого внедрения на общественные отношения, для прогнозирования и выявления как актуальных рисков и угроз, связанных с полномасштабным использованием технологий ИИ, так и новых возможностей и преимуществ для бизнеса, государства и общества в целом. В этой связи сегодня наблюдается высокая академическая, корпоративная и государственная активность, что проявилось в том числе в значительном количестве:

— научных публикаций (более чем двукратный прирост в период с 2013 по 2023 гг.<sup>1)</sup>;

<sup>1</sup> Maslej N., Fattorini L., Perrault R., et al. The AI Index 2025 Annual Report // AI Index Steering Committee, Institute for Human-Centered AI, Stanford University. April 2025. P. 29–30. URL:

- выданных патентов (с 3833 в 2010 г. до 122511 в 2023 г.<sup>2</sup>);
- моделей ИИ<sup>3</sup>;
- организаций, использующих ИИ (с 20 % в 2017 г. до 78 % в 2024 г.<sup>4</sup>);
- инвестиций (с \$14.57 млрд в 2013 г. до \$252.33 млрд в 2023 г.<sup>5</sup>);

Взрывной рост интереса к ИИ, его массовое внедрение во все сферы жизни общества порождает множество проблем, в том числе правового характера. Требуется комплексное осмысление влияния ИИ на правовые институты, важнейшим из которых является, одним из наиболее уязвимых является институт прав человека, который несмотря на свою конституционно-правовую природу, имеет межотраслевой характер.

Об особой актуальности вопроса влияния ИИ на институт прав человека свидетельствует, например, пристальное внимание к нему со стороны международного сообщества, которое уже предприняло организационно-институциональные меры для работы по данному вопросу. Так, в 2023 г. при Организации Объединенных Наций создан Консультативный орган высокого уровня по искусственно-интеллекту<sup>6</sup>, итогом деятельности которого в том числе стал доклад, в котором выделено пять руководящих принципов управления ИИ. Согласно одному из этих принципов «управление ИИ должно основываться на Уставе ООН, международных нормах в области прав человека и других согласованных международных обязательствах, таких как Цели устойчивого развития»<sup>7</sup>.

В этом же докладе приведены результаты опроса, посвященного рискам, связанным с ИИ, в котором приняли участие 348 экспертов<sup>8</sup>. Согласно этим данным: 78 % экспертов обеспокоены «ущербом целостности информации»; 72 % — злонамеренным использованием ИИ «негосударственными субъектами»; 61 % — нарушением прав человека; 61 % — преднамеренным использованием ИИ корпоративными субъектами в ущерб клиентам или пользователям; 54 % — нарушением прав интеллектуальной собственности; 52 % — причинением ущерба трудовым ресурсам в результате внедрения ИИ.

Проблема возможного негативного влияния ИИ на права человека нашла отражение и в деятельности Европейского Союза, где Руководящим комитетом по правам человека была создана Редакционная группа по правам человека и искусственно-интеллекту<sup>9</sup>, которая занимается разработкой Руководства по правам человека и искусственно-интеллекту.

[https://hai.stanford.edu/assets/files/hai\\_ai\\_index\\_report\\_2025.pdf](https://hai.stanford.edu/assets/files/hai_ai_index_report_2025.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>2</sup> *Maslej N., Fattorini L., Perrault R., et al. The AI Index 2025 Annual Report. P. 42.*

<sup>3</sup> См.: Cumulative number of large-scale AI models by domain since 2017 // Our world in data. URL: <https://ourworldindata.org/grapher/cumulative-number-of-large-scale-ai-models-by-domain?country=Audio~Biology~Games~Language~Image+generation~Robotics~Speech~Multimodal~Video~Vision~All+large-scale+AI+systems#sources-and-processing> (дата обращения: 30.09.2025) ; *Maslej N., Fattorini L., Perrault R., et al. The AI Index 2025 Annual Report. P. 46.*

<sup>4</sup> *Maslej N., Fattorini L., Perrault R., et al. The AI Index 2025 Annual Report. P. 261.*

<sup>5</sup> *Maslej N., Fattorini L., Perrault R., et al. The AI Index 2025 Annual Report. P. 247.*

<sup>6</sup> High-Level Advisory Body on Artificial Intelligence // United Nations. Office for Digital and Emerging Technologies. URL: <https://www.un.org/digital-emerging-technologies/ai-advisory-body> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>7</sup> Заключительный доклад «Управление искусственным интеллектом в интересах человечества». С. 45 // URL: [https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing\\_ai\\_for\\_humanity\\_final\\_report\\_ru.pdf](https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/governing_ai_for_humanity_final_report_ru.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>8</sup> Заключительный доклад «Управление искусственным интеллектом в интересах человечества». С. 34.

<sup>9</sup> Human Rights and artificial intelligence (CDDH-IA) // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/human-rights-intergovernmental-cooperation/intelligence-artificielle> (дата обращения: 30.09.2025).

О стремлении предотвратить потенциальное отрицательное воздействие ИИ, а также «направить» его развитие в «нужное русло» свидетельствует рост числа попыток законодательного урегулирования данной технологии (в 2016 г. в мире был принят всего 1 закон, посвященный ИИ, а в 2024 г. — их уже 40<sup>10</sup>). Подобная тенденция актуальна и для Российской Федерации. В 2019 г. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»<sup>11</sup> утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (далее — Стратегия развития ИИ, Стратегия). В пункте 19 Стратегии закреплены принципы, напрямую касающиеся обеспечения прав человека при развитии и использовании ИИ:

- а) защиты прав и свобод человека;
- б) безопасности;
- в) прозрачности;
- г) открытости и доступности;
- д) защищенности.

Таким образом, стремление государств обеспечить соблюдение прав и свобод человека при внедрении в общественные отношения ИИ очевидно. В этой связи обратим внимание на наиболее подверженные риску со стороны ИИ права человека. Анализ Стратегии, а также сфер применения ИИ позволяет к числу таковых отнести:

- право на равенство (ст. 19 Конституции РФ, пп. «г» п. 51(10) Стратегии);
- право на достоинство личности (ст. 21 Конституции РФ);
- право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23 Конституции РФ);
- право на обращение (ст. 33 Конституции РФ);
- право на труд и защиту от безработицы (ст. 37 Конституции РФ, пп. «а» п. 19 Стратегии);

Рассмотрим их подробнее.

## 1. Право на равенство

Принцип равенства всех перед законом и судом в том числе предполагает запрет на дискриминацию, т.е. ограничение прав и свобод человека по каким-либо признакам. Вместе с тем в некоторых исследованиях констатируется, что алгоритмы ИИ могут быть предвзяты, а следствием предвзятости является дискриминация, которая свидетельствует о нарушении конституционно-правового принципа равенства всех перед законом и судом. Например, ИИ был уличен в дискриминации по признакам пола, расы, цвета кожи, характеристик личности (используемые в общении слова, тон, выражение лица)<sup>12</sup>. Это подтверждается и примерами из практики: в 2018 г. компании Amazon пришлось отказаться от помощи ИИ-инструмента при отборе кандидатов на работу, поскольку технология отдавала предпочтение мужчинам<sup>13</sup>, а в 2016 г. исследователи из организации Human Rights Data Analysis Group выяснили<sup>14</sup>, что программа PredPol, направленная на определение наиболее вероятных мест совершения преступления, чаще всего направляла полицейских в районы, где

<sup>10</sup> Maslej N., Fattorini L., Perrault R., et al. The AI Index 2025 Annual Report. P. 338.

<sup>11</sup> С3 РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

<sup>12</sup> См.: Обзорное исследование, основывающееся на анализе 49 работ. Zhisheng C. Ethics and discrimination in artificial intelligence-enabled recruitment practices // Humanit Soc Sci Commun. 10, 567. 2023. P. 6. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-023-02079-x.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>13</sup> Insight — Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scaps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>14</sup> Crime-prediction tool PredPol amplifies racially biased policing, study shows // MIC. URL: <https://www.mic.com/articles/156286/crime-prediction-tool-pred-pol-only-amplifies-racially-biased-policing-study-shows#.Wcz2RZbrd> (дата обращения: 30.09.2025).

проживали афроамериканцы, несмотря на то, что «искомые» преступления (наркотические) чаще совершались в иных районах.

Подобная дискриминация может происходить как случайно — например, ввиду количественных и (или) качественных недостатков данных, положенных в основу обучения ИИ или проблем с алгоритмом<sup>15</sup>, так и умышленно. На это, в частности, указано в одном из докладов ООН<sup>16</sup>.

В российском правовом поле имеют место предпосылки для борьбы как с преднамеренной, так и со случайной дискриминацией. Так, согласно пп. «г» п. 51(10) Стратегии развития ИИ недискриминация закрепляется как один из принципов будущего нормативного правового регулирования ИИ, который предполагает, что алгоритмы не должны способствовать умышленной дискриминации отдельных лиц или групп лиц. Риск случайной дискриминации снижается за счет двух других принципов развития и использования ИИ, закрепленных в пп. «в» и пп. «л» п. 19 Стратегии — прозрачность (объяснимость работы ИИ и процесса достижения им результатов) и достоверность исходных данных.

## 2. Право на достоинство личности

Термин «достоинство» очень многогранен и многозначен. Н. С. Бондарь и В. И. Крусс, комментируя ст. 21 Конституции РФ<sup>17</sup>, рассматривают достоинство личности с нескольких позиций: как «необходимое и неотъемлемое свойство человека как биопсихосоциального существа», как «меру личностной самооценки», а также как «одно из основных прав». Содержание термина можно раскрыть, обратившись к решениям Конституционного Суда РФ, который в ряде постановлений<sup>18</sup> указывал на достоинство личности как на основу всех прав и свобод, условие их существования и соблюдения. Соответственно, сквозь такую призму восприятия содержания «достоинства» личности, вред, который может быть нанесен любому из прав человека посредством внедрения ИИ, создаст угрозу и праву на достоинство личности как на своего рода «основу основ».

<sup>15</sup> См.: *Zhisheng C. Ethics and discrimination in artificial intelligence-enabled recruitment practices. P. 5–6 ; Beneduce G. Artificial intelligence in recruitment: just because it's biased, does it mean it's bad? // Repositório da Universidade Nova de Lisboa. P. 6–8. URL: [https://run.unl.pt/bitstream/10362/104090/1/23752\\_Giusy\\_Beneduce\\_1920S2\\_39652\\_Giusy\\_Beneduce\\_136101\\_1668423260.pdf](https://run.unl.pt/bitstream/10362/104090/1/23752_Giusy_Beneduce_1920S2_39652_Giusy_Beneduce_136101_1668423260.pdf)* (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>16</sup> Доклад Специального докладчика по вопросу о современных формах расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости Ашвини К. П. (A/HRC/56/68) / Департамент по делам Генеральной Ассамблеи и конференционному управлению. С. 4–6 // URL: <https://docs.un.org/gc/A/HRC/56/68> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>17</sup> Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. В. Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М. : Норма : Инфра-М, 2013. С. 210–211.

<sup>18</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882 ; постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2016 № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» в связи с жалобой гражданина С. В. Иванова» // СЗ РФ. 2016. № 4. Ст. 551 ; постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера» // СЗ РФ. 2017. № 12. Ст. 1779.

Вместе с тем существует более узкий подход к пониманию рассматриваемого термина. В соответствии с Этическими принципами надежного искусственного интеллекта, разработанными Экспертной группой высокого уровня по ИИ, достоинство понимается как идея о том, что каждый человек обладает «внутренне присущей ценностью», которая не должна умаляться, ставиться под угрозу или подавляться чем бы то ни было — ни людьми, ни новыми технологиями, такими как ИИ, следовательно, уважение человеческого достоинства предполагает, что «ко всем людям необходимо относиться с должным уважением как к субъектам морали, а не к объектам, которые можно подробно изучать, сортировать, подсчитывать, собирать, обрабатывать и подвергать манипуляциям»<sup>19</sup>. В этом смысле негативное воздействие ИИ на достоинство личности проявляется в ее «обесчеловечивании», сведении к совокупности данных<sup>20</sup>, в посягательстве на автономию и свободу воли (например, за счет исключения человека из процесса принятия решений)<sup>21</sup>, манипулировании (например, при использовании алгоритмов для навязывания определенных моделей поведения, «погружении» в информационные колодцы)<sup>22</sup> и т.д.

Стратегия развития ИИ в пп. «в» и пп. «е» п. 51(10) декларирует несколько принципов развития нормативного правового регулирования, которые направлены, в том числе на недопущение описанного негативного воздействия ИИ на право на достоинство личности: принцип уважения автономии и свободы воли человека, а также принцип ответственности, предполагающий недопущение делегирования ИИ ответственного нравственного выбора.

### 3. Право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну

Представляется, что содержание права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну наиболее комплексно можно раскрыть сквозь призму практики Конституционного Суда РФ. Согласно одному из определений<sup>23</sup> право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну в том числе означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера. Это позволяет утверждать, что только сам человек

<sup>19</sup> High-Level Expert Group on Artificial Intelligence. Ethics guidelines for trustworthy AI // Shaping Europe's digital future. Р. 10. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>20</sup> См.: Formosa P., Rogers W., Griep Y. et al. Medical AI and human dignity: Contrasting perceptions of human and artificially intelligent (AI) decision making in diagnostic and medical resource allocation contexts // Computers in Human Behavior. 2022. № 133. Р. 10. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563222001182> (дата обращения: 30.09.2025) ; Binns R., Kleek M., Veale M., et al. «It's Reducing a Human Being to a Percentage»: Perceptions of Justice in Algorithmic Decisions // Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. 2018. № 337. Р. 6. URL: <https://arxiv.org/pdf/1801.10408.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>21</sup> См.: Teo S. A. Human dignity and AI: mapping the contours and utility of human dignity in addressing challenges presented by AI // Law, Innovation and Technology. № 15. Р. 1–39. URL: [https://www.researchgate.net/publication/369151128\\_Human\\_dignity\\_and\\_AI\\_mapping\\_the\\_contours\\_and\\_utility\\_of\\_human\\_dignity\\_in\\_addressing\\_challenges\\_presented\\_by\\_AI](https://www.researchgate.net/publication/369151128_Human_dignity_and_AI_mapping_the_contours_and_utility_of_human_dignity_in_addressing_challenges_presented_by_AI) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>22</sup> См.: Kizito A. Human Dignity in the Era of Artificial Intelligence and Robotics: Issues and Prospects // Journal of Humanities and Social Sciences Studies. 2023. № 5. Р. 93. URL: [https://www.researchgate.net/publication/371547509\\_Human\\_Dignity\\_in\\_the\\_Era\\_of\\_Artificial\\_Intelligence\\_and\\_Robotics\\_Issues\\_and\\_Prospects](https://www.researchgate.net/publication/371547509_Human_Dignity_in_the_Era_of_Artificial_Intelligence_and_Robotics_Issues_and_Prospects) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>23</sup> См.: определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/70205530/> (дата обращения: 30.09.2025).

вправе определить, какие именно сведения, имеющие отношение к его частной жизни, должны оставаться в тайне, соответственно, сбор, хранение, использование и распространение информации, не доверенной никому, не допускается без согласия самого человека.

Рассматривая право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну невозможно обойти стороной особую категорию информации — персональные данные, которые согласно Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Закон «О персональных данных»), представляют собой информацию, относящуюся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу. Появление, становление и развитие информационных технологий вывело вопросы сбора, обработки и использования данных, в том числе персональных, на новый уровень, что стало не только благом, но и угрозой. Угрозы ИИ, связанные с персональными данными, в сущности, те же, что были раньше — утечки, неправомерная обработка, использование против граждан. При этом существенно различаются масштаб, характер и возможные последствия таких угроз в условиях применения и развития именно технологий ИИ, это может быть обусловлено<sup>24</sup>:

- количеством обрабатываемых алгоритмами данных, которое настолько превосходит те объемы, что обрабатывались раньше, что некоторые авторы полагают<sup>25</sup>, что в период между 2026 и 2032 г. данные для обучения больших языковых моделей (БЯМ) «закончатся», т.е. будут использованы все доступные «естественные» (созданные людьми) данные.
- «непрозрачностью» алгоритмов ИИ, проявляющейся в неочевидности порядка их работы, характера собираемых и анализируемых данных. В этом свете стоит упомянуть проблему «черного ящика», которая предполагает, что ИИ, достигая поставленной цели, может работать неочевидным для людей, в том числе разработчиков, образом (например, действовать методами, незаложенными в алгоритм и т.д.)<sup>26</sup>;
- возможностью автоматизированной обработки данных, выложенных с целью, отличной от цели обработки (например, фотографий и иной личной информации в социальных сетях). Так, сервис Predictum оценивал вероятность того, что потенциальная няня будет склонна к нежелательному поведению, вроде употребления наркотиков, травли, домогательств<sup>27</sup> путем анализа ее постов в социальных сетях и месседжерах, т.е. тех данных, которые явно не предназначались для обработки кем-либо или чем-либо. Подобный «кросс-платформенный» анализ данных может не только нарушать правила обработки персональных данных, но

<sup>24</sup> См.: *Meinhardt C., King J. Rethinking Privacy in the AI Era: Policy Provocations for a Data-Centric World* // Stanford HAI. URL: <https://hai.stanford.edu/assets/files/2024-02/White-Paper-Rethinking-Privacy-AI-Era.pdf> (дата обращения: 30.09.2025) ; *Privacy in an AI Era: How Do We Protect Our Personal Information?* // Stanford HAI. URL: <https://hai.stanford.edu/news/privacy-ai-era-how-do-we-protect-our-personal-information> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>25</sup> *Villalobos P., Ho A., Sevilla J., et al. Position: Will we run out of data? Limits of LLM scaling based on human-generated data* // *Proceedings of the 41st International Conference on Machine Learning. Proceedings of Machine Learning Research.* 2024. P. 1–22. URL: <https://openreview.net/pdf?id=ViZcgDQjyG> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>26</sup> См.: *Bathaee Y. The Artificial Intelligence Black Box and the Failure of Intent and Causation* // *Harvard Journal of Law & Technology.* 2018. V. 31. № 2. P. 906–907. URL: <https://jolt.law.harvard.edu/assets/articlePDFs/v31/The-Artificial-Intelligence-Black-Box-and-the-Failure-of-Intent-and-Causation-Yavar-Bathaee.pdf> (дата обращения: 30.09.2025) ; *Kosinski M. What is black box artificial intelligence (AI)?* // *IBM.* 2024. URL: <https://www.ibm.com/think/topics/black-box-ai> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>27</sup> *Wanted: The «perfect babysitter». Must pass AI scan for respect and attitude* // *The Washington Post.* 2018. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2018/11/16/wanted-perfect-babysitter-must-pass-ai-scan-respect-attitude/> (дата обращения: 30.09.2025).

и способен привести к формированию ИИ выводов, далеко выходящих за рамки того, что в этих данных содержится<sup>28</sup>.

Стратегия развития ИИ содержит ряд принципов, соблюдение которых должно препятствовать нарушению права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну: защиты прав и свобод человека (пп. «а» п. 19 Стратегии), безопасности (пп. «б» п. 19 Стратегии), прозрачности (пп. «в» п. 19 Стратегии), защищенности (пп. «к» п. 19 Стратегии).

#### 4. Право на обращение

Содержание закрепленного в Конституции РФ права на обращение раскрывается в ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», согласно которой граждане имеют право обращаться в государственные органы, органы местного самоуправления и к должностным лицам, в государственные и муниципальные учреждения и иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций.

Сегодня технологии ИИ активно внедряются в государственное управление. Например, в п. 51(8) Стратегии развития ИИ закреплены основные направления внедрения доверенных технологий ИИ в органы публичной власти и организаций. При этом в последнее время всё чаще говорят об использовании ИИ при работе с гражданами: вынесении судебных решений<sup>29</sup>, рассмотрении обращений<sup>30</sup> и т.д. При этом существует ряд проблемных вопросов. Так, имеет место проблема обеспечения права на обращение, поскольку вынесенное ИИ решение может не соответствовать требованиям нормативных правовых актов (например, законность, обоснованность, объективность) и граждан (субъективная характеристика, связанная с юридической категорией «усмотрение»). В этой связи в отечественных и зарубежных нормативных правовых актах предусматривается частичное ограничение возможности принятия решений ИИ, а также юридической силы таких решений. Например, статья 22 Общего регламента по защите данных<sup>31</sup> (GDPR) закрепляет право субъекта данных не «подвергаться» решению, которое основано исключительно на автоматизированной обработке, в том числе профилировании,зывающему для него юридические последствия или похожим образом существенно влияющему на него. В части 1 ст. 16 Закона «О персональных данных» содержится запрет на принятие на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы.

Вышеназванные акты, допуская в ряде случаев принятие решений на основании автоматизированной обработки данных, закрепляют право возражать против таких решений и оспаривать их. В связи с этим как в России<sup>32</sup>, так и в зарубежных

<sup>28</sup> Lee H.-P., Yang Y.-J., Davier T., et al. Phrenology, Surveillance, and More! A Taxonomy of AI Privacy Risks // Cornell University. P. 12. URL: <https://arxiv.org/pdf/2310.07879> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>29</sup> В Совете судей предложили использовать ИИ в делах приказного производства // Интерфакс. 2025. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1012233> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>30</sup> Минцифры предложило провести эксперимент с генеративным ИИ в госуправлении // Forbes. 2025. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/542531-mincifry-predlozilo-proves-ti-eksperiment-s-generativnym-ii-v-gosupravlenii> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>31</sup> Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // European Union. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A02016R0679-20160504> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>32</sup> См.: Архипов В. В., Наумов В. Б., Смирнова К. М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. Т. 12. Вып. 4. С. 882–906.

государствах<sup>33</sup> говорят о праве на оспаривание (противостояние) ИИ (the right to contest AI). При этом право на оспаривание ИИ связано с еще одним проблемным вопросом — сложность реализации права на такое оспаривание. Это обусловлено непрозрачностью алгоритмов<sup>34</sup>, отсутствием очевидных средств оспаривания<sup>35</sup>, трудностью доказывания необоснованности принятого решения<sup>36</sup> и т.д. При этом важно отметить, что пп. «е» п. 51(10) Стратегии развития ИИ, закрепляя принцип ответственности, напрямую запрещает делегирование ИИ ответственного нравственного выбора (в том числе принятие любых решений, способных оказать влияние на жизнь или здоровье человека). Вместе с тем, думается, было бы целесообразно установить четкий, понятный и допустимо простой порядок оспаривания решений, принимаемых ИИ, как, впрочем, и порядок непосредственно принятия таких решений, что уже предлагалось ранее<sup>37</sup>.

Несмотря на вышеназванные риски и угрозы, стоит отметить, что внедрение ИИ в государственное и муниципальное управление (при условии надлежащего контроля за использованием этих технологий со стороны человека — уполномоченных лиц, а также делегировании ИИ наиболее простых и типовых задач) будет способствовать более эффективной реализации права граждан на обращение (например, за счет сокращения сроков рассмотрения обращения), а как следствие, повышению эффективности деятельности государственных и муниципальных органов, что приведет к еще большему повышению доверия к ним среди населения.

## 5. Право на труд и защиту от безработицы

Право человека на труд включает в себя несколько элементов<sup>38</sup>, при этом на три из них может повлиять внедрение ИИ:

- право на труд в собственном смысле слова, т.е. возможность избирать вид трудовой деятельности, профессию или специальность, определять место приложения своего труда как в пределах, так и за пределами Российской Федерации и выбирать контрагента по договору или контракту<sup>39</sup>;
- право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены;
- право на защиту от безработицы.

<sup>33</sup> См.: *Kaminski M. E., Urban J. M.* The right to contest AI // Columbia Law Review. 2021. V. 121. № 7. P. 1957–2047. URL: <https://scholar.law.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2506&-context=faculty-articles> (дата обращения: 30.09.2025) ; *Rodrigues R.* Legal and human right issues of AI: Gaps, challenges and vulnerabilities // Journal of Responsible Technology. 2020. V. 4. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2666659620300056> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>34</sup> См.: *Hildebrandt M.* The New Imbroglio — Living with Machine Algorithms // *Janssens L.* The Art of Ethics in the Information Society. P. 55–60. URL: <https://mediarep.org/server/api/core/bitstreams/76090e54-9c2f-4334-af44-fa1c04db85d0/content> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>35</sup> См.: *Edwards L., Veale M.* Slave to the Algorithm? Why a «Right to an Explanation» Is Probably Not the Remedy You Are Looking For // Duke Law & Technology Review. 2017. V. 18. P. 19. URL: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1315&context=dltr> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>36</sup> См.: *Roig A.* Safeguards for the right not to be subject to a decision based solely on automated processing (Article 22 GDPR) // European Journal of Law and Tech. 2017. V. 8. № 3. P. 6. URL: <https://ejlt.org/index.php/ejlt/article/view/570/772> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>37</sup> Порядок обжалования вынесенных роботами решений могут упростить // Российская газета. 2021. URL: <https://rg.ru/2021/12/28/poriadok-obzhalovaniia-vynesennyh-robotami-reshenij-mogut-uprostit.html> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>38</sup> Подробнее см.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. В. Д. Зорькина. С. 367–370.

<sup>39</sup> Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. В. Д. Зорькина. С. 367.

Внедрение ИИ может «посягать» на право на труд в собственном смысле в двух проявлениях.

Первое связано с возможной дискриминацией в результате делегирования ИИ принятия решений по работе с персоналом (прием на работу, повышение или понижение в должности, распределение задач, оценка эффективности работника, увольнение и т.д.). Ранее приводился характерный пример, связанный с дискриминацией при приеме на работу ИИ-инструментом компании Amazon. В положениях Закона Европейского Союза об ИИ<sup>40</sup> (Artificial Intelligence Act) обращается внимание на данную проблему: параграф 4 приложения 3 относит алгоритмы, применяемые в сфере занятости, управления работниками и доступа к самозанятости, к высокорисковым ИИ-системам (High-Risk AI Systems). А в статье 9 Закона Европейского Союза об ИИ закрепляется необходимость создания и использования в отношении таких высокорисковых ИИ-систем систем управления рисками, посредством которых должны выявляться, анализироваться, оцениваться и устраняться или минимизироваться соответствующие риски. Статья 14 вышеупомянутого акта устанавливает необходимость обеспечения за высокорисковыми ИИ-системами человеческого контроля, направленного на предотвращение или минимизацию рисков для здоровья, безопасности или основных прав. Дополнительной гарантией выступает закрепленное в ст. 86 Закона Европейского Союза право любого лица, затрагиваемого решением высокорисковых ИИ-систем, которое считает, что решение ИИ, влекущее для него юридические последствия или влияющее на него аналогичным образом, оказывает неблагоприятное воздействие на его здоровье, безопасность или основные права, на получение от организации, разместившей ИИ-систему, объяснения по поводу роли ИИ-системы в процедуре принятия решения и основных элементов принятого решения.

Второе проявление негативного воздействия ИИ на право на труд в собственном смысле слова связано с потенциальной возможностью массового замещения людей как исполнителей определенной трудовой функции, работой технологий ИИ, что может привести к сокращению рабочих мест. В этом свете стоит отметить, что прогнозы относительно влияния ИИ на количество рабочих мест сильно различаются: одни крайне пессимистичны и предрекают сокращение десятков и сотен миллионов рабочих мест<sup>41</sup>, другие — наоборот, обещают рост их числа<sup>42</sup>. Несмотря на противоречивость прогнозов, очевиден тот факт, что рынок труда меняется, что, в свою очередь, может обострить некоторые социальные проблемы (как это было в случае с организацией представителями творческих профессий забастовок в связи с риском внедрения ИИ в их сферу деятельности<sup>43</sup>). При этом важно отметить, что, поскольку «право на труд не является субъективным в том смысле, что оно не дополняется

<sup>40</sup> Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No. 300/2008, (EU) No. 167/2013, (EU) No. 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // European Union. EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>41</sup> См.: AI could replace equivalent of 300 million jobs — report // BBC. 2023. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-65102150> (дата обращения: 30.09.2025) ; Manufacturing Job Impact: How Many Roles Are Being Replaced? // PatentPC. 2025. URL: <https://patentpc.com/blog/manufacturing-job-impact-how-many-roles-are-being-replaced> (дата обращения: 30.09.2025) ; Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages // McKinsey. 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>42</sup> См.: The Future of Jobs Report 2025 // World Economic Forum. 2025. P. 5. URL: [https://reports.weforum.org/docs/WEF\\_Future\\_of\\_Jobs\\_Report\\_2025.pdf](https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>43</sup> См.: Hollywood writers fear losing work to AI // BBC. 2023. URL: <https://www.bbc.com/news/business-66289583> (дата обращения: 30.09.2025) ; Video game actors' strike officially ends

чьей-либо обязанностью предоставлять каждому конкретному лицу желательную для него работу или должность»<sup>44</sup>, внедрение ИИ не посягает на него напрямую: физическое лицо, сохраняя за собой право на труд, попросту теряет некоторые способы его реализации (т.е. возможность устроиться по конкретной специальности, на определенные должности и т.д.). При этом потенциальное сокращение рабочих мест обуславливает влияние ИИ-систем на право на защиту от безработицы. Как видится, именно поэтому закрепленный в пп. «а» п. 19 Стратегии развития ИИ принцип защиты прав и свобод человека раскрывается, помимо прочего, через указание на обеспечение защиты прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной адаптации к условиям цифровой экономики.

Внедрение ИИ-систем также оказывается на безопасности труда, однако в этой сфере влияние ИИ можно охарактеризовать преимущественно положительно. Так, согласно отчету «Революция в области охраны труда и техники безопасности: роль искусственного интеллекта и цифровизации на рабочем месте», подготовленному Международной организацией труда, использование инструментов «интеллектуальной охраны труда» (инструментов с современными технологиями, в том числе ИИ), улучшает обнаружение рисков и реагирование на них<sup>45</sup>.

Технологии ИИ оказывают влияние не только на приведенные в настоящем параграфе, как представляется, наиболее «чувствительные» к воздействию ИИ, права человека, но и на другие права — право на защиту чести и доброго имени (например, в случае использования ИИ для создания порочащих deepfake-материалов), право интеллектуальной собственности (например, при использовании защищенных авторским правом данных для обучения моделей ИИ) и др. Полномасштабное осмысление влияния ИИ на все права человека — дело будущего, которое требует серьезных усилий междисциплинарных коллективов. На протяжении последних лет появлялись различные инициативы о принятии отдельных стратегических документов в сфере защиты прав человека на федеральном уровне в целом<sup>46</sup>, но в отсутствие системной связи между собой и ключевой идеи, обосновывающей необходимость ее принятия, они до настоящего времени не обсуждаются. Возможно, такой идеей может стать создание комплексного публично-правового механизма обеспечения прав человека в условиях цифровой трансформации и технологического развития.

<sup>44</sup> after AI deal // BBC. 2025. URL: <https://www.bbc.com/news/articles/c5ykx117keqo> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>45</sup> Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. проф. В. Д. Зорькина. С. 367.

<sup>46</sup> Global report: revolutionizing health and safety: The role of AI and digitalization at work // International Labor Organisation. Р. 58. URL: [https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-04/ILO\\_Safeday25\\_Report\\_EN\\_r8%20%281%29\\_compressed\\_0.pdf](https://www.ilo.org/sites/default/files/2025-04/ILO_Safeday25_Report_EN_r8%20%281%29_compressed_0.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>47</sup> Предложения о Концепции правозащитной деятельности в рамках Национального плана действий в области прав человека, разрабатываемой по поручению Президента РФ от 20.02.2019 № Пр-233, по итогам встречи главы государства с СПЧ 11.12.2018. См.: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3965685>, URL: <http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/5405/>. О федеральной национальной стратегии государственной политики в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина, Национальном плане действий по образованию в области прав человека, о Федеральной целевой программе правового просвещения и образования в области прав и свобод человека, форм и методов их защиты, предлагаемыми Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации. См.: URL: [http://ombudsmanrf.org/pravo/news/partnerskie\\_proekty/view/zasedanie\\_ekspertnogo\\_soveta\\_po\\_voprosam\\_pravovogo\\_prosveshchenija](http://ombudsmanrf.org/pravo/news/partnerskie_proekty/view/zasedanie_ekspertnogo_soveta_po_voprosam_pravovogo_prosveshchenija), URL: <https://tass.ru/politika/3527231>, URL: <https://tass.ru/politika/5714912>, URL: <https://ria.ru/20161109/1481008396.html>.

Следовательно, новые вызовы обосновывают необходимость в поиске оптимальных и наиболее эффективных подходов (моделей) регулирования общественных отношений, складывающихся в информационном (цифровом) пространстве и по поводу использования в целях нарушения прав человека информационных (цифровых) технологий, а также в выработке новых или оптимизации существующих механизмов защиты прав граждан, обеспечения дополнительных гарантий для них в информационной (цифровой) среде, являющейся своего рода «продолжением» реального мира.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипов В. В., Наумов В. В., Смирнова К. М. Пределы принятия юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2021. — Т. 12. — Вып. 4. — С. 882–906.
2. Инновационная юриспруденция : учебник / отв. ред. В. В. Блажеев, М. В. Мажорина. — М. : Проспект, 2025. — 912 с.
3. Права молодежи в условиях цифровой среды: вопросы правового регулирования, реализации и защиты : монография / под общ. ред. Т. Н. Москальковой ; отв. ред. О. С. Рыбакова. — М. : Проспект, 2025. — 288 с.
4. Bathaae Y. The Artificial Intelligence Black Box and the Failure of Intent and Causation // Harvard Journal of Law & Technology. — 2018. — Vol. 31. — № 2.
5. Binns R., Kleek M., Veale M. et al. «It's Reducing a Human Being to a Percentage»: Perceptions of Justice in Algorithmic Decisions // Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. — 2018. — № 337.
6. Formosa P., Rogers W., Griep Y. et al. Medical AI and human dignity: Contrasting perceptions of human and artificially intelligent (AI) decision making in diagnostic and medical resource allocation contexts // Computers in Human Behavior. — 2022. — № 133.
7. Kizito A. Human Dignity in the Era of Artificial Intelligence and Robotics: Issues and Prospects // Journal of Humanities and Social Sciences Studies. — 2023. — № 5.
8. Maslej N., Fattorini L., Perrault R. et al. The AI Index 2025 Annual Report // AI Index Steering Committee, Institute for Human-Centered AI, Stanford University. — April 2025.
9. Teo S. A. Human dignity and AI: mapping the contours and utility of human dignity in addressing challenges presented by AI // Law, Innovation and Technology. — № 15.
10. Villalobos P., Ho A., Sevilla J. et al. Position: Will we run out of data? Limits of LLM scaling based on human-generated data // Proceedings of the 41st International Conference on Machine Learning. Proceedings of Machine Learning Research. — 2024.
11. Zhisheng C. Ethics and discrimination in artificial intelligence-enabled recruitment practices // Humanit Soc Sci Commun. — 2023. — No. 10.

## REFERENCES

1. Arkhipov VV., Naumov VB., Smirnova KM. The Limits of Automatic Decision-Making Based on Artificial Intelligence in Cases That Have Legal Significance. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law.* 2021;12(4):882-906. (In Russ.).
2. Blazheev VV, Mazhorina MV (eds.). Innovative Jurisprudence. Moscow: Prospect Publ.; 2025. (In Russ.).
3. Moskalkova TN, Rybakova OS (eds.). Youth rights in a digital environment: issues of legal regulation, implementation and protection. Moscow: Prospect Publ.; 2025. (In Russ.).
4. Bathaae Y. The Artificial Intelligence Black Box and the Failure of Intent and Causation. *Harvard Journal of Law & Technology.* 2018;31(2).
5. Binns R, Kleek M, Veale M, et al. «It's Reducing a Human Being to a Percentage»: Perceptions of Justice in Algorithmic Decisions. *Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems.* 2018;337.

6. Formosa P, Rogers W, Griep Y, et al. Medical AI and human dignity: Contrasting perceptions of human and artificially intelligent (AI) decision making in diagnostic and medical resource allocation contexts. *Computers in Human Behavior*. 2022;133. (In Russ.).
7. Kizito A. Human Dignity in the Era of Artificial Intelligence and Robotics: Issues and Prospects. *Journal of Humanities and Social Sciences Studies*. 2023;5.
8. Maslej N, Fattorini L, Perrault R, et al. The AI Index 2025 Annual Report. AI Index Steering Committee, Institute for Human-Centered AI. Stanford University; 2025.
9. Teo SA. Human dignity and AI: mapping the contours and utility of human dignity in addressing challenges presented by AI. *Law, Innovation and Technology*. 15.
10. Villalobos P, Ho A, Sevilla J., et al. Position: Will we run out of data? Limits of LLM scaling based on human-generated data. Proceedings of the 41st International Conference on Machine Learning. *Proceedings of Machine Learning Research*. 2024.
11. Zhisheng C. Ethics and discrimination in artificial intelligence-enabled recruitment practices. *Humanit Soc Sci Commun*. 2023;10.

# УМНЫЕ ИГРУШКИ И ЦИФРОВОЙ СЛЕД НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

**Рыжков Дмитрий Игоревич,**  
руководитель проекта Центра по обеспечению прав молодежи в цифровом  
пространстве, аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий  
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9  
[dir1922@yandex.ru](mailto:dir1922@yandex.ru)

© Рыжков Д. И., 2025

**Аннотация.** В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования цифрового следа несовершеннолетних в условиях стремительного развития цифровых технологий, особенно в контексте использования умных игрушек и интернет-устройств. Проанализированы основные международные и российские подходы к защите персональных данных детей, выявлены правовые риски и пробелы, характерные для современных технологических решений. Особое внимание уделено необходимости комплексного регулирования, которое объединяет законодательные нормы, технические стандарты, эффективный государственный и общественный контроль. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и практик защиты цифрового следа несовершеннолетних в Российской Федерации с учетом зарубежного опыта.

**Ключевые слова:** цифровой след; несовершеннолетние; персональные данные; информационная безопасность; умные игрушки; интернет вещей; правовое регулирование; защита детей; конфиденциальность.

**Благодарности.** Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

## SMART TOYS AND THE DIGITAL FOOTPRINT OF MINORS: LEGAL REGULATION ISSUES

**Dmitriy I. Ryzhkov,**  
project manager of the Center for Ensuring the Rights of Youth in the Digital Space; Graduate Student, Department of IT and Digital Technologies Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation  
[dir1922@yandex.ru](mailto:dir1922@yandex.ru)

**Abstract.** The paper addresses pressing issues in the legal regulation of the digital footprint of minors amid the rapid development of digital technologies, particularly in the context of smart toys and internet-connected devices. It analyzes key international and Russian approaches to protecting children's personal data, identifying legal risks and

*gaps inherent in modern technological solutions. Special attention is given to the need for comprehensive regulation that integrates legislative provisions, technical standards, and effective state and public oversight. The authors propose measures to improve legislation and practices for safeguarding the digital footprint of minors in the Russian Federation, taking into account relevant foreign experience.*

**Keywords:** digital footprint; minors; personal data; information security; smart toys; internet of things; legal regulation; child protection; privacy.

**Acknowledgements.** The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

**С**овременное общество переживает этап глубокой цифровой трансформации, характеризующийся повсеместным внедрением высокотехнологичных устройств, объединенных в интернет вещей (Internet of Things, IoT)<sup>1</sup>. Устройства, оснащенные множеством датчиков и возможностью постоянного подключения к сети Интернет, стремительно заполняют рынок детских товаров, формируя новую реальность «цифрового» детства. При этом умные игрушки — от интерактивных кукол до программируемых роботов — собирают, обрабатывают и передают значительное количество как несовершеннолетних персональных данных, так и персональных данных их родителей, формируя обширный цифровой след<sup>2</sup>.

Мировой рынок игрушек в 2024 г. оценивался в 114,4 млрд долл., при этом потребители отдельных стран наиболее заинтересованы игрушками, которые включают такие функции, как дополненная реальность, виртуальная реальность и искусственный интеллект, сочетая физическую игру с цифровым улучшениями<sup>3</sup>. Представляется очевидным, что несовершеннолетние являются особо уязвимой категорией пользователей цифровых технологий, поскольку не обладают достаточными компетенциями для защиты своих цифровых прав. В последние же годы всё чаще возникают инциденты безопасности с умными игрушками, что свидетельствует о необходимости комплексного анализа правового регулирования данной сферы<sup>4</sup>.

Структурно рынок умных игрушек подразделяется на несколько основных сегментов. Интерактивные игрушки с элементами искусственного интеллекта обеспечивают персонализированное взаимодействие с ребенком на основе анализа его речевых команд и поведенческих паттернов<sup>5</sup>. Образовательные роботы и конструкторы предназначены для обучения детей основам программирования и STEM-дисциплин. Носимые устройства (умные часы, фитнес-браслеты) отслеживают физическую активность и местоположение ребенка. Устройства для младенцев (умные мониторы, интерактивные игрушки для колыбели) собирают данные о режиме сна, плаче и физиологических показателях.

<sup>1</sup> См.: Интернет вещей. Развитие технологий и оценка возможностей перехода на отечественные решения. М. : АНО «Цифровая экономика», 2024. 134 с. URL: <https://files.data-economy.ru/Docs/IoT-5.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>2</sup> См.: Умные игрушки могут собирать данные о ребенке: как защитить семью от слежки // Компьютерра. URL: <https://www.computerra.ru/290335/umnye-igrushki-mogut-sobirat-dannye-o-rebenke-kak-zashhitit-semyu-ot-slezhki/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>3</sup> См.: Размер рынка игрушек — по типу продукта, по мощности, по ценовому диапазону, по использованию, по конечному использованию, по каналу сбыта, прогноз, 2025–2034 гг. // Global Market Insights. URL: <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/toy-market> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>4</sup> См.: Smart toy vulnerabilities could let cybercriminals video-chat with kids // Kaspersky. URL: <https://www.kaspersky.com/about/press-releases/smart-toy-vulnerabilities-could-let-cybercriminals-video-chat-with-kids> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>5</sup> См.: Умный Мишка (Mishka AI) // ICT Moscow. URL: <https://ict.moscow/card/mishka-ai-umnyj-mishka/> (дата обращения: 30.09.2025).

Географически рынок характеризуется доминированием азиатских производителей, прежде всего китайских компаний, которые обеспечивают производство около 80 % всех игрушек в мире<sup>6</sup>. При этом крупнейшими рынками сбыта являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза и Китай. Российский рынок умных игрушек также характеризуется преобладанием импортной продукции<sup>7</sup>.

Устройства Интернета вещей, ориентированные на детскую аудиторию, представляют собой сложные технические системы, интегрирующие разнообразные сенсорные технологии, вычислительные мощности и коммуникационные модули. Как справедливо отмечает Н. В. Кучковская, IoT-устройства собирают значительное число категорий данных, относимых законодательством Российской Федерации к персональным данным<sup>8</sup>.

Игрушки в современном мире могут оснащаться следующими компонентами сбора данных: микрофонами для распознавания речи, камерами для идентификации визуальных паттернов, акселерометрами и гироскопами для отслеживания движений, GPS-модулями для определения геолокации, датчиками приближения, а также радиопередатчиками для обеспечения связи через Wi-Fi или Bluetooth<sup>9</sup>. Данные сенсорные технологии позволяют устройствам непрерывно собирать информацию о физическом окружении ребенка, его поведении, предпочтениях и даже эмоциональном состоянии.

Принципиально важным является то, что большинство современных умных игрушек функционируют не автономно, а в составе распределенной информационной системы. Собранные данные передаются на удаленные серверы, где подвергаются обработке с использованием технологий искусственного интеллекта для персонализации взаимодействия с ребенком. При этом, как отмечают исследователи из Университета Базеля, многие производители не обеспечивают должного уровня шифрования при передаче данных, что создает дополнительные риски их несанкционированного перехвата<sup>10</sup>.

Данные, генерируемые умными игрушками, характеризуются исключительной широтой и включают различные категории информации, которые могут быть в том числе отнесены к персональным данным.

Идентификационные данные включают имя ребенка, дату рождения, пол, фотографические изображения, а также сведения о родителях или законных представителях (адреса электронной почты, номера телефонов, платежную информацию)<sup>11</sup>. Такие категории данных позволяют идентифицировать конкретного несовершеннолетнего пользователя в цифровом пространстве.

Данные о геолокации представляют собой информацию о текущем местоположении ребенка, его перемещениях, посещаемых местах, что в совокупности позволяет

<sup>6</sup> См.: More toy innovations coming out of China: industry expert // ChinaDaily. URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201902/19/WS5c6b934ca3106c65c34ea1db.html> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>7</sup> См.: Таможенное оформление игрушек // URL: <https://sbcargo.ru/poleznaya-informatsiya/tamozhennoe-oformlenie-igrushek/#:~:text=o> государственной регистрации. Страны-импортеры, игрушки должны проходить радиочастотную экспертизу (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>8</sup> См.: Кучковская Н. В. Развитие права в области IoT // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4А. С. 350–356.

<sup>9</sup> См.: Умные игрушки от Google смогут управлять оборудованием в доме // Умный дом. URL: <https://dom-automation.ru/umnyj-dom/articles/umnye-igrushki-ot-google-smogut-upravlyat-oborudovaniem-v-dome.html> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>10</sup> См.: Pavliv V., Akbari N., Wagner I. AI-powered smart toys: interactive friends or surveillance devices? // Proceedings of the 14th International Conference on the Internet of Things. Oulu. 2025. P. 172–175.

<sup>11</sup> См.: Consumer Notice: Internet-connected Toys Could Present Privacy and Contact Concerns for Children // TowneBank. URL: <https://www.townebank.com/personal/resource/security/digital/internet-toys/> (дата обращения: 30.09.2025).

установить адрес проживания, образовательное учреждение, маршруты передвижения<sup>12</sup>. Данные о местоположении относятся к наиболее чувствительной категории информации, поскольку их несанкционированное использование может создавать риски для физической безопасности ребенка.

Кроме того, умные игрушки могут осуществлять сбор голосовых сообщений, содержания разговоров, историю взаимодействия с устройством, предпочтения ребенка, его интересы и увлечения. Интеллектуальный анализ данной категории информации позволяет формировать детальные психологические профили несовершеннолетних, что в дальнейшем используется производителями для таргетированной рекламы и манипулятивных практик<sup>13</sup>. Биометрические данные, получаемые через распознавание лица, голоса, а также анализ эмоциональных реакций, образуют особую категорию собираемой информации, поскольку законодательство о биометрических персональных данных устанавливает более жесткие требования к их сбору, хранению и обработке.

Кроме того, умные игрушки интегрируют передовые технологические решения. Одним из ключевых трендов является использование технологий машинного обучения и обработки естественного языка, что позволяет устройствам адаптироваться к индивидуальным особенностям ребенка, распознавать его эмоциональное состояние и формировать персонализированные ответы. Игрушки типа Hello Barbie от Mattel или Dino от Cognitoys способны поддерживать диалог с ребенком, запоминать предыдущие разговоры и использовать полученную информацию для последующих взаимодействий<sup>14</sup>.

Другим значимым направлением является интеграция дополненной реальности и облачных сервисов. Игрушки подключаются к мобильным приложениям родителей, обеспечивая удаленный мониторинг активности ребенка, видеосвязь через встроенные камеры, а также доступ к библиотекам образовательного контента. Технология распознавания лиц позволяет устройствам идентифицировать ребенка и членов его семьи, а системы геолокации обеспечивают постоянное отслеживание местоположения<sup>15</sup>.

Однако увеличение числа новых функций умных игрушек сопровождается возрастанием количества рисков в сфере нарушения права на личную и семейную тайны, а также в сфере безопасности данных. Ключевым же риском, связанным с использованием умных игрушек, является угроза конфиденциальности персональных данных несовершеннолетних.

Так, в первую очередь существенная часть производителей интеллектуальных игрушек не обеспечивает должной защиты соединений между устройствами и серверами. Анализ, проведенный экспертами «Лаборатории Касперского», показал, что такие популярные детские устройства, как куклы Cayla и роботы i-Que от компании Genesis Toys, подключаются к смартфонам по протоколу Bluetooth без какой-либо аутентификации и не требуют введения пароля. Это создает условия для

<sup>12</sup> См.: Chinese toymaker accused of violating children's privacy in U.S., products also sold in Canada // CTVNews. URL: <https://www.ctvnews.ca/canada/article/chinese-toymaker-accused-by-us-of-sharing-childrens-data-sells-products-in-canada/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>13</sup> См.: Fantinato M., Priscilla de Albuquerque A., Yankson B. A Literature Survey on Smart Toy-related Children's Privacy Risks // Proceedings of the 53rd Hawaii International Conference on System Sciences. Hawaii. 2020. P. 1479–1488.

<sup>14</sup> См.: Pavliv V., Akbari N., Wagner I. AI-powered smart toys: interactive friends or surveillance devices? // Proceedings of the 14th International Conference on the Internet of Things. Oulu. 2025. P. 172–175.

<sup>15</sup> См.: Smart Toys: Navigating fun and security challenges in the digital age // KidsNetGuard. URL: <https://kidsnetguard.com/en/2024/05/09/smart-toys-navigating-fun-and-security-challenges-in-the-digital-age/> (дата обращения: 30.09.2025).

противоправного перехвата аудиоданных и даже позволяет злоумышленникам вести диалог с ребенком через игрушку, используя ее в качестве беспроводной гарнитуры<sup>16</sup>.

Во-вторых, системы аутентификации многих устройств характеризуются недостаточной надежностью. Эксперты компании Kaspersky также обнаружили, что в популярном роботе для детей отсутствовала проверка подлинности при генерации токенов видеосессии, что позволяло любому лицу, знающему идентификатор устройства, инициировать видеозвонок ребенку без согласия родителей. Более того, система позволяла полностью захватить родительский аккаунт посредством простого перебора шестизначного одноразового пароля<sup>17</sup>.

В-третьих, архитектура облачных хранилищ данных нередко не соответствует современным стандартам информационной безопасности. Инцидент с игрушкой CloudPets в 2017 г. продемонстрировал, что производитель хранил персональную информацию и голосовые записи более чем двух миллионов пользователей в незащищенной базе данных, доступной через Интернет<sup>18</sup>. Аналогичная ситуация произошла с компанией VTech, когда в результате кибератаки были скомпрометированы данные 6,4 млн детей и 4,9 млн родителей<sup>19</sup>.

Существенную угрозу также представляют манипулятивные практики, основанные на использовании собранных персональных данных. Умные игрушки, оснащенные алгоритмами машинного обучения, способны анализировать предпочтения, эмоциональные реакции и поведенческие паттерны детей с целью формирования профилей для таргетированной рекламы. Как отмечается в руководстве Европейской комиссии по защите несовершеннолетних в цифровой среде, дети часто не обладают достаточной коммерческой грамотностью для распознавания манипулятивных техник и могут быть подвержены нежелательному воздействию<sup>20</sup>.

Особую озабоченность вызывают механизмы, направленные на формирование аддиктивного поведения. Игрушки могут использовать виртуальные валюты, механизмы т.н. «лутбоксов», системы наград и push-уведомления для стимулирования чрезмерного использования устройства. Директивы Европейского Союза по цифровым услугам требуют, чтобы подобные функции были отключены по умолчанию для несовершеннолетних пользователей<sup>21</sup>.

Помимо цифровых рисков, умные игрушки могут представлять угрозу для физической безопасности детей. Геолокационные функции, встроенные во многие устройства, позволяют отслеживать текущее местоположение и маршруты перемещения ребенка. В случае несанкционированного доступа к этим данным злоумышленники могут получить информацию об адресе проживания, образовательном учреждении и ежедневных перемещениях несовершеннолетнего.

Так, Германия в 2017 г. запретила продажу куклы My Friend Cayla, признав ее устройством скрытого наблюдения, поскольку игрушка могла быть взломана для записи частных разговоров через Bluetooth-соединение без ведома родителей.

<sup>16</sup> См.: Недетские проблемы детских игрушек: как уследить за данными ребенка // Kaspersky daily. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/kids-devices-vulnerabilities/14574/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>17</sup> См.: Smart toy vulnerabilities can put your child at risk of abuse by strangers // Insomnihack. URL: <https://insomnihack.ch/talks/smart-toy-vulnerabilities-can-put-your-child-at-risk-of-abuse-by-strangers/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>18</sup> См.: Плюшевые мишки сболтнули лишнего // Газета.ru. URL: [https://www.gazeta.ru/tech/2017/03/01/10551011/cloud\\_pets.shtml?ysclid=mgxq9byrul76011297](https://www.gazeta.ru/tech/2017/03/01/10551011/cloud_pets.shtml?ysclid=mgxq9byrul76011297) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>19</sup> См.: В ходе атаки на VTech скомпрометированы данные 11 млн пользователей // SecurityLab.ru. URL: <https://www.securitylab.ru/news/477140.php?ysclid=mgxqddfpjq923546527> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>20</sup> См.: Commission publishes guidelines on the protection of minors // Official website of the European Union. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/commission-publishes-guidelines-protection-minors> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>21</sup> Commission publishes guidelines on the protection of minors.

Аналогичные меры были предприняты в отношении умных часов для детей, которые были запрещены из-за рисков шпионажа<sup>22</sup>. Отдельные ученые также отмечают, что постоянное отслеживание действий ребенка может негативно влиять на формирование его личности, создавая атмосферу тотального контроля. указывая, что чрезмерная зависимость от умных устройств может препятствовать развитию самостоятельности, творческого мышления и навыков социального взаимодействия<sup>23</sup>.

Далее следует обратиться к опыту правового регулирования сбора персональных данных о несовершеннолетних умными игрушками в различных странах.

Так, в Европейском Союзе разработана комплексная система защиты персональных данных несовершеннолетних в контексте использования цифровых технологий. Основополагающим актом является Общий регламент о защите персональных данных (GDPR)<sup>24</sup>. Статья 8 GDPR устанавливает возраст цифрового согласия в 16 лет с возможностью для государств — членов Европейского Союза снижения данного порога до 13 лет. Для детей младше установленного возраста обработка персональных данных требует получения согласия от родителей и опекунов несовершеннолетнего.

Принципиально важным является признание в GDPR персональных данных детей в качестве особой категории чувствительной информации, требующей повышенного уровня защиты. Так, статья 6(1)(f) GDPR указывает, что законные интересы оператора данных не могут служить основанием для обработки данных детей, что фактически исключает возможность обработки без явного согласия.

В развитие положений GDPR в 2020 г. в Великобритании был издан Кодекс проектирования с учетом возраста (англ. Age-Appropriate Design Code), устанавливающий 15 стандартов для онлайн-сервисов, доступных детям. Среди ключевых требований: высокий уровень конфиденциальности по умолчанию, ограничение геолокационных функций, запрет на использование техник для стимулирования раскрытия персональных данных, требование о проведении оценки рисков для прав детей<sup>25</sup>.

В дальнейшем, в рамках законодательства Европейского Союза были усилены меры, направленные на защиту прав несовершеннолетних посредством введения дополнительных требований о защите данных несовершеннолетних в рамках Акта о цифровых услугах (англ. Digital Services Act)<sup>26</sup>. Так, названным Актом установлены конкретные требования для онлайн-платформ, доступных несовершеннолетним: установка приватных настроек по умолчанию, модификация рекомендательных систем для снижения рисков столкновения с вредоносным контентом, расширение возможностей для блокировки пользователей, запрет на скачивание контента,

<sup>22</sup> См.: *Aphthor N., Varghese S., Feamster N. Evaluating the Contextual Integrity of Privacy Regulation: Parents» IoT Toy Privacy Norms Versus COPPA // The Proceedings of the 28th USENIX Security Symposium. Santa Clara. 2019. P. 123–140.*

<sup>23</sup> См.: *Castelli P. R. Are interactive toys spying on young children // IBSA Foundation for scientific research. URL: <https://www.ibsafoundation.org/en/blog/games-for-children-secretly-collect-data>* (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>24</sup> Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)». Принят в г. Брюсселе 27.04.2016. Неофициальный перевод Е. В. Новиковой // СПС «КонсультантПлюс».

<sup>25</sup> См.: *Age appropriate design: a code of practice for online services // ICO. URL: <https://ico.org.uk/for-organisations/uk-gdpr-guidance-and-resources/childrens-information/childrens-code-guidance-and-resources/age-appropriate-design-a-code-of-practice-for-online-services/>* (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>26</sup> См.: *Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // Official Journal of the European Union. 2022. L 277. P. 1–102. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng>* (дата обращения: 30.09.2025).

размещенного несовершеннолетними, отключение функций, способствующих чрезмерному использованию<sup>27</sup>.

В Соединенных Штатах Америки основным федеральным актом, регулирующим сбор персональных данных детей, является Закон о защите конфиденциальности детей в Интернете (англ. Children's Online Privacy Protection Act, COPPA). COPPA применяется к операторам онлайн-сервисов, деятельность которых ориентирована на детей до 13 лет, либо в случае, если имеются фактические сведения о том, сервис собирает данных от таких детей<sup>28</sup>.

В июне 2017 г. Федеральная торговая комиссия США прямо указала, что COPPA применяется к устройствам Интернета вещей, включая умные игрушки. Закон требует от операторов: размещения четкой политики конфиденциальности, получения поддающегося проверке родительского согласия до сбора данных, предоставления родителям возможности просматривать и удалять информацию о детях, обеспечения конфиденциальности и безопасности собранных данных<sup>29</sup>.

Значимым прецедентом применения COPPA к умным игрушкам стало дело компании VTech в 2018 г., когда Федеральной торговой комиссией США был наложен штраф в размере 650 000 долл. за незаконный сбор данных от примерно 5 млн родителей и детей без получения родительского согласия и без обеспеченияной защиты информации<sup>30</sup>. В 2025 г. Министерство юстиции США подало иск против китайской компании Apitor Technology за нарушение COPPA путем сбора геолокационных данных от детей младше 12 лет через мобильное приложение, связанное с образовательными роботами<sup>31</sup>.

На уровне штатов также принимаются специализированные акты. Так, в штате Калифорния разработан Кодекс проектирования с учетом возраста штата Калифорния (англ. California Age-Appropriate Design Code Act), во многом аналогичный британскому Кодексу проектирования с учетом возраста, который требует от операторов проведения оценки рисков для детей и минимизации сбора данных<sup>32</sup>. Законодательство названного штата устанавливает более жесткое правовое регулирование в сфере услуг для несовершеннолетних в цифровой среде, чем предусмотрено законодательством Соединенных Штатов Америки.

В законодательстве Китайской Народной Республики также уделяется значительное внимание правовому регулированию защиты персональных данных несовершеннолетних. Базовым актом является Закон о защите персональной информации

<sup>27</sup> The Digital Service Act (DSA) explained — What online platforms should do to keep kids and teens safe online // Official website of the European Union. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/digital-service-act-dsa-explained-what-online-platforms-should-do-keep-kids-and-teens-safe-online> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>28</sup> Children's Online Privacy Protection Act of 1998, 15 U.S.C. § 6501–6506 (COPPA). URL: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/childrens-online-privacy-protection-rule-coppa> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>29</sup> См.: Complying with COPPA: Frequently Asked Questions // An official website of the United States government. URL: <https://www.ftc.gov/business-guidance/resources/complying-coppa-frequently-asked-questions> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>30</sup> См.: Electronic Toy Maker VTech Settles FTC Allegations That it Violated Children's Privacy Law and the FTC Act // An official website of the United States government. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2018/01/electronic-toy-maker-vtech-settles-ftc-allegations-it-violated-childrens-privacy-law-ftc-act> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>31</sup> См.: FTC Takes Action Against Robot Toy Maker for Allowing Collection of Children's Data without Parental Consent // An official website of the United States government. URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2025/09/ftc-takes-action-against-robot-toy-maker-allowing-collection-childrens-data-without-parental-consent> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>32</sup> California Assembly Bill 2273 (Age-Appropriate Design Code Act) // California Legislative Information. 2022. URL: <https://legiscan.com/CA/text/AB2273/id/2606836> (дата обращения: 30.09.2025).

(англ. Personal Information Protection Law, PIPL). PIPL признает личные данные детей до 14 лет конфиденциальной информацией, требующей особых мер защиты<sup>33</sup>.

Статья 31 PIPL устанавливает, что обработка персональных данных несовершеннолетних до 14 лет допускается только при получении согласия от родителей или иных законных представителей. Операторы обязаны разработать специальные правила обработки персональных данных несовершеннолетних, провести оценку воздействия на защиту персональных данных, а также обеспечить прозрачность обработки. Названный нормативный правовой акт требует от операторов доказывания факта того, что они предприняли все возможные меры для проверки возраста пользователей. Кроме того, в октябре 2021 г. было предложено обязать несовершеннолетних при регистрации в Интернете указывать личные данные родителей и предоставлять их согласие<sup>34</sup>.

В Российской Федерации правовое регулирование защиты персональных данных несовершеннолетних при использовании умных игрушек находится на стадии формирования и характеризуется фрагментарностью. Базовым актом является Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Закон о персональных данных), однако данный нормативный правовой акт не содержит специальных положений, учитывающих особенности обработки данных детей<sup>35</sup>. Согласно положениям Закона о персональных данных, в случае недееспособности субъекта персональных данных согласие на обработку дает его законный представитель. Вместе с тем закон не определяет возраст, с которого субъект может самостоятельно давать согласие на обработку своих данных. Авторы отдельных статей исходят из положений Гражданского кодекса Российской Федерации о дееспособности, однако данный подход не учитывает специфику цифровых отношений<sup>36</sup>.

Что касается специального регулирования умных игрушек, в России отсутствуют нормативные акты, аналогичные COPPA или британскому Кодексу проектирования с учетом возраста. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности игрушек» (ТР ТС 008/2011) устанавливает требования к физической, химической и биологической безопасности игрушек, однако не регулирует вопросы обработки персональных данных<sup>37</sup>.

В октябре 2025 г. в Государственной Думе Российской Федерации была вынесена на обсуждение концепция законопроекта о введении обязательной психолого-педагогической экспертизы игрушек, изображающих кино- и анимационных персонажей<sup>38</sup>. Однако данная инициатива направлена на оценку психологического воздействия игрушек и не затрагивает проблематику защиты персональных данных.

С 1 сентября 2025 г. в России введена обязательная маркировка детских игрушек через систему «Честный знак», что обеспечивает прослеживаемость товаров и

<sup>33</sup> См.: *Zhang L., Kolling K. Theory and practice: the protection of children's personal information in China // International Data Privacy Law.* 2023. № 09. Р. 1-16.

<sup>34</sup> См.: Возраст цифрового согласия и способы его проверки // Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде ФГУП «ГРЧЦ». URL: <https://4people.grfc.ru/analyticals-and-legislation/case-studies/vozrast-cifrovogo-soglasiya-i-sposoby-ego-proverki/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>35</sup> Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

<sup>36</sup> См.: Может ли несовершеннолетний студент в возрасте от 14 до 18 лет получать на свой расчетный счет компенсацию за питание за время прохождения практики и давать согласие на обработку персональных данных? // Правовест. URL: <https://pravovest.ru/hotnews/faq/192940> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>37</sup> ТР ТС 008/2011 Технический регламент Таможенного союза «О безопасности игрушек», утв. решением Комиссии Таможенного союза от 23.09.2011 № 798 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/902303210> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>38</sup> В ГД хотят бороться с игрушечными «чудовищами с улыбкой» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25303303> (дата обращения: 30.09.2025).

противодействие контрафакту<sup>39</sup>. С 1 августа 2025 г. вступил в силу межгосударственный стандарт, систематизирующий классификацию игрушек<sup>40</sup>. Однако данные меры носят преимущественно административно-экономический характер и не направлены непосредственно на защиту прав детей в цифровом пространстве.

Российское правовое регулирование в сфере умных игрушек характеризуется значительным отставанием от ведущих зарубежных юрисдикций. Отсутствуют специальные требования к получению родительского согласия, проведению оценки рисков для прав детей, обеспечению конфиденциальности по умолчанию, ограничению сбора и хранения данных. Данные пробелы создают правовую неопределенность и не обеспечивают должного уровня защиты цифровых прав несовершеннолетних. Проведенный сравнительно-правовой анализ убедительно демонстрирует необходимость разработки специализированного правового регулирования умных устройств, предназначенных для детей. Универсальные нормы законодательства о персональных данных, разработанные без учета специфики IoT-технологий и особой уязвимости несовершеннолетних, оказываются недостаточными для эффективной защиты прав несовершеннолетних в цифровом пространстве.

Ключевыми элементами такого специализированного регулирования должны стать: установление повышенных стандартов безопасности для устройств, предназначенных для детей, включая требования по шифрованию данных, аутентификации пользователей и защите от несанкционированного доступа; введение обязательной оценки воздействия на права детей перед вводом умных игрушек товарный оборот; закрепление принципа «конфиденциальности по умолчанию», предполагающего минимизацию сбора данных и максимальные настройки приватности в базовой конфигурации для таких изделий; установление четких требований к получению информированного родительского согласия с использованием надежных методов верификации; запрет на использование манипулятивных техник и таргетированной рекламы в отношении несовершеннолетних пользователей; создание эффективных механизмов надзора и ответственности за нарушение прав детей в цифровой среде. Для правового регулирования в Российской Федерации представляется целесообразным: внести комплексные изменения в Федеральный закон «О персональных данных», устанавливающие особенности обработки данных детей; разработать технический регламент или национальный стандарт, определяющий требования безопасности для умных игрушек и IoT-устройств для детей; создать систему обязательной сертификации умных игрушек с оценкой соответствия требованиям защиты персональных данных. Только комплексный подход, сочетающий правовое регулирование, технические стандарты, эффективный контроль и повышение осведомленности родителей, может обеспечить баланс между инновационным развитием рынка умных игрушек и защитой фундаментальных прав несовершеннолетних на конфиденциальность и безопасность в цифровую эпоху.

<sup>39</sup> Обязательная маркировка игр и игрушек для детей до 14 лет стартует уже этой зимой // КонсультантПлюс. Новости. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/28683/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>40</sup> ГОСТ 35099-2024. Игрушки. Классификация. Термины и определения. Toys. Classification. Terms and definitions: межгосударственный стандарт: принят Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол от 31.07.2024 № 175-П) ; дата введения 01.08.2025. М. : Российский институт стандартизации, 2024. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1307065829> (дата обращения: 30.09.2025).

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. В ГД хотят бороться с игрушечными «чудовищами с улыбкой» // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/25303303> (дата обращения: 30.09.2025).
2. В ходе атаки на VTech скомпрометированы данные 11 млн пользователей // Security Lab.ru. — URL: <https://www.securitylab.ru/news/477140.php?ysclid=mgxqddfpjq923546527> (дата обращения: 30.09.2025).
3. Возраст цифрового согласия и способы его проверки // Центр правовой помощи гражданам в цифровой среде ФГУП «ГРЧЦ». — URL: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/case-studies/vozrast-cifrovogo-soglasiya-i-sposoby-ego-proverki/> (дата обращения: 30.09.2025).
4. Интернет вещей. Развитие технологий и оценка возможностей перехода на отечественные решения / АНО «Цифровая экономика». — М. : АНО «Цифровая экономика», 2024. — 134 с. — URL: <https://files.data-economy.ru/Docs/IoT-5.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).
5. Кучковская Н. В. Развитие права в области IoT // Вопросы российского и международного права. — 2023. — Т. 13. — № 4А. — С. 350–356.
6. Может ли несовершеннолетний студент в возрасте от 14 до 18 лет получать на свой расчетный счет компенсацию за питание за время прохождения практики и давать согласие на обработку персональных данных? // Правовест. — URL: <https://pravovest.ru/hotnews/faq/192940> (дата обращения: 30.09.2025).
7. Недетские проблемы детских игрушек: как уследить за данными ребенка // Kaspersky daily. — URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/kids-devices-vulnerabilities/14574/> (дата обращения: 30.09.2025).
8. Обязательная маркировка игр и игрушек для детей до 14 лет стартует уже этой зимой // КонсультантПлюс. Новости. — URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/28683/> (дата обращения: 30.09.2025).
9. Плюшевые мишки сболтнули лишнего // Газета.ру. — URL: [https://www.gazeta.ru/tech/2017/03/01/10551011/cloud\\_pets.shtml?ysclid=mgxq9byrul76011297](https://www.gazeta.ru/tech/2017/03/01/10551011/cloud_pets.shtml?ysclid=mgxq9byrul76011297) (дата обращения: 30.09.2025).
10. Размер рынка игрушек — по типу продукта, по мощности, по ценовому диапазону, по использованию, по конечному использованию, по каналу сбыта, прогноз, 2025–2034 гг. // Global Market Insights. — URL: <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/toy-market> (дата обращения: 30.09.2025).
11. Таможенное оформление игрушек // URL: <https://sbcargo.ru/poleznaya-informatsiya/tamozhennoe-oformlenie-igrushek/#:~:text=о%20государственной%20регистрации.-Страны-импортеры,игрушки%20должны%20проходить%20радиочастотную%20экспертизу> (дата обращения: 30.09.2025).
12. Умные игрушки могут собирать данные о ребенке: как защитить семью от слежки // Компьютерра. — URL: <https://www.computerra.ru/290335/umnye-igrushki-mogut-sobirat-dannye-o-rebenke-kak-zashhitit-semyu-ot-slezhki/> (дата обращения: 30.09.2025).
13. Умные игрушки от Google смогут управлять оборудованием в доме // Умный дом. — URL: <https://dom-automation.ru/umnyj-dom/articles/umnye-igrushki-ot-google-smogut-upravlyat-oborudovaniem-v-dome.html> (дата обращения: 30.09.2025).
14. Умный Мишка (Mishka AI) // ICT Moscow. — URL: <https://ict.moscow/card/mishka-ai-umnyj-mishka/> (дата обращения: 30.09.2025).
15. Age appropriate design: a code of practice for online services // ICO. — URL: <https://ico.org.uk/for-organisations/uk-gdpr-guidance-and-resources/childrens-information/childrens-code-guidance-and-resources/age-appropriate-design-a-code-of-practice-for-online-services/> (дата обращения: 30.09.2025).
16. Apthore N., Varghese S., Feamster N. Evaluating the Contextual Integrity of Privacy Regulation: Parents' IoT Toy Privacy Norms Versus COPPA // The Proceedings of the 28th USENIX Security Symposium. Santa Clara. — 2019. — P. 123–140.
17. California Assembly Bill 2273 (Age-Appropriate Design Code Act) // California Legislative Information. — 2022. — URL: <https://legiscan.com/CA/text/AB2273/id/2606836> (дата обращения: 30.09.2025).

18. *Castelli P. R.* Are interactive toys spying on young children // IBSA Foundation for scientific research. — URL: <https://www.ibsafoundation.org/en/blog/games-for-children-secretly-collect-data> (дата обращения: 30.09.2025).
19. Children's Online Privacy Protection Act of 1998, 15 U.S.C. § 6501-6506 (COPPA). — URL: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/childrens-online-privacy-protection-rule-coppa> (дата обращения: 30.09.2025).
20. Chinese toymaker accused of violating children's privacy in U.S., products also sold in Canada // CTVNews. — URL: <https://www.ctvnews.ca/canada/article/chinese-toymaker-accused-by-us-of-sharing-childrens-data-sells-products-in-canada/> (дата обращения: 30.09.2025).
21. Consumer Notice: Internet-connected Toys Could Present Privacy and Contact Concerns for Children // TowneBank. — URL: <https://www.townebank.com/personal/resource/security/digital/internet-toys/> (дата обращения: 30.09.2025).
22. Electronic Toy Maker VTech Settles FTC Allegations That it Violated Children's Privacy Law and the FTC Act // An official website of the United States government. — URL: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2018/01/electronic-toy-maker-vtech-settles-ftc-allegations-it-violated-childrens-privacy-law-ftc-act> (дата обращения: 30.09.2025).
23. *Fantinato M., Albuquerque A. P., Yankson B.* A Literature Survey on Smart Toy-related Children's Privacy Risks // Proceedings of the 53rd Hawaii International Conference on System Sciences. Hawaii. — 2020. — P. 1479-1488.
24. More toy innovations coming out of China: industry expert // ChinaDaily. — URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201902/19/WS5c6b934ca3106c65c34ea1db.html> (дата обращения: 30.09.2025).
25. *Pavliv V., Akbari N., Wagner I.* AI-powered smart toys: interactive friends or surveillance devices? // Proceedings of the 14th International Conference on the Internet of Things. Oulu. — 2025. — P. 172-175.
26. Smart toy vulnerabilities can put your child at risk of abuse by strangers // Insomnihack. — URL: <https://insomnihack.ch/talks/smart-toy-vulnerabilities-can-put-your-child-at-risk-of-abuse-by-strangers/> (дата обращения: 30.09.2025).
27. Smart toy vulnerabilities could let cybercriminals video-chat with kids // Kaspersky. — URL: <https://www.kaspersky.com/about/press-releases/smart-toy-vulnerabilities-could-let-cybercriminals-video-chat-with-kids> (дата обращения: 30.09.2025).
28. Smart Toys: Navigating fun and security challenges in the digital age // KidsNetGuard. — URL: <https://kidsnetguard.com/en/2024/05/09/smart-toys-navigating-fun-and-security-challenges-in-the-digital-age/> (дата обращения: 30.09.2025).
29. *Zhang L., Kolling K.* Theory and practice: the protection of children's personal information in China // International Data Privacy Law. — 2023. — № 09. — P. 1-16.

## REFERENCES

1. The State Duma wants to fight toy «monsters with a smile». TASS. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/25303303> [Accessed 20.09.2025]. (In Russ.).
2. During the attack on VTech, the data of 11 million users was compromised. Available at: *SecurityLab.ru*. Available at: <https://www.securitylab.ru/news/477140.php?ysclid=mgxqddfp-jq923546527> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
3. Age of digital consent and ways to verify it. Center for Legal Assistance to Citizens in the Digital Environment FSUE «GRChTs». Available at: <https://4people.grfc.ru/analytics-and-legislation/case-studies/vozrast-cifrovogo-soglasiya--i-sposoby-ego-proverki/> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
4. Internet of Things. Development of technologies and assessment of opportunities for transition to domestic solutions. Moscow: ANO Tsifrovaya ekonomika; 2024. Available at: <https://files.data-economy.ru/Docs/IoT-5.pdf> [Accessed 30.09.2025].
5. Kuchkovskaya NV. Development of IoT Law. *Issues of Russian and International Law*. 2023;13(4A):350-356. (In Russ.).

6. Can a minor student aged 14 to 18 receive compensation for food for the duration of the internship and agree to the processing of personal data? Pravovest. Available at: <https://pravovest.ru/hotnews/faq/192940> [Accessed 30.09.2025].
7. Childish problems of children's toys: how to keep track of a child's data. Kaspersky daily. Available at: <https://www.kaspersky.ru/blog/kids-devices-vulnerabilities/14574/> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
8. Mandatory labeling of games and toys for children under 14 starts this winter. Consultant Plus. News. Available at: <https://www.consultant.ru/legalnews/28683/> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
9. Teddy bears blabbed too much. Gazeta.ru. Available at: [https://www.gazeta.ru/tech/2017/03/01/10551011/cloud\\_pets.shtml?ysclid=mgxq9byrl76011297](https://www.gazeta.ru/tech/2017/03/01/10551011/cloud_pets.shtml?ysclid=mgxq9byrl76011297) [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
10. Toy Market Size — By Product Type, By Power, By Price Range, By Use, By End-Use, By Distribution Channel, Forecast, 2025–2034. Global Market Insights. Available at: <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/toy-market> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
11. Customs clearance of toys. Available at: <https://sbcargo.ru/poleznaya-informatsiya/tamozhennoe-oformlenie-igrushek/#:~:text=о%20государственной%20регистрации.-Страны%20импортеры,игрушки%20должны%20проходить%20радиочастотную%20экспертизу> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
12. Smart toys can collect data on a child: how to protect a family from surveillance. Kompyuterra. Available at: <https://www.computerra.ru/290335/umnye-igrushki-mogut-sobirat-dannye-o-rebenke-kak-zashhitit-semyu-ot-slezhki/> [Accessed 30.09.2025].
13. Smart toys from Google will be able to control equipment in the house. Smart Home. Available at: <https://dom-automation.ru/umnyj-dom/articles/umnye-igrushki-ot-google-smogut-upravlyat-oborudovaniem-v-dome.html> [Accessed 30.09.2025].
14. Mishka AI. ICT Moscow. Available at: <https://ict.moscow/card/mishka-ai-umnyj-mishka/> [Accessed 30.09.2025].
15. Age appropriate design: a code of practice for online services. ICO. Available at: <https://ico.org.uk/for-organisations/uk-gdpr-guidance-and-resources/childrens-information/childrens-code-guidance-and-resources/age-appropriate-design-a-code-of-practice-for-online-services/> [Accessed 30.09.2025].
16. Apthore N, Varghese S, Feamster N. Evaluating the Contextual Integrity of Privacy Regulation: Parents» IoT Toy Privacy Norms Versus COPPA. *The Proceedings of the 28th USENIX Security Symposium*. Santa Clara. 2019;123-140.
17. California Assembly Bill 2273 (Age-Appropriate Design Code Act). California Legislative Information. 2022. Available at: <https://legiscan.com/CA/text/AB2273/id/2606836> [Accessed 30.09.2025].
18. Castelli P. R. Are interactive toys spying on young children // IBSA Foundation for scientific research. Available at: <https://www.ibsafoundation.org/en/blog/games-for-children-secretly-collect-data> [Accessed 30.09.2025].
19. Children's Online Privacy Protection Act of 1998, 15 U.S.C. § 6501–6506 (COPPA). Available at: <https://www.ftc.gov/legal-library/browse/rules/childrens-online-privacy-protection-rule-coppa> [Accessed 30.09.2025].
20. Chinese toymaker accused of violating children's privacy in U.S., products also sold in Canada. CTVNews. Available at: <https://www.ctvnews.ca/canada/article/chinese-toymaker-accused-by-us-of-sharing-childrens-data-sells-products-in-canada/> [Accessed 30.09.2025].
21. Consumer Notice: Internet-connected Toys Could Present Privacy and Contact Concerns for Children. TowneBank. Available at: <https://www.townebank.com/personal/resource/security/digital/internet-toys/> [Accessed 30.09.2025].
22. Electronic Toy Maker VTech Settles FTC Allegations that it Violated Children's Privacy Law and the FTC Act. An official website of the United States government. Available at: <https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2018/01/electronic-toy-maker-vtech-settles-ftc-allegations-it-violated-childrens-privacy-law-ftc-act> [Accessed 30.09.2025].

23. Fantinato M, Albuquerque AP, Yankson B. A Literature Survey on Smart Toy-related Children's Privacy Risks. *Proceedings of the 53rd Hawaii International Conference on System Sciences*. Hawaii. 2020;1479-1488.
24. More toy innovations coming out of China: industry expert. ChinaDaily. Available at: <https://www.chinadaily.com.cn/a/201902/19/WS5c6b934ca3106c65c34ea1db.html> [Accessed 30.09.2025].
25. Pavliv V, Akbari N, Wagner I. AI-powered smart toys: interactive friends or surveillance devices? *Proceedings of the 14th International Conference on the Internet of Things*. Oulu. 2025:172-175.
26. Smart toy vulnerabilities can put your child at risk of abuse by strangers. *Insomnihack*. Available at: <https://insomnihack.ch/talks/smart-toy-vulnerabilities-can-put-your-child-at-risk-of-abuse-by-strangers/> [Accessed 30.09.2025].
27. Smart toy vulnerabilities could let cybercriminals video-chat with kids. Kaspersky. Available at: <https://www.kaspersky.com/about/press-releases/smart-toy-vulnerabilities-could-let-cybercriminals-video-chat-with-kids> [Accessed 30.09.2025].
28. Smart Toys: Navigating fun and security challenges in the digital age. KidsNetGuard. Available at: <https://kidsnetguard.com/en/2024/05/09/smart-toys-navigating-fun-and-security-challenges-in-the-digital-age/> [Accessed 30.09.2025].
29. Zhang L, Kolling K. Theory and practice: the protection of children's personal information in China. *International Data Privacy Law*. 2023;09:1-16.

# РЕПУТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ И «РЫНОК ПРАВА»

Тимошук Алексей Станиславович,  
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин  
Владимирского юридического института ФСИН России, доктор философских наук,  
доцент  
600020, Россия, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е  
[timoshchuk\\_as@33.fsin.gov.ru](mailto:timoshchuk_as@33.fsin.gov.ru)

© Тимошук А. С., 2025

**Аннотация.** Клиентоцентризм — новый подход в государственном управлении, основанный на персональных данных и автоматизации процесса принятия решений. Клиентоцентризм можно назвать синергийной аналитикой и рассматривать его как зарождающееся движение, в основе которого находятся теория обратной связи, наука о данных и статистике, применение программных алгоритмов к большим наборам данных для выявления закономерностей и корреляций в данных, способных генерировать пригодные для практического применения идеи. Клиентоцентризм, основанный на социальной эмпатии и маркетинге, уступает дорогу достижениям в области компьютерных наук и разработки программного обеспечения, которые стали движущей силой сетевой цифровой революции, изменившей нашу жизнь менее чем за поколение. Однако эти мощные технологии амбивалентны: их мощь, гибкость, непрозрачность и непредсказуемое воздействие на социальный мир делают их опасными, легко способными причинить вред. Алгоритмические системы, которые используют «элементы самообучения», автоматизированные профили, автоматические уведомления, большие базы данных — существует потенциальная опасность делегирования цифровым машинам выполнения государственных задач. Об опасности абсолютизма говорили еще просветители и эти идеи вновь актуальны перед лицом цифровой гегемонии, введения безальтернативных дигитальных платформ, усиления налогового контроля за малым предпринимательством. Клиентоцентризм, доведенный до абсурда через цифровизацию, теряет баланс между властью и обществом. В статье рассматриваются отдельные тренды клиентоцентризма как формы репутационного властного ресурса, обсуждается риск сбоев и злоупотреблений личными данными, оцениваются возможности создания практических, эффективных и значимых гарантов клиентоцентризма. Разбирается пример угроз и преимуществ клиентоцентризма для уголовно-исполнительной системы. Цифровые акценты на использовании рыночных механизмов в сфере предоставления государственных услуг и использования методов управления частным сектором сменили либеральные, однако вера в силу рынков и конкуренции сохраняет догматический характер. Амбиционные программы институциональной реструктуризации следует дополнить здоровым техносkeptицизмом и оставить свободу принятия решений за индивидуальными и коллективными субъектами. Чем более детерминированное древо решений мы создаем, тем больше возникает рисков для технологических сбоев.

**Ключевые слова:** государство; право; публичное управление; комплаенс; репутация; аналитика; социальная работа; клиентоцентризм; клиенториентированность; безопасность; гуманизация; уголовно-исполнительная система.

## REPUTATIONAL RESOURCES OF THE PUBLIC GOVERNANCE SYSTEM AND THE «LEGAL MARKET»

Aleksey S. Timoshchuk,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Departments of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russian Federation

[timoshchuk\\_as@33.fsin.gov.ru](mailto:timoshchuk_as@33.fsin.gov.ru)

**Abstract.** *Client-Centric Governance is a new approach in public administration, grounded in the use of personal data and the automation of decision-making processes. It can be described as synergistic analytics, representing an emerging movement rooted in feedback theory, data science, and statistics, applying software algorithms to large datasets to identify patterns and correlations capable of generating actionable insights. Client-centricity, once driven by social empathy and marketing, is now shaped by advances in computer science and software development that have powered the networked digital revolution, transforming society in less than a generation. However, these powerful technologies are inherently ambivalent: their strength, flexibility, opacity, and unpredictable impact on the social sphere make them potentially dangerous and capable of causing harm. Algorithmic systems employing «self-learning» elements, automated profiling, automatic notifications, and large-scale databases pose the risk of delegating core public functions to digital machines. Warnings against absolutism were voiced by Enlightenment thinkers, and these ideas have regained relevance in the face of digital hegemony, the imposition of non-alternative digital platforms, and increased tax oversight of small businesses. When pushed to extremes through over-digitalization, client-centricity loses the balance between state power and society.*

*The article examines specific trends in client-centricity as a form of reputational resource for governance, discusses the risks of failures and misuse of personal data, and assesses the feasibility of creating practical, effective, and meaningful safeguards for client-centric systems. It explores examples of both threats and advantages of client-centricity for the penal system. The digital emphasis on using market mechanisms in public service delivery and applying private-sector management methods has replaced liberal approaches, but the belief in the power of markets and competition retains a dogmatic character. Ambitious institutional restructuring programs should be complemented by healthy techno-skepticism and preserve decision-making freedom for individual and collective actors. The more deterministic the decision tree we create, the greater the risks of technological failures.*

**Keywords:** state; law; public administration; compliance; reputation; analytics; social work; client-centric governance; customer orientation; security; humanization; penal system.

Сегодня право воспринимается как универсальный регулятор: регистрация предприятия, наем сотрудников, признание отцовства или осуществление наказания, — всё это мы делаем с помощью права, сами подчас не зная многие аспекты законодательства. В рыночном обществе право рассматривается как продукт, который, во-первых, сам находится в процессе выторговывания,negoциации. И во-вторых, структура и функционирование права повторяет экономические и политические тренды, действующие в обществе. Например, популярность темы «цифрового права» свидетельствует, что вопреки развитости внутренних регуляторов внутри компьютерной индустрии, есть ожидания и от старых институтов. Благодаря конкуренции между юрисдикциями, юридические негоциации обещают улучшить функциональность, определенность, управляемость, оптимизированность народного хозяйства. Однако юридические негоциации также могут огра-

ничивать возможности граждан из-за своей архаики, косности и консерватизма. Именно поэтому государству приходится внедрять для правоохранительных органов отдельные программы, связанные с имиджем и клиенториентированностью. Открытость, гибкость, респонзитивность современного управления становится обязательным свойством независимо от государственного режима.

Соблюдение нормативных требований при одновременном смягчении социальных издержек права — именно таких компромиссов требует от нас актуальное общественное развитие. Диалектическая функция права во всём более гибридном и нестабильном мире — такова обширная новая тема, объединяющая преимущества рынка и негоциацию неопределенности с помощью правовых инструментов. В статье анализируется тренд клиентоцентризма как часть стратегии благоприятного имиджа государства в условиях глобальных вызовов.

«Государство для людей» — так именуется официально инициатива клиентоцентризма в России, которая нашла отражение в различных документах, проектах и рабочих программах. Особый интерес вызывают антиномии, которые возникают при применении данной концепции к особой государственной службе, например, пенитенциарной. Тренд на гуманитаризацию уголовно-исполнительной системы, пришедший в результате либеральных реформ 1990-х гг. прошлого века и вестернизации канул в лету вместе с либерализмом, обнулившимся после начала СВО.

Концепции развития уголовно-исполнительной системы России (УИС) на период до 2030 г. имеет много сходных гуманитарных ориентиров, касающихся развития системы пробации, учета особенностей содержания отдельных категорий лиц. Кризис либерализма, вместе с тем не означает кризис гуманизации развития УИС. В пост-либеральной модели идеалы толерантности, невмешательства, прогрессивизма, трансгендерности, однополых браков, квира замещаются уважением традиций, консерватизмом, прагматизмом, семьецентризмом, патриотизмом, служением Родине. Прагматизм и умеренный технократизм как ориентация на эффективный контроль также составляют часть консервативного мышления. В этом смысле «старые» гуманистические ценности находят новую категоризацию в виде «клиенториентированности» или такой политики взаимодействия с осужденными, где ценность личности рассматривается в связи со включенностью в общественный процесс воспроизводства труда. Преобразование УИС в соответствие с общественными идеалами и политэкономическими реалиями — закономерный процесс.

«Клиентоцентризм» — федеральный проект Минэкономразвития 2022 г., который сейчас переименован в «Государство для людей». Проект имеет куратора и руководителя из числа государственных служащих министерского уровня, принятые задачи и инструменты. Нормативным обеспечением проекта выступили Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и распоряжение Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 года».

«Международные исходники» клиентоцентризма восходят к послевоенной капиталистической экономике, однако новый импульс идеи получили развития от маркетинга и цифровизации клиентских баз. В России проект, во многом, реализуется, как и множество других подобных «благонициатив» — через принятие стандартов клиентоцентричности, обучение в Президентской академии по программе клиентоцентричности, утверждение мероприятий по клиентоцентричности.

Очевидно, что первый отчетный показатель, выполненный в рамках проекта, это принятие ведомственных стандартов клиентоцентризма. Одним из первых, кто выработал декларацию клиентоцентричности, стало Министерство обороны (Концепция внедрения клиентоцентричного подхода в территориальных органах Министерства обороны Российской Федерации (утв. Министерством обороны Российской Федерации 30 августа 2022 г.). В документе на 14 страницах расписаны ценности, принципы, проектирование услуг и сервисов, удовлетворение потребностей клиента, ключевые точки взаимодействия, клиентоцентричный государственный контроль,

мониторинг и обратная связь. Помимо МО стала известна концепция на 4 страницах ФСИН России. Ни МВД, ни ФСБ, ни прокуратуры подобной концепции не публиковали, а вот из гражданских ведомств, отметились Министерство здравоохранения, Минэкономразвития, Минсельхоз, Роспатент, Росприроднадзор, ФАС, и некоторые региональные исполнительные органы государственной власти.

Является ли комплаенс и клиентоцентризм по прежнему актуальными трендами российской социально-гуманитарной повестки? Ведь это наследие еще «довоенного» либерального периода? Действительно, обострение борьбы за власть и за ресурсы сделало малопривлекательными многие либеральные бренды и идеи. И напротив, вновь актуальными стали понятия «классовая борьба», «вывоз финансового капитала», «передел колоний», «раздел мира», описанные в неувядающем произведении В. И. Ленина<sup>1</sup>. С точки зрения марксизма понятия «комплаенс» и «клиентоцентризм» — это всего лишь бутафорский фасад либерально-олигархической конструкции государственной власти.

Вместе с тем «загнивание капитализма», которое предрекал российский марксизм, не произошло из-за того, что институту свободы предпринимательства, частной собственности, рыночным и товарно-денежным отношениям, стремлению к прибыли трудно что-то противопоставить. Если кризисные этапы и наступают, они происходят в диалектической форме — в виде самопреодоления, саморазвития и самоконтроля.

С другой стороны, культура воспитания, культура бытового обслуживания, сервис, культура взаимодействия государства и граждан — всё это входило и в национальный идеологический проект СССР, где были придуманы и передвижные парикмахерские для села, и кулинарии, и домовые кухни, и Универбыты, и комплексные приемные пункты<sup>2</sup>. Поэтому клиентоцентризм может быть реализован при разных режимах, в разных формах правления и в различных формах территориального устройства. Критики сложившихся авторитарных политических модели, будь то Сингапур, Китай или Россия, Беларусь, Казахстан, не могут не отметить, что стабильность в финансовой сфере, устойчивая экономика могут существовать вопреки либеральной демократии. Выясняется, что авторитарная модель может быть более эффективна во внедрении стандартов общественной гигиены, связи, транспорта, управления. Повышение управляемости, результативности, эффективности в работе государственных органов, развитие доступности инфраструктуры и удобства городской среды, мобилизация ресурсов, следование долгой стратегии — всё это, мы видим, успешно развивается в так называемых авторитарных режимах. А какие-нибудь Лондон, Париж и Нью-Йорк, с недавних пор, проигрывают Пекину, Москве и Санкт-Петербургу в чистоте и организации городской жизни.

Тема клиентоцентричности, озвученная в инициативах Правительства, не могла оставить равнодушными различных исследователей. Социальная миссия, укрепление доверия к правоохранительным органам, стандарты «профессионального, этичного, законного, деликатного и уважительного обслуживания» — это тематика исследования клиентоцентризма в полиции сотрудниками Университета МВД в Санкт-Петербурге<sup>3</sup>. В статье также отмечена нечуждость принципа клиентоцентризма деятельности российских правоохранительных органов в части принципов публичности, общественной безопасности, открытости, доверия граждан, взаимодействия, сотрудничества.

<sup>1</sup> Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. Петроград, 1917.

<sup>2</sup> Гуменюк А. А. Новые формы советской торговли и бытового обслуживания в повседневной жизни советского человека в 1953–1985 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского университета. Международные отношения. 2016. № 16. С. 359–365.

<sup>3</sup> Алексеев А. А., Чимаров С. Ю., Паншина С. В. Социальное значение клиентоцентричного подхода в деятельности современной полиции: некоторые аспекты зарубежного опыта // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 17–19.

В статье других аналитиков МВД из Северного Кавказа, клиентоцентризм описывается в терминах «оптимальные коммуникации с гражданами», «доверие к работникам полиции у населения», «оказание помощи людям при возникновении сложных ситуаций, связанных с противоправным действием со стороны отдельных лиц», «установление партнерских отношений полиции и граждан»<sup>4</sup>

Новые акценты в оценке деятельности службы занятости, упрощение доступа к услугам, паспортизация регионов, выработка показателей клиентоцентричности (показатели дружелюбия и партнерства, показатели полезности, показатели минимализации усилий клиента, показатели адресности и персонализации взаимодействия, показатели внешнего комфорта и удобства), способы развития клиентоцентричного мышления — все эти темы представлены в, пожалуй, одной из самых теоретически разработанных статей московских специалистов в сфере занятости.

Сотрудники НИИ ФСИН России связали концепцию клиентоцентризма прежде всего с кадровой службой, где они усматривают ведомственное внедрение новых стандартов и принципов и проведение самооценки профессиональных и личных качеств<sup>5</sup>.

Важно отметить, что ресурсная сторона клиентоцентричности — это цифровизация, управление большими данными, прозрачность. Публицисты критикуют цифровизацию за новые уязвимости, которые продемонстрировали транспортные кибератаки, теракты против должностных лиц с использованием личных данных, утечки базы Росреестра. Таким образом, тема является достаточно теоретизированной, на стыке разных социальных трендов и до сих пор неясной и амбивалентной в общественном сознании. Обратимся к специфическим параметрам клиентоцентризма применительно к пенитенциарной системе.

Какие теоретические и практические инновации клиентоцентризма могут быть интегрированы в УИС?

1. Многие аспекты клиентоцентризма связаны с общими трендами реформирования судебной и правоохранительной системы, например, продвижением реформы уголовного суда (в России чрезвычайно низкий процент оправдательных приговоров). Вектор «верховенство закона», повышение эффективности судов, совершенствование методов уголовного судопроизводства, гарантии права обвиняемого на защиту в уголовных процессах — всё это составные части клиентоцентризма, другого термина для «гуманизма», «социальной эмпатии», «государство для людей».

Только при условии подлинной взаимодополняемости между судами и другими правоохранительными инстанциями мы сможем обеспечить полное соблюдение стандартов равенства и клиенториентированности. Доверие к государству может быть установлено через эффективный уголовный суд, элиминацию коррупции в государственных органах. Следует уделять особое внимание прозрачности и эффективности деятельности государственных институтов, совершенствовать и поддерживать процесс подбора персонала. Сегодня сложилось мнение, что суд обусловлен политическими назначениями и провластными определениями. В результате коррумпированное учреждение не пользуется уважением у общественности. Эффективность управления, прозрачность принимаемых решений, верховенство закона, элиминация коррупции — все эти темы работают на клиентоцентричность, на «маленького человека»

2. Следующий аспект клиентоцентризма в УИС связан с продолжающейся гуманизацией исполнения наказаний. «Пенитенциарная система как клиентский центр» — пока такая категория не стала общеизвестным термином. Вместе с тем тренд на пробацию, на исправительные центры, — это продолжение

<sup>4</sup> Алиева С. В., Жамборов А. А., Божко Е. А. Реализация клиентоцентричного подхода в деятельности органов внутренних дел на современном этапе // Образование и право. 2023. № 10. С. 158–162.

<sup>5</sup> Бажанов С. А., Жиляев Р. М. О проведении самооценки профессиональных и личных качеств сотрудников кадровых служб, ответственных за внедрение кадровых технологий во ФСИН России // Право и управление. 2023. № 4. С. 136–138.

клиентоцентризма в новых условиях. Диссонанс лишь заключается в том, чтобы считать осужденных клиентами, поскольку клиент — это термин из гражданской жизни. Однако по мере эконометрии, перевода наказания в возмещение ущерба, осужденные всё больше превращаются в клиентов, если речь идет не о материальных рецидивистах или мотивированных террористах, противопоставляющих себя обществу. Дело в том, что данные по количеству возбужденных уголовных дел не показывают значительное снижение (<https://mvd.ru/reports>), а количество отбывающих наказание, связанное с лишением свободы, год от года сокращается (<https://fsin.gov.ru/statistics/>). Это означает, что клиенториентированность ФСИН растет, так как отбывают наказание без лишения свободы в исправительных трудовых центрах (ИЦ, УФИЦ)<sup>6</sup>.

Таким образом, «клиент» по отношению к осужденным, может стать обозначением, используемым для поощрения клиентоориентированного мышления. Концепция «клиентских центров» (ИЦ) могла бы служить универсальной моделью обращения с осужденными за преступления небольшой, средней тяжести, экономические преступления любой тяжести. При хорошей организации производственных процессов, возможность осужденных восполнять ущерб, решать свои проблемы, может улучшить коммуникацию и поток информации в паре «пенитенциарная система — общество».

Ориентация на клиента («осужденного») или клиентоориентированность — это звучит необычно в контексте пенитенциарной системы. Однако это может быть попыткой привлечь больше внимания к потребностям осужденных и улучшить процесс исполнения приговора, улучшить административные задачами, связанными с размещением, освобождением или другими проблемами заключенных.

3. Особое внимание в аспекте клиентоцентризма уделяется приговоренным к лишению свободы несовершеннолетним, женщинам, тяжелобольным, т.е. тем категориям осужденных, чьей ресоциализации уделяется большее внимание, чем в колониях и тюрьмах для взрослых и здоровых мужчин. Меры интеграции виктимных категорий осужденных включают социальную терапию, курсы реабилитационной психологии, социальные тренинги. Существенна и причина надлежащим образом оплачиваемого труда как основного средства ресоциализации.

Соображения, касающиеся немедикаментозного и не восстановительного вознаграждения также могут быть новаторскими в качестве решения, особенно в периоды финансовых ограничений, в частности расширение системы социального обеспечения, повышения трудовой квалификации.

4. Удовлетворение материальных и нематериальных потребностей осужденного — еще один аспект клиентоцентризма, напрямую связанный с эффективностью организации и производительности тюремного труда, которые, в свою очередь, зависят от связи труда осужденных со свободной экономикой, создании государственных предприятий и поиска путей повышения результативности труда, модернизации оборудования.

5. Использование восстановительных практик (медиация) еще ждет своего широкого внедрения в пенитенциарную систему<sup>7</sup>. Восстановительное правосудие предполагает диалог между преступником и жертвой, а также акт возмещения ущерба, направленный на общину или общество, которым был нанесен прямой или косвенный ущерб. Применение этого подхода и связанной с ним практики пока не получило широкого распространения по всей России, но имеет место в исламских регионах, особенно на Северном Кавказе, где сильна власть общины. Восстановительное правосудие дает возможность раскаивающимся заключенным, отбывающим наказание в виде лишения свободы, возместить символический ущерб местному сообществу, косвенно пострадавшему от нарушения нормы. Результатом этого процесса в идеале является гармонизация с интересами и ценностями сообщества,

<sup>6</sup> Саутина С. А. Исправительные центры в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2. С. 37–43.

<sup>7</sup> Громов В. Г., Островский А. Н., Лукоянова Э. Р., Складчикова Е. С. Возможности применения медиации в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 25 (1–4). № 2. С. 216–221.

что, предположительно, может удержать осужденного от совершения другого преступления.

6. Религиозное обучение также является частью клиентоцентризма, если мы учитываем духовные потребности личности. Основной задачей пенитенциарного учреждения является содействие социальной реинтеграции заключенных. Религиозные обряды и духовное воспитание играют в этом значительную роль. В России налажено взаимодействие с традиционными религиями через институт уполномоченного по делам верующих<sup>8</sup>.

Для осужденных предоставляется множество возможностей для религиозной практики: образовательные программы, конкурсы, молитвы, богослужения, групповые занятия, обучение церковной музыке. Все эти формы способствуют психическому равновесию и духовному развитию заключенных. Таким образом, религиозные организации также оказывают поддержку в достижении целей клиенториентированности, помогают профессионалам работать в местах лишения свободы. Под руководством священнослужителей в отдельных местах были созданы религиозные театры и хоровые коллективы, участники которых регулярно выступают в других исправительных учреждениях и за их пределами, на религиозных праздниках и мероприятиях.

Позитивную оценку клиентоцентричной и имиджевой составляющих в российском государственном управлении следует дополнить и критикой их антиномичности. На настоящий момент концепции выглядят незрело, как дань неким инициативам, что, в свою очередь, рождает непонимание. Например, где пределы клиенториентированности, если идет война с преступными сообществами и учреждения УИС также вовлечены в нее? Затем, известно, что через гуманитарную (клиенториентированную) тему заходили НКО для оказания давления на учреждения, действуя фактически как иноагенты. В условиях суверенизации России, не является ли клиентоцентризм продолжением старого тренда «быть хорошими перед Западом»?

Вывод будет комплиментарным в силу того, что понятия остаются понятиями, пока они не вовлечены в государственную политику. И в рамках «клиентской темы» могут быть сделаны разные акценты. Про угрозы я сказал выше. В целом же, если говорить отвлеченно, клиентоцентризм — не просто модная тема в современной повестке. Это один из ракурсов описания большей управляемости общества. При этом категория не обязательно противоречит таким фундаментальным вызовам современности, как «национальный суверенитет», «национальная безопасность», «гибридная война», «консервативная революция». Клиентоцентризм, вероятно, является технократическим термином, очищенным от либерального гуманизма, где-то утопического по своим параметрам. Всё более тесные отношения между контрагентами и негоциантами побудили все стороны по-новому взглянуть на концепцию безопасности и внедрить инновации, в том числе в клиентоцентризме, этических стандартах, политике комплаенс, публичном имидже. Клиентоцентризм важен для России в связи с ценностью каждого россиянина, поскольку страна находится в демографическом кризисе.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев А. А., Чимаров С. Ю., Паншина С. В. Социальное значение клиентоцентричного подхода в деятельности современной полиции: некоторые аспекты зарубежного опыта // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 5. — С. 17–19.

<sup>8</sup> Мачкасов А. И., Симакова Т. А. Институт помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими: особенности становления и развития // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 10. С. 25–35.

2. Бажанов С. А., Жиляев Р. М. О проведении самооценки профессиональных и личных качеств сотрудников кадровых служб, ответственных за внедрение кадровых технологий во ФСИН России // Право и управление. — 2023. — № 4. — С. 136–138.
3. Гофман А. А., Тимощук А. С. Россия в трансструктурном мире: постлиберализм, экономика реальных активов, устойчивое развитие // Социальные отношения. — 2022. — № 4 (43). — С. 123–143.
4. Громов В. Г., Островский А. Н., Лукоянова Э. Р., Складчикова Е. С. Возможности применения медиации в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительное право. — 2017. — Т. 25 (1–4). — № 2. — С. 216–221.
5. Гуменюк А. А. Новые формы советской торговли и бытового обслуживания в повседневной жизни советского человека в 1953–1985 годы (на материалах Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского университета. Международные отношения. — 2016. — № 16. — С. 359–365.
6. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. — Петроград, 1917. — 184 с.
7. Мачкасов А. И., Симакова Т. А. Институт помощников начальников территориальных органов ФСИН России по организации работы с верующими: особенности становления и развития // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2020. — № 10. — С. 25–35.
8. Саутина С. А. Исправительные центры в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2020. — № 2. — С. 37–43.

## REFERENCES

1. Alekseev AA, Chimarov SYu, Panshina SV. The social significance of the client-centered approach in the activities of the modern police: some aspects of foreign experience. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2023;5:17-19. (In Russ.).
2. Bazhanov SA, Zhilyaev RM. On the self-assessment of professional and personal qualities of the employees responsible for the introduction of hr technologies in the penitentiary office. *Law and Management*. 2023;4:136-138. (In Russ.).
3. Hoffmann AA, Tymoshchuk AS. Russia in a transstructural world: post-liberalism, real asset economics, sustainable development. *Sotsyal'nye otnosheniya*. 2022;4(43):123-143. (In Russ.).
4. Gromov VG, Ostrovsky AN, Lukoyanova ER, Skladchikova ES. The Possibility of Application of Mediation in the Penal System. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 2017;25(1-4)(2):216-221. (In Russ.).
5. Gumenyuk AA. New Forms of Soviet Trade And Consumer Services in Everyday Life of Soviet People In 1953–1985 (Based on Materials of the Lower Volga Region). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2016;16:359-365. (In Russ.).
6. Lenin VI. Imperialism as the highest stage of capitalism. Petrograd; 1917. (In Russ.).
7. Machkasov AI, Simakova TA. Institute of assistant heads of territorial authorities of the federal penitentiary service of Russia for the organization of work with believers: specific features of formation and development. *Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy*. 2020;10:25-35. (In Russ.).
8. Sautina SA. Correctional Centers in the Penal System of the Russian Federation. *Vedomosti ugolovno-ispolnitelnoy sistemy*. 2020;2:37-43. (In Russ.).

# О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ЦИФРОВОЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ»

Бокий Виталий Юрьевич,

слушатель программы подготовки высших управленческих кадров ДПА Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

119571, Россия, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1

[vitaliy.bokiy@mail.ru](mailto:vitaliy.bokiy@mail.ru)

© Бокий В. Ю., 2025

**Аннотация.** Актуальность проблематики правового регулирования цифровых инструментов государственного управления продиктована, с одной стороны, многообразием норм межотраслевого характера, которые составляют их содержание, с другой стороны, необходимостью формирования единых подходов к правовой регламентации управленческих процессов, основанных на цифровых технологиях. В статье представлена авторская позиция относительно сущности понятия «цифровые инструменты государственного управления». Рассматриваются вопросы формализации цифровых инструментов в рамках правовых норм и действующих стандартов технического регулирования. Определяется сущностное различие между цифровыми инструментами и информационными системами по выделенным в ходе анализа предметной области критериям соответствия: правовому регулированию, технологиям реализации, целям использования. Формулируется определение цифровых инструментов государственного управления: это основанные на цифровом контенте современные технологические решения, направленные на трансформацию процессов принятия и реализации государственных управленческих решений, повышение эффективности государственных услуг и оптимизацию взаимодействия с гражданами. Цифровые инструменты выступают как форма реализации государственного управления, основанная на синергетическом взаимодействии цифровых технологий и информационных ресурсов в целях достижения публичных интересов. В рамках трансформации государственного управления цифровые инструменты представлены совокупностью новых технологий (большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей и др.), используемых для повышения эффективности работы государственных органов. Цифровые инструменты воплощаются в виде технологических решений, обеспечивающих автоматизацию рутинных бюрократических процессов, оперативность, прозрачность принятия публичных решений и улучшение взаимодействия органов власти с гражданами и организациями через цифровые платформы. Закрепление понятия «цифровые инструменты государственного управления» требует комплексного системного подхода к их правовому регулированию. В Цифровом кодексе РФ понятие «цифровой инструмент» должно стать базовой категорией.

**Ключевые слова:** цифровизация; инструмент; государственное управление; право; регулирование; информация; система; трансформация; платформы; технология.

## THE CONCEPT OF A «DIGITAL TOOL OF PUBLIC ADMINISTRATION»

Vitaliy Yu. Bokiy,

Student, the DPA senior management training program, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

[vitaliy.bokiy@mail.ru](mailto:vitaliy.bokiy@mail.ru)

**Abstract.** The relevance of issues related to the legal regulation of digital tools in public administration is driven, on the one hand, by the diversity of cross-sectoral norms that constitute their legal content, and on the other, by the need to develop unified approaches to the legal regulation of management processes based on digital technologies. The article presents the authors' perspective on the essence of the term «digital tools of public administration». It examines the formalization of such tools within legal norms and existing technical regulation standards. The study identifies the fundamental distinctions between digital tools and information systems based on key criteria: legal regulation, implementation technologies, and purposes of use. A definition of «digital tools of public administration» is proposed: modern technological solutions based on digital content, aimed at transforming the processes of making and implementing public administrative decisions, improving the efficiency of public services, and optimizing interaction with citizens. Digital tools function as a form of public administration built upon the synergistic interaction of digital technologies and information resources to achieve public interests. Within the broader transformation of governance, digital tools encompass a set of new technologies (big data, artificial intelligence, the Internet of Things, among others) used to enhance the efficiency of public authorities. They take the form of technological solutions that automate routine bureaucratic procedures, increase the speed and transparency of public decision-making, and improve the interaction between government bodies, citizens, and organizations through digital platforms.

The consolidation of the concept «digital tools of public administration» requires a comprehensive, systemic approach to their legal regulation. In the context of the proposed Digital Code of the Russian Federation, the term «digital tool» should become a fundamental legal category.

**Keywords:** digitalization; tool; public administration; law; regulation; information; system; transformation; platforms; technology.

Информационные технологии за последние 30 лет стали локомотивом развития российского государства и общества. Вклад ИТ-отрасли в экономику России в 2024 г., по оценке Аппарата Правительства РФ, достиг 6 % ВВП, при этом отрасль демонстрирует прирост в 1,8 раза относительно 2018 г., что по данным Росстата является наибольшим по экономике в целом: «Рост индекса отрасли информационных технологий составил 12,0 % физического объема добавленной стоимости и принес наибольший вклад в общую динамику ВВП за 2024 год»<sup>1</sup>. В структуре прироста основным фактором является воспроизведение ИТ-инфраструктуры, программного обеспечения и связанных услуг преимущественно в государственном секторе (B2G) и бизнес-сегменте (B2B). Основными факторами интенсивного развития информационных технологий в указанном контексте являются «механизмы государственной поддержки и регулирования отрасли в целом»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Росстат пересмотрел рост ВВП за 2024 год // Официальный сайт «Форбс». URL: <https://www.forbes.ru/finansy/534949-rosstat-peresmotrel-rost-vvp-za-2024-god> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>2</sup> Абдрахманова Г. И., Богданов Т. В., Демьянова А. В. [и др.]. Российский сектор ИКТ: ключевые показатели 2024 года // Институт статистических исследований и экономики знаний. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/1037622972.html> (дата обращения: 30.09.2025).

Приверженность органов государственного управления новым технологиям позволяет осуществлять цифровую трансформацию органов публичной власти, выстраивать партнерские отношения с бизнесом, реализуя эффективную господдержку ИТ-отрасли, тем самым фокусировать самые передовые цифровые инструменты на обеспечении публичных интересов и повышении качества управленческих решений. В ряде проектов цифровой трансформации процессов на федеральном и региональном уровнях уже сегодня реализован современный облачный платформенный подход, требующий адекватного правового регулирования<sup>3</sup>.

Актуальность проблематики правового регулирования «цифровых инструментов» продиктована многообразием норм межотраслевого характера, наличием рекомендаций, в которые «довольно сложно заложить эффективные для различных систем требования. Связанное с этим появление большого числа документов общего характера и широкого охвата, где делается упор на саморегулирование, внутренний (самостоятельный) аудит, важность этических регуляторов (этических кодексов), применение нормативных «песочниц» или экспериментальных режимов»<sup>4</sup> не способствует их эффективной имплементации в практику государственного управления и нормативного регулирования цифровой среды.

Вопрос о создании соответствующей новым цифровым инструментам правовой базы имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение. В. В. Блажеев и М. А. Егорова полагают, что «перспектива цифрового права — вовсе не в необходимости адаптировать к повседневной правовой среде типологию цифровых инструментов. Перспектива цифрового права — в новых формах социального регулирования, переходе к иной модели социального и правового порядка»<sup>5</sup>. В. Э. Волков видит тенденции к вероятному делению права на «цифровое» и «аналоговое» или «фундаментальное» и «прикладное»<sup>6</sup>.

Н. А. Ковалева, рассматривая цифровые инструменты на основе опыта Китая и США, отмечает, что системный подход к государственному регулированию на примере систем распределенного реестра (блокчейн) позволяет обеспечивать эффективность его применения. Констатируется, что «современное состояние правовых основ применения данного цифрового инструмента в России находится на начальной стадии развития и имеется необходимость выбора и принятия модели государственного регулирования цифрового инструмента как системной категории»<sup>7</sup>, первым шагом автор полагает необходимость определения основных понятий, принципов и функций цифровых технологий.

В научных источниках рядом авторов предпринимаются попытки определить «цифровые инструменты» как понятие в той или иной предметной области внедрения информационных технологий. Например, О. Г. Смешко, В. А. Мордовец, Э. О. Варданян приводят различные варианты использования термина *digital* («цифровой»), основные определения и примеры того, как осуществляются терминологические нововведения<sup>8</sup>.

<sup>3</sup> Бокий В. Ю. К вопросу об унификации цифровых инструментов государственного управления в Российской Федерации // Современный юрист. 2024. № 4 (49). С. 88–98.

<sup>4</sup> Игнатьев А. Г. [и др.]. Управление ИИ: актуальные международные инструменты // Аналитический обзор. М. : Центр глобальной ИТ-кооперации, 2025. 33 с.

<sup>5</sup> Андреева Л. В., Блажеев В. В., Дюфло А. [и др.]. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. 640 с.

<sup>6</sup> Волков В. Э. Цифровое право. Общая часть : учеб. пособие. Самара : Издательство Самарского университета, 2022. 111 с.

<sup>7</sup> Ковалева Н. А. Практика государственного регулирования применения блокчейн-технологий и ее совершенствование на основе зарубежного опыта // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 12 (4). С. 87–93.

<sup>8</sup> Смешко О. Г., Мордовец В. А., Варданян Э. О. Цифровые инструменты как ключевой элемент технологий управления человеческими ресурсами в условиях цифровой трансформации // Экономика и управление. 2024. № 1. С. 35–42. URL: <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-1-35-4> (дата обращения: 30.09.2025).

С. Е. Едемская, А. В. Завальнюк среди прочих понятий предлагают следующее определение: «цифровой инструмент — инструмент, используемый человеком для поиска, организации, распространения и хранения цифровых данных»<sup>9</sup>. Представляется, что данная дефиниция не может быть признана удачной, т.к. допущена тавтология (определенное понятие и определяющее совпадают), сформулировано очень широко, не выделены существенные признаки обобщаемого понятия.

М. В. Высочина, раскрывая виды цифровых инструментов, выделяет «системы управления взаимоотношения с клиентами (CRM), облачные системы интеллектуальной бизнес-аналитики (BI), цифрового обучения (ML) и технологий автоматизации как драйверов повышения эффективности управления»<sup>10</sup>.

М. Я. Веселовским и М. А. Сидоровым рассмотрен процесс нормативного закрепления понятия «инновационный цифровой инструмент публичного управления» путем анализа и декомпозиции на подпроцессы подготовки к эксплуатации информационных систем в рамках муниципального-регионального взаимодействия как фактора трансформации и реинжиниринга технологической базы принятия решений. Авторами отмечено, что «проблематика продиктована отсутствием формализации цифровых инструментов в сфере публичного управления, это, в свою очередь, требует анализа контекста внедрения цифрового инструмента, технико-технологических и кадровых факторов»<sup>11</sup>.

О необходимости формирования единых подходов к правовому регулированию управлеченческих процессов, основанных на цифровых технологиях, говорят и признанные зарубежные ученые. П. Драккер, стоявший у истоков теории нового государственного управления («НГУ», NPM), определяет в качестве основного императива НГУ «альтернативу технократического правительства бюрократическому аппарату, когда использование новых технологий становится многосторонним сложным системным явлением в жизни общества»<sup>12</sup>. К. Худ в 1991 г. вводит термин NPM, базирующийся на принципах, которые по своей сути составляют основу платформенного подхода в экономических системах<sup>13</sup>. Тем самым генезис проблемно ориентированного государственного управления задает присущий цифровой трансформации общества функциональный дуализм в части оптимизации правового регулирования для достижения баланса публичных и частных интересов. Указанный подход был развит в 2005 г. П. Данливи, Х. Маргеттсом и др.<sup>14</sup> в определении «совместного проблемно ориентированного управления как управления цифровой эры» (DEG)<sup>15</sup>, воплощенного сегодня в объекты правового регулирования — «функционирование

<sup>9</sup> Едемская С. Е., Завальнюк А. В. Цифровые инструменты управления человеческими ресурсами: основные понятия / Развитие современной экономики России : материалы работы Международной конференции молодых ученых — экономистов, Санкт-Петербург, 14–17 апреля 2021 г. СПб. : Скифия-принт, 2021. С. 384–389.

<sup>10</sup> Высочина М. В., Асанов Р. Р. Цифровые инструменты как драйвер организационного развития в социальном секторе // Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы : сборник трудов X Международной научно-практической конференции г. Симферополь, 17 апреля 2025 г. / науч. ред. В. М. Ячменева. Симферополь : ИТ АРИАЛ, 2025. С. 439–442.

<sup>11</sup> Веселовский М. Я., Сидоров М. А. Анализ процессов подготовки к эксплуатации цифровых инструментов в рамках муниципального-регионального взаимодействия // Beneficium. 2022. № 4 (45). С. 6–10.

<sup>12</sup> Drucker P. F. et al. The coming of the new organization // Harvard Business Review. 1988. Vol. 66. P. 45–53.

<sup>13</sup> Hood P. F. A Public Management for all seasons // Public Administration Review. 1991. Vol. 69. P. 3–19.

<sup>14</sup> Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., & Tinkler J. Digital Era Governance — IT Corporations, the State and e-Government. New York : Oxford University Press, 2006. 289 р.

<sup>15</sup> Дмитриева Н. Е., Санина А. Г., Стырин Е. М. [и др.]. Цифровая трансформация в государственном управлении : кол. монография / под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 206 с.

платформ и иных цифровых инструментов, проектируемых, разрабатываемых, модернизируемых и утилизируемых в ходе национальных, федеральных, ведомственных и муниципальных проектов»<sup>16</sup>.

Тем самым можно констатировать, что одним из важнейших вопросов, который требует своего разрешения — это выявление сущности понятия «цифровые инструменты» применительно к сфере государственного управления<sup>17</sup>.

Этимология термина «цифровой инструмент» связана с развитием на рубеже ХХ–XXI в. технологий преобразования аналоговых сигналов в цифровые, пригодные для сбора, передачи и хранения данных об объектах окружающего мира в информационных системах. В это время появляются первые инструменты оцифровки: сканирование и интеллектуальное распознавание документов, оцифровка звука и видео<sup>18</sup>.

В России с конца прошлого столетия стали проектироваться и внедряться в различных сферах информационные системы, которые нашли широкое применение и в государственном управлении.

Сегодня только на федеральном уровне функционирует 1 631 государственная информационная система (ГИС), в том числе 475 — государственных и 1 156 — ведомственных. Наряду с технологичными, высокопроизводительными ГИС среди этих систем есть те, которые были созданы в 1995 г. Инфраструктура функционирования этих систем использует более 12 тыс. типов различных программных компонентов, каждый из которых требует поддержки, актуализации, обеспечения информационной безопасности<sup>19</sup>. С 2020 по 2024 г. на основании различных решений и поручений было создано 127 ГИС, таким образом, ежегодно на федеральном уровне появляется в среднем более 25 ГИС<sup>20</sup>.

В Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в ст. 2 закреплено следующее понятие «информационная система» как «совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств»<sup>21</sup>. Статья 14, носящая название «Государственные информационные системы», уточненного понятия не содержит, но указывает на предназначение таких систем: «Государственные информационные системы создаются в целях реализации полномочий государственных органов и обеспечения обмена информацией между этими органами, а также в иных установленных федеральными законами целях».

Широкое распространение ГИС дало повод отдельным ученым рассматривать государственные информационные системы как цифровые технологии, разновидность цифровых инструментов. Так, С. М. Зубарев и А. В. Сладкова пишут: «Одной из первых цифровых технологий, которые используются для контроля в сфере

<sup>16</sup> Скокова А. Н. О некоторых вопросах правового регулирования государственной цифровой коммуникации: ретроспектива и современное состояние // Вестник Воронежского государственного университета. 2024. № 2 (57). С. 123–130.

<sup>17</sup> В статье не упоминаются и не рассматриваются «цифровые финансовые инструменты».

<sup>18</sup> Перепелица Л. А. Развитие содержания категории «цифровой» в контексте современного менеджмента // Лидерство и менеджмент. 2023. Т. 10. № 4. С. 1143–1158.

<sup>19</sup> Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка текущего состояния федеральных государственных информационных систем с точки зрения перспектив цифровизации государственного управления» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2022. № 8 (297). URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-8-2022> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>20</sup> См.: Информатизация госфункций // TAdviser. URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Информатизация\\_госфункций?cache=no&ptype=system#ttop](https://www.tadviser.ru/index.php/Информатизация_госфункций?cache=no&ptype=system#ttop) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>21</sup> Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации Кремля. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157> (дата обращения: 30.09.2025).

государственного управления, стали государственные информационные системы»<sup>22</sup>. Представляется, что подобное отождествление не является верным.

Именно на информационную составляющую ориентируют правоприменителя отечественные акты технического регулирования. Так, ГОСТ РВ 51987-2002 — стандарт, который устанавливает требования и показатели качества функционирования информационных систем, определяет термин «информационная система» как «автоматизированная система, результатом функционирования которой является представление выходной информации для последующего использования»<sup>23</sup>.

В отечественном законодательстве понятие «цифровые инструменты», в отличие от информационных систем, на сегодняшний день отсутствует, имеет место толкование лишь в отдельных документах технического регулирования.

В национальных стандартах, адаптированных из международных рекомендаций консорциума W3C<sup>24</sup> в требования ГОСТ Р 70186-2022 очевидна направленность цифровых инструментов на обработку контента для функционального наполнения области применения той или иной информационной системы. Стандарт обязателен для государственных и коммерческих организаций при создании цифрового контента<sup>25</sup>.

Цифровые инструменты упоминаются в ГОСТ Р 70186-2022 в следующей трактовке: «...программное обеспечение для создания веб-страниц (редакторы WYSIWYG HTML), системы управления контентом (CMS), интегрированные среды разработки (IDE) и другие инструменты, используемые для генерации цифрового контента».

На основании анализа действующих нормативных правовых актов, стандартов технического регулирования информационных технологий, цифровых инструментов можно сделать вывод, что сущностные различия между цифровыми инструментами и информационными системами заключается в уровне их интеграции в государственные управленические процессы по следующим критериям:

- по критерию правового регулирования, который требует обязательного закрепления в нормативных правовых актах статуса информационной системы (например, при проектировании и эксплуатации, обеспечении информационной безопасности). В отношении цифровых инструментов (в случае использования без интеграции в ГИС) подобное требование не является обязательным;
- по критерию организационного обеспечения: информационные системы требуют комплексного управления и межведомственного взаимодействия в отличие от цифровых инструментов, которые могут выступать как отдельный сервис, так и находиться в составе ГИС;
- по критерию технологической основы: ГИС может быть реализована на регулируемой цифровой платформе, например «ГосТех», тогда как цифровые инструменты целесообразно использовать путем интеграции с указанной платформой (например, библиотеки нейронных сетей для задач искусственного интеллекта или распределенные системы управления базами данных для блокчейн);
- по критерию целесообразности использования: ГИС обеспечивают межведомственное взаимодействие, реализуют процессы публичного взаимодействия,

<sup>22</sup> Зубарев С. М., Сладкова А. В. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2019. № 9. С. 53–59.

<sup>23</sup> ГОСТ РВ 51987-2002. Информационная технология. Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Типовые требования и показатели качества функционирования информационных систем // Росстандарт. URL: <https://www.rst.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>24</sup> См.: Стандарты // Международный консорциум W3C. URL: <https://www.w3.org> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>25</sup> ГОСТ Р 70186-2022. Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Инструменты разработки цифрового контента. Требования доступности для людей с инвалидностью и иных лиц с ограничениями жизнедеятельности // Электронный фонд актуальных правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/350939649> (дата обращения: 30.09.2025).

тогда как цифровые инструменты реализуют конкретную автоматизацию рутинных задач (например, анализ больших данных и их кластеризация, поддержка принятия решений на базе генеративного искусственного интеллекта и т.д.).

Под понятием «цифровые инструменты государственного управления» предлагаются понимать — основанные на цифровом контенте современные технологические решения, направленные на трансформацию процессов принятия и реализации государственных управлений решений, повышение эффективности государственных услуг и оптимизацию взаимодействия с гражданами. Цифровые инструменты выступают как форма реализации государственного управления, основанная на синергетическом взаимодействии цифровых технологий и информационных ресурсов в целях достижения публичных интересов. В рамках цифровой трансформации государственного управления цифровые инструменты представлены совокупностью цифровых технологий (большие данные, искусственный интеллект, интернет вещей и др.), используемых для повышения эффективности работы государственных органов. Цифровые инструменты воплощаются в виде технологических решений, обеспечивающих автоматизацию процессов, прозрачность принятия решений и улучшение взаимодействия с гражданами и организациями через цифровые платформы.

Процессный подход в государственном управлении диктует необходимость системного внедрения цифровых инструментов для автоматизации административных процедур, исключения человеческого фактора в рутинных операциях и повышения прозрачности управления. В этой связи закрепление понятия «цифровые инструменты государственного управления» требует комплексного системного подхода. На протяжении нескольких лет идет дискуссия о создании Цифрового кодекса России. В случае принятия такого акта понятие «цифровой инструмент» должно стать его базовой категорией. Необходимо сформировать единую нормативную базу, позволяющую гармонизировать типологию цифровых инструментов государственного управления, которые в равной степени могут рассматриваться и как средство управления, и как системы поддержки управлений решений (или справочно-аналитические системы), и как унифицированные цифровые платформы в зависимости от их назначения.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдрахманова Г. И., Богданов Т. В., Демьянова А. В. [и др.]. Российский сектор ИКТ: ключевые показатели 2024 года // Институт статистических исследований и экономики знаний. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: официальный сайт. — URL: <https://issek.hse.ru/news/1037622972.html> (дата обращения: 30.09.2025).
2. Андреева Л. В., Блажеев В. В., Дюфло А. [и др.]. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2020. — 640 с.
3. Бокий В. Ю. К вопросу об унификации цифровых инструментов государственного управления в Российской Федерации // Современный юрист. — 2024. — № 4 (49). — С. 88–98.
4. Веселовский М. Я., Сидоров М. А. Анализ процессов подготовки к эксплуатации цифровых инструментов в рамках муниципального-регионального взаимодействия // Beneficium. — 2022. — № 4 (45). — С. 6–10.
5. Волков В. Э. Цифровое право. Общая часть : учеб. пособие. — Самара : Издательство Самарского университета, 2022. — 111 с.
6. Высочина М. В., Асанов Р. Р. Цифровые инструменты как драйвер организационного развития в социальном секторе // Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы : сборник трудов X Международной научно-практической конференции г. Симферополь, 17 апреля 2025 г. / науч. ред. В. М. Ячменева. — Симферополь : ИТ АРИ-АЛ, 2025. — С. 439–442.

7. Дмитриева Н. Е., Санина А. Г., Стырин Е. М. [и др.]. Цифровая трансформация в государственном управлении : кол. монография / под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. — 206 с.
8. Едемская С. Е., Завальняк А. В. Цифровые инструменты управления человеческими ресурсами: основные понятия // Развитие современной экономики России : материалы работы Международной конференции молодых ученых-экономистов, Санкт-Петербург, 14–17 апреля 2021 г. — СПб. : Скифия-принт, 2021. — С. 384–389.
9. Зубарев С. М., Сладкова А. В. О понятии и сущности цифровых технологий контроля в сфере государственного управления // Административное право и процесс. — 2019. — № 9. — С. 53–59.
10. Игнатьев А. Г., Курбатова Т. А., Шамраев Р. А. Управление ИИ: Актуальные международные инструменты : аналитический обзор. — М. : Центр глобальной ИТ-кооперации, 2025. — 33 с.
11. Информатизация госфункций // TAdviserc. — URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/Информатизация\\_госфункций?cache=no&ptype=system#ttop](https://www.tadviser.ru/index.php/Информатизация_госфункций?cache=no&ptype=system#ttop) (дата обращения: 30.09.2025).
12. Ковалева Н. А. Практика государственного регулирования применения блокчейн-технологий и ее совершенствование на основе зарубежного опыта // Экономика. Налоги. Право. — 2019. — № 12 (4). — С. 87–93.
13. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка текущего состояния федеральных государственных информационных систем с точки зрения перспектив цифровизации государственного управления» // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. — 2022. — № 8 (297). — URL: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-8-2022> (дата обращения: 30.09.2025).
14. Перепелица Л. А. Развитие содержания категории «цифровой» в контексте современного менеджмента // Лидерство и менеджмент. — 2023. — Т. 10. — № 4. — С. 1143–1158.
15. Росстат пересмотрел рост ВВП за 2024 год // Официальный сайт ФОРБС. — URL: <https://www.forbes.ru/finansy/534949-rosstat-peresmotrel-rost-vvp-za-2024-god> (дата обращения: 30.09.2025).
16. Скокова А. Н. О некоторых вопросах правового регулирования государственной цифровой коммуникации: ретроспектива и современное состояние // Вестник Воронежского государственного университета. — 2024. — № 2 (57). — С. 123–130.
17. Смешко О. Г., Мордовец В. А., Варданян Э. О. Цифровые инструменты как ключевой элемент технологии управления человеческими ресурсами в условиях цифровой трансформации // Экономика и управление. — 2024. — № 1. — С. 35–42.
18. Drucker P. F. et al. The coming of the new organization // Harvard Business Review. — 1988. — Vol. 66. — P. 45–53.
19. Dunleavy P., Margetts H., Bastow S., Tinkler J. Digital Era Governance — IT Corporations, the State and e-Government. — New York : Oxford University Press, 2006. — 289 p.
20. Hood P. F. A Public Management for all seasons // Public Administration Review. — 1991. — Vol. 69. — P. 3–19.

## REFERENCES

1. Abdrakhmanova GI, Bogdanov TV, Demyanova AV, et al. Russian ICT sector: key indicators of 2024. Institute of Statistical Research and Economics of Knowledge. National Research University «Higher School of Economics» official website. Available at: <https://issek.hse.ru/news/1037622972.html> [Accessed 30.09.2025].
2. Andreeva LV, Blazheev VV, Dyuflo A, et al. Digital Law. Moscow: Prospect Publ.; 2020. (In Russ.).
3. Bokiy VYu. On the Issue of Public Administration Unification Digital Tools in The Russian Federation. *The Modern Lawyer*. 2024;4(49):88-98. (In Russ.).

4. Veselovskiy MYa, Sidorov MA. Analysis of the processes of preparation for operation of digital tools within the framework of municipal-regional interaction. *Beneficium*. 2022;4(45):6-10. (In Russ.).
5. Volkov VE. Digital Law: General Part. Samara: Samara University Publishing House; 2022. (In Russ.).
6. Vysochina MV, Asanov RR. Digital tools as a driver of organizational development in the social sector. In: Yachmeneva VM (ed.). Effective economic management: problems and prospects: collection of works of the 10th International Scientific and Practical Conference in Simferopol, April 17, 2025. Simferopol: IT AREAL; 2025. (In Russ.).
7. Dmitrieva NE, Sanina AG, Styrin EM, et al. Styrin EM, Dmitrieva NE (eds.). Digital transformation in public administration. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2023. (In Russ.).
8. Edemskaya SE, Zavalnyuk AV. Digital tools for human resources management: basic concepts. In: *Development of the modern economy of Russia*: materials of the International Conference of Young Scientists and Economists, St. Petersburg, April 14-17, 2021. St. Petersburg: Scythia-print Publ.; 2021. (In Russ.).
9. Zubarev SM, Sladkova AV. On the concept and essence of digital control technologies in the field of public administration. *Administrative Law and Procedure*. 2019;9:53-59. (In Russ.).
10. Ignatev AG, Kurbatova TA, Shamraev RA. AI Governance: Relevant International Instruments: An Analytical Review. Moscow: Center for Global IT Cooperation Publ.; 2025. (In Russ.).
11. Informatization of state functions. TAdviserc. Available at: [https://www.tadviser.ru/index.php/Информатизация\\_госфункций?cache=no&potype=system#ttop](https://www.tadviser.ru/index.php/Информатизация_госфункций?cache=no&potype=system#ttop) [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
12. Kovaleva NA. Practical Aspects of Government Regulation of Blockchain Technologies Application and its Improvement on the Basis of Foreign Experience. *Economics, taxes & law*. 2019;12(4):87-93. (In Russ.).
13. Report on the results of the expert and analytical event «Assessment of the current state of federal state information systems from the point of view of the prospects for digitalization of public administration». *Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation*. 2022;8(297). Available at: <https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-8-2022> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
14. Perepelitsa LA. Development of the content of the digital category in the context of modern management. *Leadership and Management*. 2023;10(4):1143-1158. (In Russ.).
15. Rosstat revised GDP growth for 2024. Forbes official website. Available at: <https://www.forbes.ru/finansy/534949-rosstat-peresmotrel-rost-vvp-za-2024-god> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
16. Skokova AN. On some issues of legal regulation of state digital communication: retrospective and current state. *Proceedings of Voronezh State University*. 2024;2(57):123-130. (In Russ.).
17. Smeshko OG, Mordovets VA, Vardanyan EO. Digital Tools as a Key Element of Human Resource Management Technology in the Conditions of Digital Transformation. *Economics and Management*. 2024;1:35-42. (In Russ.).
18. Drucker PF, et al. The coming of the new organization. *Harvard Business Review*. 1988;66:45-53.
19. Dunleavy P, Margetts H, Bastow S, Tinkler J. Digital Era Governance — IT Corporations, the State and e-Government. New York: Oxford University Press; 2006.
20. Hood PF. A Public Management for all seasons. *Public Administration Review*. 1991;69:3-19.

# ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРИЧИНЫ И ПРАВОВЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Орлова Светлана Алексеевна,  
старший преподаватель кафедры конституционного права и теории и истории  
государства и права Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте Российской Федерации  
153002, Россия, г. Иваново, Посадский пер., д. 8, литер А1  
[orlova-1972@list.ru](mailto:orlova-1972@list.ru)

© Орлова С. А., 2025

**Аннотация.** В статье представлен анализ демографических проблем современной России. Приводятся причины убыли населения и предлагаются правовые и общественные пути их решения. Автор выдвинул идеи предоставления в безвозмездное пользование молодой семье муниципального жилья с дальнейшей возможностью его приватизации при рождении третьего ребенка; увеличения студенческой стипендии до прожиточного минимума в регионе или снижения стоимости обучения для студента-родителя в зависимости от количества детей в его семье. Представлена позиция о материальной поддержке мужей, имеющих невысокую зарплату, путем выплаты его жене пособия в размере прожиточного минимума, пособия на каждого ребенка также в размере прожиточного минимума и выплаты «отцовского» капитала в дополнение к «семейному» при рождении каждого ребенка. Автор акцентирует внимание на духовных аспектах отказа молодежи от многодетности. Делается вывод, что государство и гражданское общество в лице традиционных российских конфессий могут активнее сотрудничать в процессе исправления той тяжелой демографической ситуации, которая сложилась в нашей стране после 1991 г. Предложения крупных религиозных организаций по решению демографических проблем, по мнению автора, не должны игнорироваться государством. Поскольку одними материальными стимулами задачу народосбережения решить, очевидно, невозможно. Должны измениться ценностные установки молодежи.

**Ключевые слова:** государство; законодательство; демографический кризис; народосбережение; отцовский капитал; уровень жизни; многодетность; духовные проблемы; ценностные установки молодежи.

## DEMOGRAPHIC ISSUES IN CONTEMPORARY RUSSIA: CAUSES AND LEGAL SOLUTIONS

Svetlana A. Orlova,  
Senior Lecturer, Department of Constitutional Law and Theory and History of the State and  
Law, Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public  
Administration, Ivanovo, Russian Federation  
[orlova-1972@list.ru](mailto:orlova-1972@list.ru)

**Abstract.** The article presents an analysis of the demographic challenges facing contemporary Russia. It outlines the causes of population decline and proposes legal and

*social measures to address them. The author suggests initiatives such as granting young families free use of municipal housing with the option to privatize it upon the birth of a third child; increasing student stipends to the regional subsistence minimum or reducing tuition fees for student-parents in proportion to the number of children in their family. The article also advances the idea of providing material support to husbands with low incomes by paying their wives an allowance equal to the subsistence minimum, granting child benefits for each child in the same amount, and introducing a «father's capital» in addition to the existing «family capital» for every child born. Attention is drawn to the spiritual factors behind the reluctance of young people to have large families. The author concludes that the state and civil society — represented by Russia's traditional religious denominations — could cooperate more actively to address the severe demographic situation that has persisted since 1991. In the author's view, proposals from major religious organizations to resolve demographic issues should not be disregarded by the state, as it is evident that material incentives alone cannot achieve the goal of preserving the nation. A change in the value orientations of the younger generation is essential.*

**Keywords:** demographic challenges; population decline; pro-natalist policy; family policy; housing policy; social welfare and benefits; parental support (maternal/paternal capital); student financial aid; religious organizations and civil society; value orientations; subsistence minimum; russia.

По данным Росстата в 2024 г. убыль населения России составила 596,2 тыс. человек<sup>1</sup>. Эта тенденция наблюдается несколько лет подряд, и прогноз на 2025–2026 гг. неутешительный<sup>2</sup>. Одной из важнейших причин убыли является малодетность или бездетность домохозяйств в России. Глубокий и всесторонний анализ демографической ситуации в стране дан в «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года», утвержденной распоряжением Правительства РФ 15 марта 2025 г.<sup>3</sup> В документе указана правовая основа «Стратегии», дана всесторонняя оценка текущей ситуации в сфере семейной и демографической политики, перечислены меры, которые предприняло и планирует предпринять Правительство, чтобы переломить негативную ситуацию в сфере народонаселения.

Анализ мер, проводимых Правительством РФ, региональными властями в субъектах Российской Федерации, показывает, что государство в основном стремится решить проблему материальными и социальными средствами (выплаты, льготы, пособия, социальные няни и т.д.). Используется и советский опыт моральной поддержки многодетных матерей, например, введение звания «Мать-героиня», медалей, орденов<sup>4</sup>. По мнению социологов, причины малодетности кроются отнюдь не в материальных проблемах людей, а в стойком нежелании иметь много детей даже при наличии достаточных средств к существованию. Так, Е. Н. Новоселова, ссылаясь на социологический опрос, проведенный в прямом эфире программы «Открытая студия», в котором 49 % опрошенных ответили, что «не готовы стать многодетными родителями, какие бы сказочные условия для этого ни создало им государство», приходит к выводу, что причины демографического кризиса «не в кошельках, а в

<sup>1</sup> Мануйлова А. Естественная убыль пошла в рост // Коммерсант : официальный сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7533665> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>2</sup> Донской Д. А., Ужакова М. В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2024. № 4 (12). С. 51–61.

<sup>3</sup> Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года» // URL: <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAIRxMNNS2m7pmN4.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>4</sup> Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р. С. 26–27.

душах людей»<sup>5</sup>. Поэтому исследователь предлагала провести рекламную компанию идеалов семьи, материнства и многодетности<sup>6</sup>.

Очевидно, государство прислушалось к рекомендациям ученых, включив нормы о защите детей, материнства, отцовства, семьи и традиционных ценностей в 2020 г. в Конституцию РФ<sup>7</sup> (п. 4 ст. 67.1; пп. «ж» п. 1 ст. 72), и возложив решение этой задачи как на Правительство РФ (ст. 114), так и на регионы (ст. 72). Оно обеспечило соответствующее законодательное и иное нормативное регулирование данного процесса<sup>8</sup>. В Стратегии специальный раздел 6 посвящен укреплению института семьи, сохранению и продвижению в обществе традиционных семейных ценностей.

Ни материальная поддержка со стороны государства, ни пропаганда семейных ценностей, ни даже запрет на распространение идеологии «чайлдфри», на который пошла Государственная Дума<sup>9</sup>, не приводят к коренному перелому в демографической ситуации. Домохозяйства остаются «малодетными». Молодежь откладывает создание семьи и рождение детей на более поздний срок (средний возраст матери в России в 2023 г. составил 29 лет), стремясь сначала получить образование, сделать карьеру, стать материально независимыми. И только потом принимает решение о рождении ребенка. Однако, как отмечено в Стратегии, к этому времени складываются серьезные «риски для здоровых материнства и детства»<sup>10</sup>. Не последнюю роль в потере репродуктивного здоровья женщин играют массовые прерывания беременности<sup>11</sup>. По косвенным данным демографические потери в результате абортов составляют в среднем 1 млн не родившихся детей ежегодно (если суммировать все виды «прерываний», в том числе медикаментозные)<sup>12</sup>.

Возникает вопрос, что еще может сделать государство, чтобы исправить ситуацию по вымиранию населения России?

До 1990-х-2000-х гг. аналогичные серьезные демографические проблемы с стране наблюдались в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Тогда советское государство радикально изменило семейную политику, отменив признание фактических браков, вплоть до запрета поиска отцовства детьми, родившимися вне брака; резко усложнило процедуру развода; ввело налоги на безбрачие и бездетность. При этом установили серьезное материальное стимулирование при рождении детей<sup>13</sup>. АбORTы запретили еще в 1936 г.<sup>14</sup>

<sup>5</sup> Новоселова Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2012. № 1. С. 100.

<sup>6</sup> Новоселова Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России. С. 108–109.

<sup>7</sup> Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных от 30.12.2008, 5 февраля 2014 г., 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 25.12.1993. № 237.

<sup>8</sup> Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р. С. 1–4.

<sup>9</sup> Габдуллина Э. В Госдуму внесли законопроект о запрете пропаганды чайлдфри // Коммерсант: официальный сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7182687> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>10</sup> Распоряжение Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р.

<sup>11</sup> Алексина А. Г., Петров Ю. А., Блесманович А. Е., Галущенко Е. М. Влияние искусственного прерывания беременности на репродуктивные возможности женщин // Здоровье и образование в XXI веке. 2019. Т. 21. № 1. С. 15–19.

<sup>12</sup> См.: Костарнова Н., Колганова В. В России рекордно снизился оборот средств для медикаментозных абортов // Коммерсант : официальный сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7552915> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>13</sup> См.: Телишев В. Ф., Сакаев В. Т. Государственная политика в области брачно-семейных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Т. 150, кн. 1. С. 169–176.

<sup>14</sup> Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной

Все эти меры, однако, не дали большого положительного эффекта, и среднее количество рожденных детей на женщину до 50-летнего возраста (в условных поколениях) к довоенному уровню так и не вернулось. Если в 1941 г. цифра составляла 4,63 ребенка, в 1942 рождаемость упала до 2,98, в 1943–1945 гг. опустилась уже до 1,72–1,91, то после войны показатели составили 2,81–2,61 в 1946–1948 гг. И только в 1949 г. наблюдался небольшой всплеск рождаемости — 3,20. Но дальше шло плавное снижение показателей, и к довоенному уровню в 4,63 Россия так больше никогда и не вернулась. На протяжении всех 1950–1980-х гг. цифра держалась в среднем на уровне простого воспроизводства — около 2. Начиная с 1991 г. рождаемость упала до уровня войны — 1,73, и далее уже только снижалась, дойдя до 1,5 в 2021 г.<sup>15</sup> И как было указано выше, тенденция на снижение продолжается.

Думается, что в современной России, как и в период войны и послевоенное время, методы запрета и материального стимулирования, применяемые одновременно, могут дать лишь небольшой положительный эффект. Так, например, введение материнского капитала помогло немного улучшить ситуацию в середине 2000-х гг. Но кардинально ситуация все равно не изменилась<sup>16</sup>.

По нашему мнению, можно предложить еще ряд мер, которые способствовали бы улучшению демографической ситуации в России. Во-первых, фактические брачные отношения можно было бы свести к нулю, например, предоставляя при регистрации брака молодой нуждающейся семье в безвозмездное пользование муниципальное жилье. Причем количество комнат должно увеличиваться в зависимости от количества детей в семье. При рождении третьего ребенка семья должна получить право на приватизацию трехкомнатной муниципальной квартиры. Таким образом, одна из важнейших проблем, которая ведет к переносу времени на создание «официальной» семьи и рождение детей, на более поздний срок, с помощью публичной власти может быть решена.

Во-вторых, снижения возраста вступления в официальный, а значит, «стабильный», брак, по нашему мнению, можно было бы добиться установлением размера стипендии обучающейся молодежи на уровне прожиточного минимума в регионе. Причем если один супруг обучается, а другой уже работает, это не должно лишать обучающегося супруга права на получение такой повышенной стипендии. Если же супруг обучается на платной основе, то вступление в брак и рождение детей должно вести к снижению стоимости обучения для данного супруга (в зависимости от количества рожденных в браке детей — на 30 % при одном ребенке, на 60 % — при двух, на 90 % при трех и на 100 % при 4). При этом на любого ребенка до достижения им 18-летнего возраста должно выплачиваться пособие в размере прожиточного минимума в регионе вне зависимости от доходов семьи. А если ребенок обучается по очной форме, то до окончания им обучения, но не позднее 23 лет.

Одной из основных причин, по которым девушки не спешат вступать в брак со своими молодыми людьми, является низкий уровень дохода партнера. По подсчетам Л. Матушевской, например, в 2018 г. в России было более 16 млн неженатых мужчин. Причем более 9 млн никогда не были в браке. Незамужних женщин — более 15 млн, из них более 4 млн никогда не были в браке<sup>17</sup>. Это огромный демографический потенциал.

---

помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // Собрание законодательства СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

<sup>15</sup> См.: Захаров С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. 2023. Т. 10. № 1. С. 4–43.

<sup>16</sup> Захаров С. В. История рождаемости в России... С. 42.

<sup>17</sup> Матушевская Л. Сколько в России холостяков: почему их становится всё больше и больше? URL: <https://dzen.ru/a/Y08whl4AuVA1C1rq?ysclid=mbbfyfu7te249635189> (дата обращения: 30.09.2025).

Поэтому предлагается при острой нехватке трудовых ресурсов ввести официальный учет всего трудоспособного населения страны. В современных условиях невозможно установить уголовную ответственность за тунеядство, как это было в советский период<sup>18</sup>. Но ужесточить ответственность за неуплату налогов (физических лиц-работников и юридических лиц-работодателей), как административную, так и уголовную, вполне реально. Думается, необходимо обеспечить жесткий контроль государства за источниками доходов трудоспособных граждан с целью избегания неофициального трудоустройства. Оно, с одной стороны, нарушает социальные права человека — его право на получение трудовой пенсии, право на оплату больничного листа, на оплачиваемый отпуск и др.<sup>19</sup> С другой стороны, государство не получает налогов. Поэтому должна быть установлена максимально ощутимая административная ответственность за сокрытие источников доходов для физического лица, и за отказ в официальном трудоустройстве работника для юридического лица. Думается, штрафы необходимо установить настолько высокими, чтобы работодателю дешевле было устроить человека на работу, чем оплачивать данные штрафы. Предлагается внести соответствующие изменения в ст. 122 и др. Налогового кодекса РФ и в ст. 198–199.1 Уголовного кодекса РФ, в гл. 15 Кодекса РФ об административных правонарушениях. За неофициальное трудоустройство ужесточить наказание работодателям по ст. 5.27 Кодекса РФ об административных правонарушениях и по ст. 145.1 Уголовного кодекса РФ<sup>20</sup>.

Выведение зарплат из тени, с одной стороны, поможет выявить реальный уровень доходов мужчины, с другой стороны, пополнит поступления в Социальный фонд России. Но самое главное, государство получит достоверную информацию об уровне дохода мужчины. И если он получает заработную плату на уровне ниже двух прожиточных минимумов, а значит, не может создать семью, то после вступления в брак, супруга такого мужчины должна получать пособие в размере прожиточного минимума в регионе, вне зависимости от размеров ее доходов. Кроме того, при рождении каждого ребенка в законном браке мужчина должен получать «отцовский капитал» в размере не менее одного миллиона рублей, который он сможет направить на нужды семьи, в том числе покупку автотранспортного средства, ремонт квартиры, покупку дачи, открытие своего бизнеса и т.д. То есть на меры, которые помогут улучшить благосостояние семьи. Или на свое обучение, что тоже важно. Такой «отцовский капитал», наряду с семейным (материнским), мог бы существенным образом поддержать материальное положение именно семьи (домохозяйства).

Таким образом, девушка сможет выйти замуж за любимого человека даже при его невысоких доходах, поскольку семья получит муниципальное жилье, пособие на жену, а при рождении ребенка, кроме материнского (семейного) капитала, еще и отцовский капитал, ежемесячное пособие на ребенка в размере прожиточного минимума (без учета доходов семьи) до окончания ребенком обучения по очной форме. А если семья родит троих детей, то сможет приватизировать находящуюся у нее в пользовании муниципальную квартиру.

Безусловно могут возникнуть проблемы с обеспечением молодых семей муниципальным жильем. Но поскольку государство серьезно обеспокоено решением демографической проблемы, то по национальному проекту «Инфраструктура для жизни» (до 2025 г. проект назывался «Жилье и городская среда») данную задачу вполне можно решить.

<sup>18</sup> Ластовка Т. Тунеядство в СССР (1961–1991): юридическая теория и социальная практика // Антропологический форум. 2011. № 14. С. 212–229.

<sup>19</sup> Риски работников и ответственность работодателя при неформальной занятости // Официальный портал Республики Башкортостан. URL: <https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/391335/?ysclid=mb9xlb9am0681622361> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>20</sup> Что грозит работодателю за неофициальное трудоустройство // Официальный сайт Прокуратуры Костромской области. URL: [https://epp.genproc.gov.ru/web/proc\\_44/activity/legal-education/explain?item=72999259](https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_44/activity/legal-education/explain?item=72999259) (дата обращения: 30.09.2025).

Однако следует обратить внимание на социологический опрос программы «Открытая студия», о котором шла речь выше. 49 % опрошенных оказались неготовыми к многодетности даже при самых лучших материальных условиях. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на слова, прозвучавшие в докладе патриарха Кирилла, сделанном им на XIII Рождественских Парламентских встречах. Патриарх в очередной раз затронул демографическую проблему и обратил внимание на то, что многодетных семей гораздо больше среди активно верующих людей<sup>21</sup>. Научные исследования показали, что это наблюдение в основном характерно для поколения 1980-х, и что именно активная религиозная молодежь, вероятнее всего, готова к многодетности<sup>22</sup>.

Статистика также показала, что рождаемость у мусульман выше, чем у православных<sup>23</sup>. Поэтому в решении демографической проблемы большая надежда на институты гражданского общества, в том числе активную позицию Русской православной церкви (РПЦ), поскольку около 70 % населения России ассоциируют себя с православием<sup>24</sup>. РПЦ не только выступает против абортов, но пропагандирует установку на многодетную семью, поддерживает материально и психологически матерей, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, помогает многодетным семьям<sup>25</sup>. Поэтому духовная поддержка семьи и многодетности в России, подчеркивание ценности каждой человеческой жизни, осуществляемое РПЦ, может также сыграть свою положительную роль в изменении установок молодого поколения с потребительского отношения к жизни на понимание ценности любви и жертвенности.

Подводя итоги, следует отметить, что демографическая ситуация в России близка к положению в европейских странах<sup>26</sup>, хотя в них уровень жизни в целом выше, чем в России<sup>27</sup>. Поэтому помимо материальных стимулов, таких как, например, предоставление в безвозмездное пользование молодой семье муниципального жилья с дальнейшей возможностью его приватизации при рождении третьего ребенка; увеличение студенческой стипендии до прожиточного минимума в регионе или снижение стоимости обучения для родителя-студента в зависимости от количества детей в его семье; материальная поддержка мужей, имеющих невысокую зарплату, путем выплаты его жене пособия в размере прожиточного минимума, пособия на каждого ребенка также в размере прожиточного минимума и выплаты «отцовского» капитала в дополнение к «семейному» при рождении каждого ребенка, следует, на наш взгляд, привлечь и духовный (религиозный) потенциал.

Усиление влияния РПЦ на лиц, идентифицирующих себя с данной конфессией (70 % населения), в плане не только отказа от абортов (а это потенциально 1 млн рождений дополнительно в год), но и в пропаганде семейных ценностей (отказ от добрачных отношений и относительно раннее вступление в официальный брак

<sup>21</sup> Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XIII Рождественских парламентских встречах // Официальный сайт Московского патриархата. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/6195088.html?ysclid=mbb2a1wdut208804749> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>22</sup> Захаров С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40 (4). С. 99–100.

<sup>23</sup> Захаров С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России... С. 82–83.

<sup>24</sup> Марков Д. Проблема связи между религиозностью и рождаемостью: на основе интервью с семьями священников Русской православной церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. № 40 (4). С. 189.

<sup>25</sup> Палибина А. С. Место православной церкви в системе социальной защиты семьи, материнства и детства // Вестник Мордовского университета. Серия «Социологические науки». 2012. Т. 22. № 1. С. 93–94.

<sup>26</sup> Кривихина А. А. Анализ демографической обстановки в различных странах мира // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 11 (39). С. 26.

<sup>27</sup> См.: Жаркова Н. Ю. Исследование уровня жизни населения России и стран Европейского Союза // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 1. С. 285–294.

укрепит здоровье матери и ребенка), и в популяризации многодетности, может дать дополнительный положительный эффект. Поскольку, как считают социологи, «проблема в душах людей», без изменения сознания молодого поколения, думается, демографическую проблему решить будет очень сложно. Государство и гражданское общество в лице традиционных российских конфессий, могут активнее сотрудничать в процессе исправления той тяжелой демографической ситуации, которая сложилась в нашей стране после 1991 г.<sup>28</sup> Предложения крупных религиозных организаций по решению демографических проблем не должны, на наш взгляд, игнорироваться государством. Одними материальными стимулами задачу народосбережения решить, очевидно, невозможно. Должны измениться ценностные установки молодежи.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексина А. Г., Петров Ю. А., Блесманович А. Е., Галущенко Е. М. Влияние искусственного прерывания беременности на репродуктивные возможности женщин // Здоровье и образование в XXI веке. — 2019. — Т. 21. — № 1. — С. 15–19.
2. Басов Н. Ф. Церковная помощь семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации // Ипатьевский вестник. — 2022. — № 3 (19). — С. 139–149.
3. Габдуллина Э. В Госдуму внесли законопроект о запрете пропаганды чайлдфри // Коммерсант : официальный сайт. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7182687> (дата обращения: 30.09.2025).
4. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на XIII Рождественских парламентских встречах // Официальный сайт Московского патриархата. — URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/6195088.html?ysclid=mbb2a1wdut208804749> (дата обращения: 30.09.2025).
5. Донской Д. А., Ужакова М. В. Анализ демографической ситуации в Российской Федерации. Прогноз на 2024–2026 гг. // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. — 2024. — № 4 (12). — С. 51–61.
6. Жаркова Н. Ю. Исследование уровня жизни населения России и стран Европейского Союза // Экономика труда. — 2018. — Т. 5. — № 1. — С. 285–294.
7. Захаров С. В. История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 4–43.
8. Захаров С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2022. — № 40 (4). — С. 77–104.
9. Костарнова Н., Колганова В. В России рекордно снизился оборот средств для медиакампаний абортов // Коммерсант : официальный сайт. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7552915> (дата обращения: 30.09.2025).
10. Кривихина А. А. Анализ демографической обстановки в различных странах мира // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2019. — № 11 (39). — С. 23–28.
11. Ластовка Т. Тунеядство в СССР (1961–1991): юридическая теория и социальная практика // Антропологический форум. — 2011. — № 14. — С. 212–229.
12. Мануйлова А. Естественная убыль пошла в рост // Коммерсант : официальный сайт. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7533665> (дата обращения: 30.09.2025).
13. Марков Д. Проблема связи между религиозностью и рождаемостью: на основе интервью с семьями священников Русской православной церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2022. — № 40 (4). — С. 186–218.
14. Матушевская Л. Сколько в России холостяков: почему их становится всё больше и больше? // URL: <https://dzen.ru/a/Y08whl4AuVA1C1rq?ysclid=mbbfyfu7te249635189> (дата обращения: 30.09.2025).
15. Новоселова Е. Н. Добровольная бездетность как угроза демографической безопасности России // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. — 2012. — № 1. — С. 99–110.

<sup>28</sup> См.: Басов Н. Ф. Церковная помощь семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации // Ипатьевский вестник. 2022. № 3 (19). С. 139–149.

16. Палибина А. С. Место православной церкви в системе социальной защиты семьи, материнства и детства // Вестник Мордовского университета. Серия «Социологические науки». — 2012. — Т. 22. — № 1. — С. 91–95.
17. Риски работников и ответственность работодателя при неформальной занятости // Официальный портал Республики Башкортостан. — URL: <https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/391335/?ysclid=mb9xlb9am0681622361> (дата обращения: 30.09.2025).
18. Телишев В. Ф., Сакаев В. Т. Государственная политика в области брачно-семейных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». — 2008. — Т. 150, кн. 1. — С. 169–176.
19. Что грозит работодателю за неофициальное трудоустройство // Официальный сайт Прокуратуры Костромской области. — URL: [https://epp.genproc.gov.ru/web/proc\\_44/activity/legal-education/explain?item=72999259](https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_44/activity/legal-education/explain?item=72999259) (дата обращения: 30.09.2025).

## REFERENCES

1. Alekhina AG, Petrov YuA, Blesmanovich AE, Galushchenko EM. The Impact of Abortion on the Reproductive Capabilities of Women. *Health and Education in the 21st century*. 2019;21(1):15-19. (In Russ.).
2. Basov NF. Church Assistance To Families At Risk Who Find Themselves In A Difficult Life Situation. *Ipatievsky Bulletin*. 2022;3(19):139-149. (In Russ.).
3. Gabdullina E. A draft law banning childfree propaganda was submitted to the State Duma. *Kommersant*: official website. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7182687> [Accessed 30.09.2025].
4. Report of His Holiness Patriarch Kirill at the XIII Christmas Parliamentary Meetings. Official Website of the Moscow Patriarchate. Available at: <https://www.patriarchia.ru/db/text/6195088.html?ysclid=mbb2a1wdut208804749> [Accessed 30.09.2025].
5. Donskoy DA, Uzhakova MV. Analysis of the demographic situation in the Russian Federation. Forecast 2024–2026. *EFS: Economy. Finance. Society*. 2024;4(12):51-61. (In Russ.).
6. Zharkova S. Study of the standard of living of the population of Russia and the countries of the European Union. *Labor Economics*. 2018;5(1):285-294. (In Russ.).
7. Zakharov SV. Birth history in Russia: from generation to generation. *Demographic Review*. 2023;10(1):4-43. (In Russ.).
8. Zakharov S, Churilova E. Religion, religiosity and fertility in Russia. Is there a relationship? *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. 2022;40(4):77-104. (In Russ.).
9. Kostarnova N, Kolganova V. In Russia, the turnover of funds for medical abortions has fallen at a record. *Kommersant*: official website. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7552915> [Accessed 30.09.2025].
10. Krivikhina AA. Analysis of the demographic situation in different countries of the world. *Skif Student Science Issues*. 2019;11(39):23-28. (In Russ.).
11. Lastovka T. Parasitism in the USSR (1961–1991): legal theory and social practice. *Anthropological Forum*. 2011;14:212-229. (In Russ.).
12. Manuylova A. Natural decline began to grow. *Kommersant*: official website. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/7533665> [Accessed 30.09.2025].
13. Markov D. The problem of the connection between religiosity and fertility: based on interviews with families of priests of the Russian Orthodox Church. *State, religion, church in Russia and abroad*. 2022;40(4):186-218. (In Russ.).
14. Matushevskaya L. How many bachelors in Russia: why are there more and more of them? Available at: <https://dzen.ru/a/Y08whl4AuVA1C1rq?ysclid=mbbfyfu7te249635189> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
15. Novoselova EN. Voluntary childlessness as a threat to the demographic security of Russia. *Bulletin of Moscow University. Series 18, Sociology and Political Science*. 2012;1:99-110. (In Russ.).

16. Palibina AS. Place of the Orthodox Church in the system of social protection of the family, motherhood and childhood. *Bulletin of the Mordovian University. Series «Sociological Sciences»*. 2012;22(1):91-95. (In Russ.).
17. Risks of employees and responsibility of the employer in informal employment//Official portal of the Republic of Bashkortostan. Available at: <https://www.bashkortostan.ru/presscenter/news/391335/?ysclid=mb9xlb9am0681622361> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).
18. Telishev VF, Sakaev VT. State policy in the field of marriage and family relations in the USSR during the Great Patriotic War. *Scientific notes of Kazan University. Humanities*. 2008;150(1):169-176. (In Russ.).
19. What threatens the employer for unofficial employment//Official website of the Prosecutor's Office of the Kostroma region. Available at: [https://epp.genproc.gov.ru/web/proc\\_44/activity/legal-education/explain?item=72999259](https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_44/activity/legal-education/explain?item=72999259) [Accessed 30.09.2025].

# ПРАВОВЫЕ СТАТУСЫ БАНКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Королев Павел Евгеньевич,

магистрант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

[korolevmultipass@yandex.ru](mailto:korolevmultipass@yandex.ru)

© Королев П. Е., 2025

**Аннотация.** В статье при помощи анализа юридической научной литературы, общего и специального законодательства Российской Федерации приводится исследование различных элементов юридического положения Банка России. Характеризуясь как публичными, так и частными началами, правовой статус кредитора последней инстанции может быть отмечен значимыми особенностями с точки зрения норм конституционного и административного, финансового и гражданского права. Независимость прежде всего от исполнительной ветви власти, развитость ключевых для управлеченческого воздействия механизмов обратной связи, достаточность внутренних ресурсов позволили реализовать институт мегарегулирования именно на базе Банка России. Автор обращает внимание, что с 2013 г. цели деятельности эмиссионного банка были дополнены развитием и обеспечением стабильности финансового рынка, а регуляторные и контрольно-надзорные полномочия в указанной сфере оказались отнесены к создаваемому в структуре «банка банков» Комитету финансового надзора. Сегодня существование будто бы противоречивых ограничительных административных полномочий и цели стратегического развития финансового сектора требует консолидации общественного и государственного интересов, обеспечения нивелирующей риск чрезмерного унифицированного обременения инфраструктуры. Делается вывод, что главный банк первого уровня выступает не только инструментом денежно-кредитной политики государственной власти, но и конституционным органом управления многоуровневой банковской системой. Являясь мегарегулятором, в рамках деятельности на финансовых рынках он стремится сочетать контрольно-надзорные и регулирующие начала, а будучи юридическим лицом особой правовой природы, в общественно значимой деятельности применять экономические или же прямые методы воздействия, комбинируя элементы администрирования и своего частноправового статуса. Нормативное регулирование деятельности национального банка отмечается широким перечнем общих и специальных актов законодательного характера, а отдельного внимания заслуживают нормативные акты самого эмиссионного банка. По мнению автора, реализация возложенных законодателем на «банк банков» функций, совершенствование нормотворчества в области финансового рынка эффективны с учетом зарубежного опыта и практики правоприменения.

**Ключевые слова:** публичное право; публичное управление; юридические лица публичного права; публичные полномочия; государственно-властные функции; административно-правовой статус; центральные банки; Банк России; финансовый рынок; мегарегулятор.

## LEGAL STATUSES OF THE CENTRAL BANK OF RUSSIA: REGULATORY CHALLENGES

Pavel E. Korolev,

Master's Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation  
[korolevmultipass@yandex.ru](mailto:korolevmultipass@yandex.ru)

**Abstract.** The article, based on analysis of legal scholarship and the general and special legislation of the Russian Federation, examines various elements of the legal status of the Bank of Russia. Characterized by both public and private features, the legal status of the lender of last resort exhibits notable specificities from the perspectives of constitutional, administrative, financial and civil law. Independence, above all from the executive branch, the development of key feedback mechanisms for managerial influence, and sufficiency of internal resources have enabled the emergence of the institution of mega-regulation on the basis of the Bank of Russia. The author notes that since 2013 the objectives of the issuing bank have been expanded to include the development and stability of the financial market, and that regulatory and supervisory powers in this area were assigned to the Committee for Financial Supervision created within the structure of the «bank of banks». Today, the coexistence of seemingly contradictory restrictive administrative powers and the goals of strategic financial-sector development requires consolidation of public and state interests and measures to mitigate the risk of excessive, uniform burdens on infrastructure. The article concludes that the central bank of the first tier functions not only as an instrument of the state's monetary policy but also as a constitutional organ for governing a multi-level banking system. As a mega-regulator active in financial markets it seeks to combine supervisory and regulatory principles, and as a legal entity of a special legal nature it may employ economic or direct means of influence, blending elements of administration with aspects of its private-law status. The normative regulation of the national bank's activity is marked by a wide range of general and special legislative acts, while the Bank's own regulatory instruments warrant particular attention. According to the author, fulfillment of the legislator's mandates for the «bank of banks» and the improvement of financial-market rulemaking are most effective when informed by foreign experience and enforcement practice.

**Keywords:** Public Law; Public Administration; Legal Entities of Public Law; Public Powers; Functions of State Authority; Administrative-Legal Status; Central Banks; Bank of Russia; Financial Market; Mega-Regulator.

В юридической научной литературе настоящего времени нередко можно встретить различные позиции теоретиков и практиков, специалистов в области конституционного и административного, гражданского и финансового права в отношении нормативного положения Банка России. Самостоятельно мы не раз касались проблематики правового статуса мегарегулятора, изучая зарубежный и исторический опыт, акцентируя свое внимание на частноправовых аспектах его деятельности, рассматривая Банк России в контексте теории юридических лиц публичного права. Двойственность положения кредитора последней инстанции на практике может иметь как преимущества, так и недостатки, однако позволяет государственной машине и независимому в первую очередь от исполнительной власти национальному банку оперативно использовать необходимые рычаги влияния на денежно-кредитную политику страны, упорядочивая общественные отношения, складывающиеся на финансовом рынке. Одним из фундаментальных явлений в рамках административного права выступает воздействие, и главный банк первого уровня для управленческой науки, конечно, интересен как особого рода орган управления банковской системой государства, ответственный среди прочего за защиту и обеспечение устойчивости рубля.

Со времен полновластия Государственного банка СССР экономика нашей страны претерпевала радикальные изменения: сегодня политика эмиссионного банка старается точно отвечать потребностям развивающегося рынка, частного капитала и конкуренции, не отвергая и основ стратегического планирования<sup>1</sup>. Итак, в текущем исследовании мы задаемся целью систематизации источников нормативно-правового регулирования статуса кредитора последней инстанции, а также анализа юридического положения Банка России через призму различных отраслей отечественного права.

Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее — Закон о банках) мегарегулятор совместно с кредитными организациями, филиалами и представительствами иностранных банков выступает составной частью банковской системы. Обратим внимание: законодатель не отождествляет национальный банк с кредитными организациями и подтверждает уже высказанную нами ранее мысль о том, что национальный банк юридически не является кредитной организацией или банком, ибо даже не выступает хозяйственным обществом, как того требует ст. 1 Закона о банках. Эмиссионный банк есть уникальный инструмент денежно-кредитной политики государства, характеризующийся не только осуществлением перечня банковских операций и сделок, но и приоритетом публично-правового интереса во всей его деятельности.

Нормативное же регулирование банковской деятельности, помимо самого Закона о банках, осуществляется посредством Конституции РФ, Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее — Закон о Банке России), иных федеральных законов, а также нормативных актов Банка России. Отметим, каким же образом указанные документы, содержащие общие и специальные основы, придают правовому положению отечественного главного банка первого уровня категории законности и целесообразности деятельности.

Во-первых, в соответствии с ч. 1 ст. 75 Конституции РФ исключительно мегарегулятор реализует денежную эмиссию, наряду с финансовой, валютной и кредитной политикой отнесенной к федеративному ведению согласно правилам п. «ж» ч. 1 ст. 71 основного закона. Отдельные положения посвящены порядку взаимодействия Банка России и органов публичной власти: к ведению нижней палаты парламента согласно п. «г» ч. 1 ст. 103 отнесено назначение на должность и освобождение от нее председателя национального банка, чьи отчеты должны заслушиваться представителями от народа ежегодно.

Важнейшие конституционные нормы утверждают целостность банковской системы, самостоятельно предопределяющей основы единого рынка, но тесно связанной с аппаратом управления. Венец конституционно-правового статуса — упоминание защиты и обеспечения устойчивости рубля в качестве ключевой функции Банка России, которая реализуется им независимо от иных органов государственной власти в соответствии с ч. 2 ст. 75 основного закона нашей державы. Именно данные положения в числе прочих повлияли на рождение в юридической научной литературе дискуссии о правовом статусе главного банка первого уровня. Что понимал законодатель в 1993 г. под другими властными органами, учитывая, что еще в 1991 г. постановлением Президиума ВС РСФСР № 1483-1 утверждался ныне утративший силу устав Банка России, где он был поименован не только юридическим лицом, но и главным банком Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

Во-вторых, Закон о банках в ч. 2 ст. 9 содержит императивное требование о невозможности кредитной организации отвечать по обязательствам главного банка первого уровня, что дополнительно лишь подтверждает разграничение их правовых положений. В то же время сам мегарегулятор такой ответственностью может наделяться в исключительных случаях. Например, правила ст. 189.57-1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»

<sup>1</sup> Исаев И. А., Румянцева В. Г. Российский суверенитет и укрепление национального единства // Российское право онлайн. 2023. № 4. С. 6.

свидетельствуют об особом порядке реализации кредитором последней инстанции акций, долей или имущества, приобретенных им в ходе процедур по предупреждению банкротства банков.

Закон о банках создает необходимую нормативную базу для целого ряда административных процедур, необходимых в рамках существования банковской системы Российской Федерации. Положения ст. 13 указанного акта закрепляют возможность осуществления банковских операций исключительно на основании выдаваемой мегарегулятором лицензии, форма которой также устанавливается императивно им. Еще коснувшись далее заданного вопроса, мы свидетельствуем об установлении статьей 24 Закона о банках гарантий стабильности финансовых рынков. Так, любая кредитная организация для покрытия возможных убытков обязывается создавать резервы (фонды), чьи минимальные значения и порядок использования также устанавливаются нормативными актами Банка России.

Указанные факты выступают ярчайшим примером контрольно-надзорной деятельности эмиссионного банка, вновь и вновь актуализируя проблематику его административно-правового статуса<sup>2</sup>. Отдельные нормы Закона о банках, с одной стороны, задают юридическую основу для реализации надзорных полномочий мегарегулятора, например, при нарушении кредитной организацией требований нормативных актов и обязательных нормативов при создании реальной угрозы интересам частноправовых участников денежно-кредитных отношений. С другой стороны, ст. 23.1 Закона о банках уже свидетельствует о возможной принудительной ликвидации кредитной организации арбитражным судом, руководствуясь поступившим от эмиссионного банка заявлением.

*В-третьих*, непосредственно Закон о Банке России — пример специального нормотворчества и важнейшая юридическая основа всех наших исследований, посвященных правовому положению главного банка первого уровня. Едва ли целесообразно перечислять всевозможные аспекты общественных отношений, урегулированию которых посвящается указанный нормативный акт.

Закон о Банке России перечисляет цели деятельности и функционал кредитора последней инстанции, конкретизирует его структуру управления и формы взаимоотношений с органами публичной власти или же кредитными организациями, затрагивает лежащие в плоскости публичного и частного права аспекты банковских операций, сделок и услуг, а также положения служащих Банка России. Мегарегулятор — юридическое лицо особого рода, чей уставный капитал в размере 3 млрд руб. и иное имущество выступают федеральной собственностью. Его полномочия широко распространяются на общественные отношения, возникающие в ходе проведения денежно-кредитной политики, осуществления банковского регулирования и надзора, определения курса развития и стабилизации финансовых рынков и национальной платежной системы.

Касаясь проблемы контрольно-надзорной деятельности, нельзя не обратить внимание на ст. 74 Закона о Банке России. Указанные выше положения предельно детализируются законодателем. Например, в отношении нарушившей нормы или же превысившей установленные лимиты кредитной организации национальный банк может как требовать устранения выявленных нарушений, так и взыскивать штраф, ограничивать проведение ряда операций, назначать временную администрацию или предписывать предпринять действия по увеличению капитала до надлежащих размеров. Согласно норме п. 3.1 ч. 1 ст. 22.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ Банк России наряду с органами исполнительной власти и судьями выступает одним из субъектов административной юстиции.

*В-четвертых*, помимо специального банковского законодательства можно обратить внимание на общие нормы гражданского и финансового права. Так, касаясь

<sup>2</sup> Казачкова З. М., Россинский Б. В. Центральный банк Российской Федерации как юридическое лицо публичного права // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 2. С. 82.

основных положений о юридических лицах, встречаем императивность нормы п. 4 ст. 48 ГК РФ: правовой статус эмиссионного банка определяется Конституцией РФ, а также Законом Банка России. Приведенная нами норма кодифицированной цивилистики предопределила мнение о затруднительности применения к кредитору последней инстанции известных сегодня категорий гражданского права: предприятия, учреждения, государственной корпорации. Зарождается мнение об особой организационно-правовой форме «банка банков», прямо именуемой «Банк России» и не известной гражданскому законодательству и специальным нормативным актам<sup>3</sup>.

Среди иных актов на уровне законодательства обращают на себя внимание сразу несколько нормативных положений. Например, согласно п. 6 ч. 1 ст. 9 одноименного закона национальный банк служит участником стратегического планирования на федеральном уровне, а в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» эмиссионный банк издает в пределах компетенции обязательные для резидентов и нерезидентов акты, а также устанавливает единообразные формы отчетности и учета по валютным операциям, но самостоятельно осуществляет последние без ограничений. Для любого обывателя не станет секретом, что значение той или иной валюты по отношению к рублю пусть даже и в условиях плавающего валютного курса зависит от решений Банка России.

С точки зрения налогового законодательства и предмета регулирования Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» особенно примечательными для нас могут быть сведения, которые возможно получить благодаря выписке из Единого государственного реестра юридических лиц, находящейся в открытом доступе. Так, датой регистрации юридического лица с полным наименованием «Центральный банк Российской Федерации» выступает 2 декабря 1990 г., а регистрационным номером — цифра 394-1, что полностью идентично реквизитам актуализированного в 2002 г. Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)».

Учитывая не только указанный факт, но и широкий перечень сведений о дополнительных видах деятельности мегарегулятора, мы вновь и вновь именуем эмиссионный регулятор в качестве не имеющего целью извлечения прибыли юридического лица особого порядка, чей коммерческий или же некоммерческий характер деятельности выступает предметом непрекращающейся дискуссии.

В-пятых, примером нормативного акта кредитора последней инстанции выступает уже анонсируемая выше инструкция Банка России от 02.04.2010 № 135-И «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций». Указанный документ является определяющим во всей административной деятельности главного банка первого уровня, нацеливаясь на урегулирование процедур лицензирования в рамках отечественной банковской системы. Акт предельно детализирует положения Закона о банках, с одной стороны, предъявляя конкретные требования к уставу и к протоколу общего собрания учредителей кредитной организации, с другой же стороны, в качестве приложений представляя типовые формы анкет и уведомлений, сообщений и самих оформляемых лицензий.

Иной иллюстрацией подзаконного акта, принятого национальным банком, выступает положение Банка России от 11.04.2016 № 538-П, утвердившее правовой статус территориальных учреждений мегарегулятора. Документ может служить выражением нормотворческой функции «банка банков», одновременно с тем разрешая организационный вопрос единой централизованной системы национального банка с вертикальной структурой управления при помощи уравнивания территориального учреждения с обособленным подразделением, не имеющим статуса юридического лица.

<sup>3</sup> Ефимова Л. Г. Банковское право. М. : Статут, 2010. Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. С. 147.

От систематизации и аналитики общего и специального законодательства в рамках регулирования правового положения Банка России мы переходим к очерчиванию юридических статусов «банка банков», поскольку ограничиваться лишь описанием какого-либо одного элемента было бы весьма затруднительно. Критический анализ прямого сопоставления Банка России с государственным органом в доктрине, а также понимание его реального нормативного положения как юридического лица публичного права имеют прямое практическое значение, затрагивая эффективность работы отечественной банковской системы. Например, нeliшим будет обратить внимание, что на текущий момент как общее, так и специальное законодательство уже не содержит норм о главном банке государства, однако оперирует терминологией служащих Банка России. Глава XIV Закона о Банке России не отождествляет последних с государственными и муниципальными служащими, однако предусматривает собственный перечень ограничений и запретов, а также обязательство по предоставлению сведений о доходах и расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера. Безусловно, нормативный статус особой категории служащих Банка России, имеющий закономерное сходство с правовыми конструкциями Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», заслуживает особого внимания в рамках определения национального банка в качестве «другого государственного органа».

Первая особенность вызывается конституционно-правовым статусом эмиссионного банка. Функцию (каковую Закон о Банке России именует целью деятельности) защиты и обеспечения устойчивости рубля главный банк первого уровня согласно ч. 2 ст. 75 основного закона осуществляет независимо от иных органов государственной власти, которые, в свою очередь, поименованы в ст. 11 Конституции РФ. С одной стороны, отсутствие в перечне субъектов главного банка первого уровня, а также императивное разделение в ст. 10 государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви позволяют нам сделать вывод методом буквального толкования: эмиссионный банк не входит в систему органов государственной власти.

Доктриной нередко выражается сожаление, что Закон о Банке России не включен в число федеральных конституционных, а также вновь и вновь предлагается решение ключевой для «конституционной экономики» и сбалансированной финансовой системы проблемы. Так, С. А. Авакьян трактует ст. 10 основного закона расширительно, не рассматривая кредитора последней инстанции в качестве государственного учреждения, подчиненного кому-либо, однако же выступая за введение категории банковской власти по аналогии с президентской<sup>4</sup>. Для видного ученого бесспорно: эмиссионный банк выступает государственным органом, реализуя дарованное ему законодателем правомочие по изданию обязательных нормативных предписаний. Иные авторы, в свою очередь, настаивают на толковании ст. 11 и 75 Конституции РФ в совокупности, в противном случае усматривая или признание особенностей конституционно-правового статуса всех упомянутых по тексту основного закона властных органов, или же актуализацию вопроса выделения избирательной, прокурорской, финансовой ветвей власти<sup>5</sup>.

Наиболее верным будет разделить позицию Конституционного Суда РФ в части того, что полномочия защиты и обеспечения устойчивости национальной валюты, осуществления денежной эмиссии по своей юридической природе тяготеют к государственно-властным, чья реализация предполагает применение мер государственного принуждения<sup>6</sup>. Когда же речь идет о механизмах административного

<sup>4</sup> Баренбойм П. Д., Лафитский В. И. Очерки конституционной экономики: статус Банка России. М. : Юстицинформ, 2001. С. 55.

<sup>5</sup> Лысова Ю. В. О правовых статусах Банка России и их практическом значении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГОА). 2016. № 2 (18). С. 113.

<sup>6</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2000 № 268-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности части третьей статьи 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

принуждения, грамотно сочетаемого с политикой убеждения, нельзя не обратиться к самой управленческой науке. Так, вторая особенность выражается в административно-правовом статусе, призываю иначе взглянуть на концепцию публичного управления. Казалось бы, Банк России ожидаемо не упомянут в перечне важнейшего Указа Президента РФ от 11.05.2024 № 326 «О структуре федеральных органов исполнительной власти», который урегулировал в нормативной форме структуру федеральных органов исполнительной власти. В то же время императив ст. 7 Закона о Банке России свидетельствует об обязательности регистрации нормативных актов национального банка по аналогии с порядком, предусмотренным для правовых форм федеральных органов исполнительной власти, а в отношении возможности оспаривания указаний, положений и инструкций мегарегулятора указывает на порядок, подобный документам федеральных органов государственной власти.

Сопоставимость характера деятельности Банка России с функционалом органов исполнительной власти, с одной стороны, роднит мегарегулятор с ними, оставляя возможность для самостоятельной реализации возложенных на него функций<sup>7</sup>. С другой же стороны, руководствуясь ключевым административным полномочием, мы можем считать эмиссионный банк государственным органом управления банковской системой, правовое положение которого определяется специальным законодательством в области финансовых рынков<sup>8</sup>.

Нормативный статус мегарегулятора принимает уникальный характер сочетания на первый взгляд вообще противоположного: публичных и частных интересов, государственно-властного начала и важности учета интересов вкладчиков и конкурирующих на свободном рынке кредитных организаций. Исторически выделившись среди банков монополией на эмиссию наличных денег, национальный банк, безусловно, имеет сходство с органами государственной власти, будучи инструментом денежной политики и субъектом целенаправленного упорядоченного воздействия на всю банковскую систему.

С течением времени мы обнаруживаем причисление к вышеуказанному регулированию в отношении национальной платежной системы деятельности профессиональных участников финансовых рынков и особо актуальной сегодня платформы цифрового рубля. Представляется же, что полномочиями в рамках административной юрисдикции мегарегулятор наделяется во исполнение своих функций, прописанных законодателем<sup>9</sup>. Дарованная степень независимости от отдельных властных субъектов отлична от понятия подотчетности, нацеливаясь на недопустимость оказания на эмиссионный центр влияния правительственные структуры, ответственных за разработку и реализацию бюджетной политики.

В-третьих, отдельного внимания от административного и гражданского законодательства требует финансово-правовой статус Банка России, находящий отражение в практике правоприменения. Имеющий конституционный статус и наделенный законом отдельными публичными полномочиями мегарегулятор наравне с иными государственными органами освобожден от уплаты пошлины в судах общей юрисдикции<sup>10</sup>. Ее взимание при участии в рамках судебного дела кредитора последней инстанции в качестве властного представителя, имущество которого также

<sup>7</sup> Ефимова Л. Г. Банковское право. М. : Статут, 2010. Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. С. 49.

<sup>8</sup> Мигачев Ю. И., Мигачев А. Ю., Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие. М. : Проспект, 2021. С. 29.

<sup>9</sup> Неверова Н. В. Особенности правосубъектности Банка России как органа административной юрисдикции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 4 (153). С. 265.

<sup>10</sup> Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2013 г., утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 3 июля 2013 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 10.

выступает федеральной собственностью, виделось бы попросту перераспределением денежных средств от государства тому же государству<sup>1</sup>.

С одной стороны, это еще не обязательно свидетельствует о публичном характере двойственного правового статуса мегарегулятора, а ч. 3 ст. 26 Закона о Банке России свидетельствует об уплате налогов и сборов в соответствии с отечественным налоговым законодательством не только самим национальным банком, но и его организациями. С другой стороны, усиление роли финансовых средств в жизни общества порождает полемику о становлении денежной ветви власти, выполняющей специфические управленческие функции. Если органы исполнительной власти нацелены на урегулирование государственных фондов денежных средств, превалирующим методом административного права служит «власть и подчинение», то Банк России проводит денежно-кредитную политику в отношении субъектов, которые непосредственно ему не подчинены<sup>2</sup>.

Казалось бы, приведенная позиция отдельных авторов может вступить в противоречие с контрольно-надзорной деятельностью «банка банков», примеры которой мы приводили в работе ранее. Думается, всякое принуждение отражает императив, пусть даже и не исключающий механизмов обратной связи. В то же время мегарегулятор, чей функционал имеет высокую роль в сети публичного управления, одновременно выступает актором не одной финансовой, а в первую же очередь банковской деятельности со свойственной ей спецификой. Так, статья 9 Закона о банках установила: кредитная организация не отвечает по обязательствам государства и Банка России, а он по общему правилу не отвечает по обязательствам кредитной организации. Текущая практика прямо свидетельствует о том, что наличие у эмиссионного банка властных полномочий в рамках денежно-кредитной политики и административной процедуры выдачи лицензий кредитным организациям не может само по себе выступать основанием для привлечения к юридической ответственности<sup>3</sup>.

В-четвертых, обратим же внимание на гражданско-правовой статус Банка России как юридического лица публичного права, частноправовым элементам которого были посвящены многие работы<sup>4</sup>. Тем не менее следует обратить внимание на взаимосвязанность, лежащую в основе сложного нормативного положения главного банка первого уровня: осуществление им хозяйственной деятельности, а также выполнение администрирующих контрольно-надзорных полномочий подчинено все тому же управлению денежно-кредитной системой и сферой финансовых рынков, оказывающему целенаправленное воздействие на их стабилизацию и трансформацию<sup>5</sup>. Указанное воздействие сегодня может реализовываться экономическим методом в рамках ст. 46 Закона о Банке России или же методом властного предписания в форме правового акта управления, устанавливающего, например, правила осуществления банковских операций и сделок, благодаря которым сам эмиссионный банк может также получать доход.

Независимость прежде всего от исполнительной ветви власти, развитость оперативных механизмов обратной связи и достаточность внутренних ресурсов позволили реализовать институт мегарегулятора именно на базе Банка России. С 2013 г. цели его деятельности оказались дополнены развитием и обеспечением стабильности финансового рынка, а регуляторные и контрольно-надзорные полномочия в указанной

<sup>1</sup> Лысова Ю. В. О правовых статусах Банка России и их практическом значении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 2 (18). С. 114.

<sup>2</sup> Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и современность. М. : Дело, 1998. С. 29.

<sup>3</sup> Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 14.05.2021 № 07АП-7201/2014 (113) по делу № А27-472/2014 // Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru>.

<sup>4</sup> Тарасенко О. А. Предпринимательская активность Банка России // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 74.

<sup>5</sup> Ефимова Л. Г. Правовая природа Центрального банка Российской Федерации // Хозяйство и право. 1994. № 5 (208). С. 17.

области были отнесены к создаваемому в структуре «банка банков» Комитету финансового надзора. Сегодня существование на первый взгляд противоречивых друг другу ограничительных административных полномочий и задачи стратегического развития финансового сектора требует «золотой середины» путем консолидации общественного и государственного, публичного и частного интересов, обеспечения надлежащей инфраструктуры, нивелирующей риск чрезмерного унифицированного обременения и контроля<sup>6</sup>.

Банк России есть инструмент денежно-кредитной политики и конституционный орган управления многоуровневой банковской системой, сочетающий контрольно-надзорные и регулирующие начала. Являясь юридическим лицом, в общественно значимой деятельности он применяет экономические или же прямые методы воздействия, комбинируя элементы администрирования и своего частноправового положения. Нормативное правовое регулирование деятельности национального банка отмечено широким перечнем общих и специальных актов законодательного характера, претерпевшим значимые изменения с девяностых годов. Отдельного внимания заслуживают в том числе нормативные акты самого эмиссионного банка. Достижение целей и реализация возложенных законодателем функций, совершенствование нормотворчества в области финансовых рынков наиболее эффективны с учетом зарубежного опыта и практики правоприменения.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Баренбойм П. Д., Лифитский В. И. Очерки конституционной экономики: статус Банка России. — М. : Юстицинформ, 2001. — 192 с.
2. Ефимова Л. Г. Банковское право. Т. 1 : Банковская система Российской Федерации. — М. : Статут, 2010. — 404 с.
3. Ефимова Л. Г. Правовая природа Центрального банка Российской Федерации // Хозяйство и право. — 1994. — № 5 (208). — С. 16–29.
4. Исаев И. А., Румянцева В. Г. Российский суверенитет и укрепление национального единства // Российское право онлайн. — 2023. — № 4. — С. 5–9.
5. Казачкова З. М., Россинский Б. В. Центральный банк Российской Федерации как юридическое лицо публичного права // Вестник Российской правовой академии. — 2024. — № 2. — С. 76–87.
6. Лысова Ю. В. О правовых статусах Банка России и их практическом значении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2016. — № 2 (18). — С. 108–118.
7. Мигачев Ю. И., Мигачев А. Ю., Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус организаций, наделенных государственными полномочиями : учеб. пособие. — М. : Проспект, 2021. — 128 с.
8. Неверова Н. В. Особенности правосубъектности Банка России как органа административной юрисдикции // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 4 (153). — С. 264–271.
9. Рождественская Т. Э. Банк России как мегарегулятор на финансовом рынке: особенности правового статуса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2014. — № 4 (4). — С. 54–69.
10. Тарасенко О. А. Предпринимательская активность Банка России // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6. — С. 73–83.
11. Тосунян Г. А., Викулин А. Ю. Деньги и власть. Теория разделения властей и современность. — М. : Дело, 1998. — 88 с.

<sup>6</sup> Рождественская Т. Э. Банк России как мегарегулятор на финансовом рынке: особенности правового статуса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 4 (4). С. 68.

## REFERENCES

1. Barenboim PD, Lafitsky VI. Essays on the constitutional economy: status of the Bank of Russia. Moscow: Justicinform Publ.; 2001. (In Russ.).
2. Efimova LG. Banking Law. Vol. 1: Banking system of the Russian Federation. Moscow: Statute Publ.; 2010. (In Russ.).
3. Efimova LG. The Legal Nature of the Central Bank of the Russian Federation. *Economy and Law*. 1994;5(208):16-29. (In Russ.).
4. Isaev IA, Rumyantseva VG. Russian sovereignty and strengthening national unity. *Russian Law Online*. 2023;4:5-9. (In Russ.).
5. Kazachkova ZM, Rossinsky BV. Central Bank of the Russian Federation as a legal entity of public law. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2024;2:76-87. (In Russ.).
6. Lysova YuV. On the legal status of the Bank of Russia and their practical significance. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2016;2(18):108-118. (In Russ.).
7. Migachev YuI, Migachev AYu, Shamrin MYu. Administrative and legal status of organizations endowed with state powers. Moscow: Prospect Publ.; 2021. (In Russ.).
8. Neverova NV. Features of the legal personality of the Bank of Russia as an administrative jurisdiction body. *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2023;4(153):264-271. (In Russ.).
9. Rozhdestvenskaya TE. Bank of Russia as a mega-regulator in the financial market: features of legal status. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2014;4(4):54-69. (In Russ.).
10. Tarasenko OA. Entrepreneurial activity of the Bank of Russia. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(6):73-83. (In Russ.).
11. Tosunyan GA, Vikulin AYu. Money and power. Separation of powers theory and modernity. Moscow: Delo Publ.; 1998. (In Russ.).

# ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ПРОСТРАНСТВ)

Соколова Наталья Александровна,  
заведующий кафедрой международного права Московского государственного  
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук,  
профессор  
125993, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9  
[nasokolova@msal.ru](mailto:nasokolova@msal.ru)

© Соколова Н. А., 2025

**Аннотация.** Статья посвящена понятию, форматам и роли научной дипломатии в развитии международного сотрудничества как одной из основ его укрепления и выработки экспертных решений, которые могут быть использованы при заключении международных договоров и принятии документов международных организаций или форумов. В статье определен потенциал научной дипломатии по различным направлениям в контексте стратегических документов Российской Федерации, с одной стороны, и концепции устойчивого развития — с другой; обозначены направления научной дипломатии, а также выявлены ее субъекты. Особое внимание уделено значению научной дипломатии для развития правового режима пространств на примере Арктики и Каспийского моря, рассмотрены форматы научной дипломатии и наиболее успешные практики, когда взаимодействие ученых имеет принципиальное значение в связи с особой экологической повесткой указанных регионов. Показано, что развитие научной дипломатии актуализировано в связи с потребностью в снижении конфликтного потенциала международных отношений, с непрекращающей ценностью продолжения международного сотрудничества в условиях многополярного мира, с возможностями научной дипломатии для формирования новых норм международного права, особенно в плане его прогрессивного развития. В заключение формулируется вывод, обобщающий значение научной дипломатии как для международных отношений, так и для защиты национальных интересов государства.

**Ключевые слова:** научная дипломатия; внешняя политики России; научно-технологическое развитие России; устойчивое развитие; субъекты научной дипломатии; лучшие практики; Арктика; Каспийское море.

# THE ROLE OF SCIENCE DIPLOMACY IN ENHANCING THE EFFECTIVENESS OF INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION (A CASE STUDY: THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGIMES FOR SPECIFIC SPACES)

Natalia A. Sokolova,

Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

[nasokolova@msal.ru](mailto:nasokolova@msal.ru)

**Abstract.** The article addresses the concept, formats, and role of science diplomacy in the development of international cooperation, presenting it as one of the foundations for strengthening such cooperation and for producing expert solutions that can be employed in the conclusion of international treaties and in the adoption of instruments by international organizations and fora. The paper identifies the potential of science diplomacy across various domains in the context of the strategic documents of the Russian Federation, on the one hand, and the concept of sustainable development, on the other; it delineates the principal directions of science diplomacy and identifies its actors. Special attention is paid to the significance of science diplomacy for the development of legal regimes governing specific spaces, as exemplified by the Arctic and the Caspian Sea. The study examines formats of science diplomacy and highlights prominent practices in which scientific cooperation is of decisive importance given the distinct environmental agendas of these regions. It is shown that the development of science diplomacy is driven by the need to reduce the conflict potential of international relations, by the enduring value of sustaining international cooperation in a multipolar world, and by the capacity of science diplomacy to contribute to the formation of new norms of international law, particularly with respect to its progressive development. In conclusion, the article synthesizes the role of science diplomacy both for international relations and for the protection of the national interests of the state.

**Keywords:** science diplomacy; Russia's foreign policy; scientific and technological development of Russia; sustainable development; subjects of scientific diplomacy; best practices; Arctic; Caspian Sea.

## ПОТЕНЦИАЛ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Развитие современных международных отношений гарантирует повышение значимости научной дипломатии. В Концепции Международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, утвержденной Правительством 16 мая 2025 г., под научной дипломатией понимается «особая форма международного научно-технического сотрудничества, относящаяся к публичной дипломатии, представляющая собой систему взаимодействия ученых, научных коллективов, научных организаций и образовательных организаций высшего образования, и взаимосвязанная с ней деятельность органов власти, направленная на развитие международных отношений с учетом интересов Российской Федерации, развития диалога научно-технического сообщества и улучшения взаимопонимания между народами»<sup>1</sup>. Развитие инструментов научной дипломатии в том числе обеспечивает

<sup>1</sup> Распоряжение Правительства РФ от 16.05.2025 № 1218-р «Об утверждении Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411960688/#review> (дата обращения: 30.09.2025).

достижение стратегических целей в области международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации.

Научная дипломатия часто рассматривается как более широкое понятие, чем международное научное сотрудничество с учетом ее политического потенциала. В соответствии с Мадридской Декларацией о научной дипломатии «научная дипломатия выходит за рамки международного научного сотрудничества, поскольку она затрагивает интересы, которые не ограничиваются научными, и могут прямо или косвенно служить достижению дипломатических целей»<sup>2</sup>. Таким образом, обременение интересами государства — важный аспект научной дипломатии, на реализацию которых направлена последняя. Не случайно, в указанной выше декларации «научная дипломатия определяется как совокупность практик на стыке науки, техники и внешней политики».

Используя научное сотрудничество для решения проблем, стоящих перед государствами, научная дипломатия влияет на общественное мнение и лиц, принимающих решения. Следовательно, научные исследования служат не только инструментом для получения новых знаний, но их организация является основанием для иных видов совместной деятельности государств, что стимулирует активизацию научной дипломатии России.

В соответствии с Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» определены приоритеты такого развития. Развитие научной дипломатии оценивается в Стратегии как один из способов формирования «модели международного научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области научных исследований и разработок, направленной на защиту национальных интересов Российской Федерации в условиях внешнего давления, сохранение идентичности и повышение эффективности российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия» (32)<sup>3</sup>.

Научная дипломатия — это особый вид дипломатии, который оказывает влияние на успешное ведение внешнеполитических дел. Политика научной дипломатии во многом — политика государств. Государства, являясь основными субъектами международного права, защищая и отстаивая свой суверенитет и национальные интересы, стремятся эффективно использовать научную дипломатию, в том числе для формирования правовых режимов тех пространств, которые имеют стратегическое значение. Научная дипломатия вносит вклад в укрепление позиций государства на международной арене, его влияния на международные отношения. Характеристика «научная» означает применение таких форматов, которые используют не только опыт научного сотрудничества государственных органов, но и экспертный потенциал ученых в различных областях.

В значительной мере научная дипломатия опирается на Концепцию внешней политики<sup>4</sup> (далее — Концепция) нашего государства, выступая ее инструментом и осуществляя корреляцию с приоритетами стратегического документа Российской Федерации.

В рамках Концепции акцентированы следующие аспекты научной дипломатии.

1. Проведение научных исследований и презентация их результатов в рамках научной дипломатии для морской деятельности Российской Федерации в интересах обеспечения безопасности и развития. Следовательно, потенциал научной

<sup>2</sup> The Madrid Declaration on Science Diplomacy 2019 // URL: <https://www.s4d4c.eu/s4d4c-1st-global-meeting/the-madrid-declaration-on-science-diplomacy/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>3</sup> Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/>.

<sup>4</sup> Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/> (дата обращения: 30.09.2025).

дипломатии необходим для укрепления международной безопасности, а значит, для международной стабильности и развития диалога.

2. Научная дипломатия обеспечивает неполитизированное международное сотрудничество для устойчивого развития, одновременно выступая способом предотвращения и, возможно, преодоления геополитической напряженности.

3. Особенno активно научная дипломатия используется в рамках международного гуманитарного сотрудничества. Россия уделяет приоритетное внимание «3) развитию механизмов общественной дипломатии с участием конструктивно настроенных по отношению к России представителей и институтов гражданского общества, а также политологов, представителей экспертного и научного сообщества, молодежи, волонтерского, поискового и других общественных движений» (п. 43).

4. В рамках развития региональных отношений с Африкой, Латинской Америкой и другими дружественными странами Россия стремится к развитию научного сотрудничества, которое неизбежно приобретает формат научной дипломатии, что позволяет наращивать и использовать «мягкую» силу.

Помимо политики государств, научная дипломатия тесно связана с устойчивым развитием. Цели в области устойчивого развития «могут быть реализованы только при условии прочных глобальных партнерских отношений и сотрудничества. Успешная реализация повестки дня в области устойчивого развития невозможна без налаживания на глобальном, региональном и местном уровнях всеохватывающих партнерских отношений, построенных на принципах и ценностях, общем видении и общих целях, ориентированных на удовлетворение интересов людей и планеты»<sup>5</sup>.

Научная дипломатия используется в определении правовых режимов пространств и касается следующих аспектов.

1. Развитие научных знаний о тех или иных пространствах, их продвижение на международной арене, преодоление санкционного давления.

2. Научные знания о различных процессах, происходящих на пространствах, например, влияние изменения климата на Арктику или состояние природных ресурсов Каспийского моря, определяют порядок взаимодействия государств на основе международных договоров. В частности, речь идет о правилах, которые должны соблюдаться при проведении научных исследований. Заключение таких договоров в том числе происходит в результате научной дипломатии.

3. Научные знания о негативных последствиях, например, загрязнения морской среды, включая угрозы такого загрязнения, через научную дипломатию позволяют формулировать нормы международных договоров, а еще быстрее — рекомендательных актов, актов т.н. мягкого права по борьбе с такими угрозами, мерами по их предотвращению и преодолению соответствующих последствий, для чего также необходим учет научных данных.

Стратегические инструменты научной дипломатии находят отражение в концептуальных документах развития и в установлении основ и приоритетов международного сотрудничества в сфере науки, например, таких как Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации.

Оперативные научные инструменты формируются и развиваются на основе международных договоров, в которых предусматриваются, в том числе и институциональные формы взаимодействия.

Инструменты поддержки научной дипломатии включают в себя образовательные ресурсы, различные профессиональные платформы для распространения знаний и идей о научной дипломатии.

<sup>5</sup> Цель 17: Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития // URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/globalpartnerships/> (дата обращения: 30.09.2025).

Среди направлений научной дипломатии выделяют следующие<sup>6</sup>.

1. Наука для дипломатии — использование научного сотрудничества для укрепления взаимодействия между государствами на неполитизированной основе. Она используется для свободного обмена мнениями, идеями и т.д.

2. Наука в дипломатии, очевидно, означает использование научных знаний при принятии внешнеполитических решений. Правовой режим пространств — важная тема в контексте направления «наука в дипломатии». Регулирование отношений в Арктике, Каспийском море, космическом пространстве и других областях, не может не опираться на сильную научную составляющую и международное научное сотрудничество.

3. «Дипломатия для науки» предполагает использование классических инструментов дипломатии для поддержки научного сообщества путем заключения соглашений о сотрудничестве с иностранными государствами. В рамках этого направления осуществляется содействие международным исследованиям и научному сотрудничеству.

## СУБЪЕКТЫ НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Развитие научной дипломатии связано с изменением международной повестки, всё более широким вовлечением негосударственных акторов в публичную дипломатию. Научная дипломатия способствует установлению и развитию прямых контактов между учеными.

Таким образом, в осуществление научной дипломатии вовлечены разнообразные акторы. Это не только те акторы, которые являются субъектами международного права, прежде всего государства и международные межправительственные организации. «Научная дипломатия, — как отмечается в докладе *Science Diplomacy — To 2030 and Beyond*, — вступает в новую эру, когда всё больше и больше министерств иностранных дел видят необходимость в формальных связях с научным сообществом. Существует срочность, которая обусловлена глобализацией, влиянием новых технологий, нарушением созданного полуравновесия, влиянием негосударственных акторов, включая технологические компании, расширением доступа к знаниям различной надежности»<sup>7</sup>.

Следовательно, важную роль в научной дипломатии играет множество иных субъектов: неправительственные организации, научно-исследовательские, образовательные организации и т.д. Например, 11 мая 2017 г. было заключено Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества (Фэрбанкс, США), которое во многом является рамочным. Оно обеспечивает улучшение правовой среды для осуществления научной деятельности в Арктике. Если арктические государства являются сторонами Соглашения, главными ответственными за его реализацию и принимают по нему на себя обязательства, то участники — это те, чья деятельность непосредственно осуществляется в соответствии с Соглашением. Они определены максимально широко, что полезно для научной деятельности, в которую вовлечены самые разные субъекты, и органы государства, и научные учреждения. «Участник» означает научно-технические подразделения и ведомства, исследовательские центры, университеты и колледжи, а также подрядчики, грантополучатели и другие партнеры Сторон, действующие совместно с любой Стороной или Сторонами или от их имени, задействованные в научной деятельности в рамках настоящего Соглашения (ст. 1).

Успешная реализация данного Соглашения скорее связана не столько с осуществлением крупных международных инициатив, которые требуют финансирования

<sup>6</sup> Подробнее см.: Научная дипломатия в современном мире : учеб.-метод. материалы № 9/2021 / [Г. А. Краснова] ; [вып. ред.: Е. О. Карпинская, И. А. Бочаров] ; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2021. 48 с.

<sup>7</sup> Talloires Dialogue Team. *Science Diplomacy — To 2030 and Beyond* // Tufts University. 11.2018. URL: [https://sites.tufts.edu/sciencediplomacy/files/2019/02/Synthesis\\_2.pdf](https://sites.tufts.edu/sciencediplomacy/files/2019/02/Synthesis_2.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

и активного участия всех государств — в конечном итоге они могли бы быть реализованы и на основе *ad hoc* договоренностей. Более значимо, что Соглашение обеспечивает благоприятные условия для постоянного осуществления менее масштабных исследовательских проектов, создавая основу для возможности их реализации без дополнительных затруднений в получении специальных разрешений и в связи с отсутствием рычагов влияния на различные правительственные и местные органы власти.

Конечно, в рамках научной дипломатии могут быть задействованы существующие международные институты, например, Арктический совет. Хотя, как показала практика, парадигмальная смена международного правопорядка может влиять на эффективность таких институтов.

## ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ

Среди успешных практик — создание совместных партнерств и институтов государствами, имеющими общие интересы в конкретном регионе.

Еще одной практикой для развития научной дипломатии является введение должности или иной порядок привлечения научных советников для предоставления консультаций по тем значимым научным проблемам, информация о которых способна повлиять на принятие решений при формировании правового режима тех или иных пространств.

Эффективной практикой является направление атташе по науке для продвижения двусторонних отношений между государствами.

Создание научных сетей, фондов, проведение научных форумов, международные научные программы, финансируемые национальными фондами, — формы научной дипломатии, которые целенаправленно и ответственно развиваются на уровне государств.

Такие программы и фонды, в контексте продвижения применения «мягкой» силы, создаются для преодоления от угроз, привлечения лучших научных специалистов из других государств, с одной стороны, и формирования условий для сохранения собственного научного потенциала государства, с другой — проведения приоритетных масштабных научных исследований по наиболее важным проблемам.

Рассмотрим несколько форматов научной дипломатии.

## НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА АРКТИКИ

Востребованность научной дипломатии в Арктике связана с тем, что любая деятельность человека в отдаленных и суровых условиях требует разработки и внедрения уникальных наукоемких технологий и огромных вложений средств. Отсюда возникает необходимость международного научно-технического сотрудничества и возникающей на ее основе научной дипломатии как механизма согласования.

Осуществление научной дипломатии в Арктике имеет ограничения, связанные с интересами национальной безопасности, что снижает уровень открытости, поскольку влечет ограничения как к пространствам, так и к отдельным научным данным. Правовой режим Арктики связан не только с морскими пространствами, но и сухопутными территориями, на которые распространяется суверенитет и юрисдикция приарктических государств. Это влечет необходимость соблюдения национальных процедур, связанных с въездом-выездом, вывозом природных образцов. Соглашение 2017 г. предполагало развитие путем заключения отдельных соглашений. Согласно ст. 3 многие важные вопросы решаются на основе специальных соглашений и договоренностей. Это скорее положительное качество Соглашения, потому что вопросы, связанные с результатами и даже самим процессом научно-исследовательской деятельности весьма чувствительны, нуждаются в особом

регулировании применительно к отдельным проектам, участникам, ситуациям разногласия. Однако при этом очень важно, что такое стратегическое соглашение о необходимости развития международного научного сотрудничества в Арктике, позволяющее создать площадку для максимально широкого круга участников, и имеющее обязывающий характер, было заключено государствами. «Деятельность и обязательства по настоящему Соглашению осуществляются в соответствии с применимыми международным правом и законами, подзаконными актами, процедурами и политикой соответствующих Сторон» (ст. 10). Соглашение учитывает национальное законодательство, следовательно, позицию государства, при решении соответствующих вопросов, в том числе и региональную политику с учетом особенностей государственного устройства. В настоящее время, несмотря на потенциал неполитизированности научной дипломатии, научное сотрудничество с Россией по инициативе западных стран практически не проводится. Это ведет к обсуждению возможностей преодоления данной ситуации, вплоть до создания новых организаций с участием РФ и неарктических государств, не присоединившихся к санкциям. Так, определяя региональные направления внешней политики, в отношении Арктики Российской Федерации намерена уделять приоритетное внимание «налаживанию взаимовыгодного сотрудничества с неарктическими государствами, проводящими конструктивную политику в отношении России и заинтересованными в осуществлении международной деятельности в Арктике, включая инфраструктурное развитие Северного морского пути» (Концепция внешней политики Российской Федерации).

Основными национальными интересами Российской Федерации в Арктике, как определено в п. 5 Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года (утв. Указом Президента РФ от 05.03.2020 № 164) является, в том числе развитие Арктической зоны Российской Федерации в качестве стратегической ресурсной базы и ее рациональное использование в целях ускорения экономического роста Российской Федерации; охрана окружающей среды в Арктике, защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации (п. 28). Эффективность такого развития требует использования потенциала научной дипломатии.

Согласно Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года (Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645) слабое взаимодействие сектора научных исследований и разработок с реальным сектором экономики, разомкнутость инновационного цикла отнесены к основным опасностям, вызовам и угрозам, формирующими риски для развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности (7, о).

## НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

Развитие научной дипломатии в данном регионе в значительной степени объясняется историческими условиями и, в известной мере, могло бы предопределять успех международного сотрудничества. Со многими государствами Прикаспийского региона Россия связана многовековыми традициями совместной государственности, глубокой взаимозависимостью в различных сферах, общим языком, близкими культурами. Именно поэтому Россия планирует уделять приоритетное внимание «укреплению сотрудничества в зоне Каспийского моря, исходя из исключительной компетенции пяти прикаспийских государств в решении всех вопросов, касающихся этого региона» (49. 9 Концепции внешней политики Российской Федерации). Одним из способов решения данного вопроса является научная дипломатия.

Научная дипломатия реализуется не только посредством заключения и реализации международных соглашений, которые определяют направления и меры по осуществлению сотрудничества, но также институционализируется и в иных форматах,

в частности непосредственного научного общения, обмена мнения и идеями<sup>1</sup>. Не только проведение научных исследований как на уровне отдельных государств, так и совместными усилиями, обмен научными данными, но и синергия в области решения правовых проблем обеспечивается посредством научной дипломатии. Осуществляя научную дипломатию, государства яснее заявляют свою позицию, используют совместные площадки для разработки правовых концепций, формирующих режим использования Каспийского моря, стимулируют поиск оригинальных решений проблем прикаспийского региона. Наращивание научного, образовательного, экономического, гуманитарного сотрудничества между странами и народами уникального геостратегического макрорегиона Прикаспия будет способствовать повышению его устойчивости в глобальном и региональном масштабах. «Руководствуясь желанием углублять и расширять добрососедские отношения между Сторонами», в 2018 г. была заключена Конвенция о правовом статусе Каспийского моря<sup>2</sup>. Одним из принципов деятельности признан принцип «содействия проведению научных исследований в области экологии, сохранения и использования биологических ресурсов Каспийского моря» (ст. 3, 15).

Создание международно-правовой основы научных исследований на Каспии происходит в рамках взаимодействия ученых. На очередной встрече в октябре 2025 г. эксперты Прикаспийских государств обсудили проект межправительственного Соглашения о сотрудничестве в сфере морских научных исследований на Каспийском море. Такие встречи — один из форматов научной дипломатии.

Активное развитие коммуникаций между различными субъектами международного научного сотрудничества, с одной стороны, не только позволяет на экспертном уровне подготовить основу для международно-правовых решений, понизить конфликтный потенциал международных отношений, но и выступать средством защиты стратегических интересов государства.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Научная дипломатия в современном мире : учеб.-метод. материалы № 9/2021 / [Г. А. Краснова] ; [вып. ред.: Е. О. Карпинская, И. А. Бочаров] ; Российский совет по международным делам (РСМД). — М. : НП РСМД, 2021. — 48 с.
2. Talloires Dialogue Team. Science Diplomacy — To 2030 and Beyond // Tufts University. — 11.2018. — URL: [https://sites.tufts.edu/sciencediplomacy/files/2019/02/Synthesis\\_2.pdf](https://sites.tufts.edu/sciencediplomacy/files/2019/02/Synthesis_2.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

## REFERENCES

1. Krasnova GA. Karpinskaya EO, Bocharov IA (eds.). Science diplomacy in the modern world: academic-method. materials No. 9/2021. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RIAC Publ.; 2021. (In Russ.).
2. Talloires Dialogue Team. Science Diplomacy — To 2030 and Beyond. Tufts University. November 2018. Available at: [https://sites.tufts.edu/sciencediplomacy/files/2019/02/Synthesis\\_2.pdf](https://sites.tufts.edu/sciencediplomacy/files/2019/02/Synthesis_2.pdf) [Accessed 30.09.2025].

<sup>1</sup> Так, в 2022 г. в рамках второго Каспийского экономического форума состоялся круглый стол «Право и научная дипломатия для устойчивого развития Каспийского региона», в котором участвовали ученые из России, Азербайджана, Ирана, Казахстана и Туркменистана.

<sup>2</sup> Конвенция о правовом статусе Каспийского моря, 12 августа 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 30.09.2025).

# ДЕЛО ДРЕЙФУСА ВО ФРАНЦИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

МИР

Гусев Владимир Евгеньевич,  
преподаватель кафедры истории государства и права Университета  
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат исторических наук  
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9  
[politistorik@yandex.ru](mailto:politistorik@yandex.ru)

© Гусев В. Е., 2025

**Аннотация.** В статье раскрывается взаимосвязь политico-правовой и социальной основы дела Дрейфуса (Франция, 1894–1906 гг.), когда капитана французской армии Альфреда Дрейфуса обвинили в шпионаже в пользу Германии по сфальсифицированным документам с рядом процессуальных нарушений ради одной цели — приговорить еврея, служащего в генштабе французской армии. Данное событие необходимо рассматривать в неразрывной связи с историческим контекстом: во французском обществе после поражения во франко-пруссской войне 1870–1871 гг., в условиях формирования новых экономических отношений на рубеже веков, притока иммигрантов стали усиливаться шовинистические, националистические и антисемитские настроения. Несмотря на явную сфабрикованность дела, военные суды сознательно хотели обвинить Дрейфуса, который, по их мнению, как еврей, не мог принадлежать к военной элите Франции, состоявшей из аристократов и монархистов. После широкой огласки и дискуссии сторонников приговора и защитников Дрейфуса, в которую включились пресса и интеллектуалы Франции, дело из сферы юриспруденции перешло в политическую сферу. После обличающей французский генералитет публикации известного писателя Эмиля Золя «Я обвиняю» арест и заключение Дрейфуса раскололи страну на дрейфусаров и антидрейфусаров. С целью сохранить авторитет французской армии инициируются процессы против Золя и майора Пикара, который установил, что автор записки — другой военный, Фердинанд Эстерхази. После признания в подлоге улик и самоубийства полковника Анри суд при пересмотре дела в Ренне признал Дрефуса виновным «со смягчающими обстоятельствами» и изменил приговор на 10 лет заключения. Позже капитан Дрефус согласился на помилование президентом Республики, несмотря на то что его сторонники добивались полного оправдания. Окончательная реабилитация Дрейфуса произошла только в 1906 г. Дело Дрейфуса значительно повлияло на политическую и правовую жизнь Франции и укрепление республиканской системы.

**Ключевые слова:** дело Дрейфуса; антисемитизм; национализм; правосудие; справедливость; пресса; шовинизм; приговор; реабилитация; судебный процесс.

## THE DREYFUS AFFAIR IN FRANCE: A HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Vladimir E. Gusev,

Cand. Sci. (History), Lecturer, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation  
[politistorik@yandex.ru](mailto:politistorik@yandex.ru)

**Abstract.** The paper elucidates the relationship between the political, legal and social foundations of the Dreyfus affair (France, 1894–1906), when the captain of the French army, Alfred Dreyfus, was accused of spying for Germany on falsified documents with a number of procedural violations for the sake of one goal — to sentence a Jew serving in the general staff of the French army. This event must be viewed in an inextricable connection with the historical context: in French society after the defeat in the Franco-Prussian war of 1870–1871, in the context of the formation of new economic relations at the turn of the century, the influx of immigrants began to intensify chauvinistic, nationalist and anti-Semitic sentiments. Despite the obvious fabrication of the case, military judges deliberately wanted to accuse Dreyfus, who, in their opinion, as a Jew, could not belong to the military elite of France, consisting of aristocrats and monarchists. After widespread publicity and discussion by supporters of the verdict and defenders of Dreyfus, which included the press and intellectuals of France, the case moved from the sphere of jurisprudence to the political sphere. After the publication of the famous writer Emile Zola, «I Blame», denouncing the French generals, the arrest and imprisonment of Dreyfus split the country into dreyfusars and anti-dreyfusars. In order to preserve the authority of the French army, trials are initiated against Zola and Major Picard, who established that the author of the note is another military man, Ferdinand Esterhazy. After admitting to forgery of evidence and the suicide of Colonel Henri, the court at the review of the case in Rennes found Drefus guilty «with mitigating circumstances» and changed the sentence to 10 years in prison. Captain Drefus later agreed to a pardon by the President of the Republic, despite the fact that his supporters sought a complete acquittal. The final rehabilitation of Dreyfus occurred only in 1906. The Dreyfus Affair significantly influenced the political and legal life of France and the strengthening of the republican system.

**Keywords:** Dreyfus affair; anti-Semitism; nationalism; justice; fairness; press; chauvinism; sentence; rehabilitation; lawsuit.

Дело Дрейфуса — судебный процесс над капитаном французской армии Альфредом Дрейфусом, ассилированным евреем, не только разделил французскую общественность на противоборствующие лагеря сторонников невиновности — дрейфусаров и сторонников виновности — антидрейфусаров, но и вызвал полемику среди интеллектуальной общественности в ряде других стран, в том числе и России. Высокое общественное внимание к этому беспрецедентному процессу было вызвано не только юридическими аспектами, сколько политическими, в центре которых стояла национальная принадлежность Альфреда Дрейфуса.

Примечательно, что личность самого Дрейфуса не является ключевой фигурой в страстиах, захлестнувших Францию, патриотом которой он являлся и оставался до последнего. «Маленький человек» стал жертвой столкновения старой и новой Франции и умонастроений французов в социально-политических трансформациях на рубеже веков. Всплеск антисемитизма во Франции произошел задолго до дела Дрейфуса, подготовив для него питательную почву.

После поражения во франко-пруссской войне 1871 г. во Франции наблюдался рост патриотических настроений, сопровождавшийся поиском виновных. На рост

французского антисемитизма также оказало влияние увеличение иммиграционной активности в 1880-е гг. Еврейская миграция происходила большей частью из России и Румынии. На евреев-иммигрантов часто смотрели как на носителей революционных и анархистских идей. На фоне ранее ассимилировавшихся «израэлитов» — французов еврейского происхождения, новоприбывшие отвергали любую эмансипацию, создавая свои организации. В 1886 г. вышла книга Эдмона Дрюиона «Еврейская Франция», разошедшаяся огромными тиражами и быстро овладевшая умами французов, в которой автор осуждал «засилье» евреев в политической, экономической и культурной жизни страны. Таким образом, реваншистские настроения многих французов, соединялись с антисемитизмом, результатом чего стал облик еврея как шпиона Германии и тайного врага Франции.

В конце XIX в. также были приняты принудительные секулярные меры, отделившие католическую религию от образования, что также сыграло значимую роль в расколе национального сознания, вызванного делом Дрейфуса.

Таким образом, сложение ряда факторов социально-экономического, военного, миграционного, идеологического и религиозного характера подготовили форму, которая по прошествии лет наполнилась содержанием — делом Дрейфуса. Основной уликой дела является собой порванная и восстановленная французскими службами записка, названная «бордеро», похищенная в посольстве Германии, в которой содержала описание разведывательных данных о новейшем французском вооружении, новшествах в артиллерии и стратегических планах на имя немецкого военного атташе в Париже. Отделение разведки под руководством Юбера-Жозефа Анри, пришло к выводу, что эту записку написал офицер-стажер Дрейфус несмотря на то, что стажеров генштаба было семь офицеров. Альфред Дрейфус — единственный еврей в генеральном штабе, что послужило убежденности последних в его виновности. Первый специалист-графолог Гобер пришел к выводу, что несмотря на сходство почерка, Дрейфус, скорее всего, не является автором записки. Естественно, руководство генштаба такое колебание не устроило, и они пригласили эксперта французской полиции. А Бертильона, отличавшегося антисемитскими взглядами, который моментально установил, что автор бордеро сам Дрейфус, изменивший почерк, чтобы на него не пали подозрения.

Военный министр Мерсье решительно высказался о немедленном аресте подозреваемого. Дрейфуса арестовали и поместили в тюрьму Шерш-Миди. Еще до суда Мерсье высказывался о виновности Дрейфуса в интервью газете «Ле Фигаро». По словам историка Леонида Прайсмана, «суд еще не состоялся, и такое заявление беспрецедентно. Офицеры военного суда должны были воспринять его как приказ». Суд проходил при закрытых дверях, в процессе ни одной прямой улики причастности Дрейфуса к шпионажу приведено не было. Напротив, все сводилось к косвенным доказательствам, таким как «хорошее знание немецкого языка, гибкий ум и т.д. Бордеро оставил единственной, но недостаточной уликой, позволяющей обвинить Дрейфуса в государственной измене, поэтому Анри изготовил фальшивый документ от имени письма военного атташе Германии, в которой он приводит информацию «этого каналья Д.», в котором он собственноручно переделал «Р» на «Д», чтобы документ указывал на Дрейфуса. В результате Дрейфус был признан виновным и приговорен военным судом к пожизненному заключению. Дрейфус впоследствии вспоминал: «Я подписал просьбу о пересмотре дела военным ревизионным судом без всякой надежды. Лишь в случае какого-либо нарушения форм судопроизводства возможен был вообще пересмотр дела этой инструкции, но я тогда не знал еще, что осуждение состоялось с нарушением требований закона»<sup>1</sup>.

5 января 1895 г. прошла церемония разжалования Дрейфуса на плацу. Над его головой сломали шпагу и сорвали знаки отличия, наблюдавшие зеваки кричали антисемитские оскорблении. В этих условиях Дрейфус поднял руку и крикнул: «Клянусь вам, вы лишаете чести невиновного человека!». После суда и разжалования Дрейфус

<sup>1</sup> Дрейфус А. Пять лет моей жизни 1894–1899 гг. Одесса : Типография Исакович и Бейленсон, 1901. С. 14.

был отправлен на пожизненное заключение на остров Дьявола во Французской Гвиане, где он содержался в хижине в тяжелых условиях.

Французский историк Пьер Гиллен отмечает, что «дело Дрейфуса обновило формы и практики политической жизни французов, выдернуло их за пределы привычной политической жизни прессой, лигами, синдикатами и различными ассоциациями. Пресса утвердила себя в качестве новой силы, с одной стороны, начав кампании в поддержку или обсуждении властей в общественном мнении, с другой — внедряя в свой словарь темы, лозунги и стереотипы, выработанные в обоих лагерях»<sup>2</sup>. В центре противостояния лежали национальность Дрейфуса и убежденность в неколебимости авторитета французской армии, военные судьи которой не могли быть неправыми. Любое свидетельство, которое могло явиться основанием пересмотра дела, бросало бы тень на армию, что было бы недопустимо в условиях патриотического подъема. Это, в свою очередь, привело к стереотипу, что истинные патриоты Франции — антидрейфусары, а сторонники Дрейфуса действуют против интересов своего государства, представляют вражескую иностранную партию. Помимо национального и военного фактора, еще одним мировоззренческим фоном, явилось столкновение военно-клерикальных воззрений недавнего прошлого и светской современности, что отразилось в представлении свой — чужой.

Уже после ареста Дрейфуса, французская пресса широко раздула эту новость. Имя капитана-еврея, незнакомого французскому обществу до того времени, стало широко известным и обсуждаемым. По словам Фабриса Кэна, «несмотря на успокаивающие заявления Военного министерства, длительность следствия начинает становиться попросту неловкой. А пресса продолжает свою кампанию: доказательства вроде бы говорят сами за себя, так почему не приговорить «еврея»? Да и военный министр, не является ли и он сообщником?»<sup>3</sup>.

Первоначально даже сомневающиеся в виновности Дрейфуса, большей частью, хранили молчание, чтобы не быть обвиненными в поддержке изменника и верили в приговор военного суда. Публичная пресса раздула антисемитскую кампанию на фоне дела Дрейфуса, и даже в политических кругах боялись дать повод подозрениям в связях с евреями.

В июле 1895 г. на должность начальника секции статистики генштаба пришел подполковник Жорж Пикар. В ходе служебной работы он знакомится с делом Дрейфуса и приходит к выводу о неубедительности улик против Дрейфуса, и, что автором бордера является майор Фердинанд Эстерхази. Генералы, взволнованные, что при пересмотре дела, будет потерян авторитет армии и ее высшего начальства, стараются убедить Пикара хранить молчание и создают новую фальшивую записку, якобы от германского атташе Шварцкоппена своему итальянскому коллеге, незамедлительно опубликованную в прессе: «Решительно, эта скотина Дрейфус становится слишком требовательным»<sup>4</sup>. Даже неискушенному в шпионских делах становилось ясно, что опытный дипломат никак не мог полностью упомянуть фамилию своего агента полностью. Кроме того, в статье «Изменник» газеты «Л'Эклер», говорилось, что этот документ был настолько секретным, что был передан судьям прямо из военного совета без ознакомления с ним адвоката и самого подсудимого. На основании этого грубого нарушения процессуальных норм, следующего из содержания статьи, сторонники Дрейфуса выступили с ходатайством за пересмотр дела. Майор Анри создает еще одну фальшивку, якобы письмо итальянского военного атташе во Франции Паниццарди германскому коллеге, подписанное «Александрина», в котором, дескать, итальянец сообщает, что будет отрицать связи с Дрейфусом, и просил Шварцкоппена занять такую же позицию.

<sup>2</sup> Guillen P. La vie politique française après l'Affaire // Dictionnaire sous la direction de Michel Drouin. L'Affaire Dreyfus. Paris : Flammarion, 2006. P. 612–613.

<sup>3</sup> Кэн Ф. Дело Дрейфуса // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 3 (142). С. 39.

<sup>4</sup> Прайсман Л. Дело Дрейфуса. СПб. : Нестор-история, 2020. С. 69.

Естественно, обо всех этих событиях, развернувшихся вокруг его имени, не знал сам Дрейфус, томившийся в заточении на острове Дьявола. Как он сам впоследствии писал в своих воспоминаниях, «события, произошедшие во Франции непосредственно после процесса 1894 г. и в следующие годы, оставались для меня вплоть до процесса в Ренне совершенно неизвестными»<sup>5</sup>.

После доклада Пикара о свидетельствах невиновности Дрейфуса, полковника уволили из генштаба и перевели служить в Тунис. В 1897 г. Пикар, который особой симпатии к Дрейфусу не питал, начинает собирать доказательства его невиновности, исходя из своих представлений о справедливости и порядочности. Мы можем согласиться с Е. Трейвусом, что «клерикал и антисемит, каким считали Пикара, оказался честным человеком, единственным из влиятельных военных, правильно понимавшим свой долг, убежденным, что должен быть разоблачен подлинный шпион»<sup>6</sup>.

Появляются новые свидетельства: у Дрейфуса не было редкой бумаги пелллюр, на которой написано бордеро. Такая бумага была найдена среди писем Эстерхази. Кроме того, было подмечено его повышенный интерес к артиллерии и ее материальной стороне. Сам Эстерхази в смятении совершил визит к своему немецкому куратору Шварцкоппену, безнадежно уговаривая его дать заявление, что имеет связи с Дрейфусом. Этот визит также не остался незамеченным.

13 января 1898 г. в газете «Л'Опор» появляется открытое письмо президенту Франции самого знаменитого писателя в то время Эмиля Золя «Я обвиняю», в которой он назвал оправдание Эстерхази военным судом пощечиной любой правде, всякой справедливости»<sup>7</sup>. В письме он обвинил военное министерство и видных генералов в сокрытии доказательств невиновности Дрейфуса, в пристрастном необъективном следствии. В письме Золя обвинял экспертов за лживые отчеты и выразил готовность самому предстать перед судом. Именно с этого момента в противостояние дрейфусаров и антидрейфусаров включается интеллектуальная элита. За это резонансное письмо Золя был осужден за клевету, приговорен к году тюрьмы и большому денежному штрафу, но до ареста успел покинуть Францию. Пикар, перед процессом Золя, был за разглашение военной тайны уволен из армии и два месяца провел в тюрьме.

Новый военный министр Кавеняк инициирует новое расследование. Один из его сотрудников, капитан Кюинье, несмотря на то что был настроен против Дрейфуса, заметил, что донесение, подписанное «Александрин», склеено из бумаг разных цветов. Другим цветом отличался фрагмент, на котором было написано имя Дрейфуса, что свидетельствовало о том, что нужный отрывок текста был вклеен в разрезанный документ. К тому же экспертиза показала, что этот фрагмент был написан на бумаге, которая использовалась в военном министерстве. Министр тут же вызвал Анри, который поначалу все отрицал, но затем признался, что именно он изготавливал эту фальшивку. Он был немедленно арестован и на следующий день совершил самоубийство в тюремной камере.

К 1899 г. мнение французов о Дрейфусе существенно изменилось. В июне было принято решение о возвращении узника во Францию и нового суда над ним. Основную роль в защите Дрейфуса играл адвокат Лабори, яро ненавидимый французскими националистами, в отношении которого было совершено покушение. Автор «Очерков современной Франции» Н. Е. Кудрин отзывался о защитнике: «Я смотрел на гиганта в черной мантии, который своими вопросами наносил один за другим страшные удары коалиции официальных лжецов. Пока тот один, то другой... клеветали на Дрейфуса, его защитник, наклоняясь своим могучим корпусом над пюпитром, громадными буквами лихорадочно набрасывал на листе бумаги план вопросов... И вот, когда словесная помойная труба на время переставала извергать на подсудимого потоки грязи, Лабори поднимался во всем своем величии и... метал вопрос за вопросом в сторону председателя, иронически-почтительно прося его поставить их тому или

<sup>5</sup> Дрейфус А. Пять лет моей жизни 1894–1899 гг. С. 1.

<sup>6</sup> Трейвус Е. Еще раз о деле Дрейфуса // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 199.

<sup>7</sup> Прайсман Л. Дело Дрейфуса. СПб.: Нестор-история, 2020. С. 69. С. 84.

иному свидетелю для разъяснения»<sup>8</sup>. Также большую роль в защите Дрейфуса играл недавно освободившийся из тюрьмы Пикар, в качестве свидетеля. Суд в Ренне снова признал Дрейфуса виновным, но на этот раз «со смягчающими обстоятельствами» и вынес новый приговор — 10 лет тюрьмы. Через несколько дней президент Франции Лубе помиловал Дрейфуса, но не была произведена полная реабилитация. Дрейфуса освободил не закон и доказательства невиновности, а волевоеластное решение. После амнистии Дрейфуса, за которую проголосовал парламент, 12 июля 1906 г. Кассационный суд отменил приговор Реннского суда, указав в решении, что он является «ошибочным и несправедливым»<sup>9</sup>.

Дело Дрейфуса, начавшееся как исключительно юридическое, приобрело политический характер после того, его взяли на вооружение интеллектуалы Франции и пресса. Парадоксально, что в своем деле, Дрейфус является лишь жертвой, в то время как «полем боя» стала Франция, а ключевыми участниками представители военной и интеллектуальной элиты. Несмотря на свою завершенность де-юре и явную победу дрейфусаров, дело Дрейфуса еще десятилетия оказывало воздействие на умонастроения французов и явилось отголоском в событиях режима Виши 1940–1944 гг. В то же время оно привлекло внимание общественности Франции и ряда стран к проблеме справедливости, независимости суда и прав человека.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дрейфус А. Пять лет моей жизни 1894–1899 гг. — Одесса : Типография Исакович и Бейленсон, 1901. — 184 с.
2. Кудрин Н. Очерки современной Франции. — М. : Книга по требованию, 2014. — 620 с.
3. Кэн Ф. Дело Дрейфуса // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2014. — № 3 (142). — С. 36–41.
4. Кэн Ф. Дело Дрейфуса (окончание статьи) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2014. — № 4 (143). — С. 40–44.
5. Прайсман Л. Дело Дрейфуса. — СПб. : Нестор-история, 2020. — 175 с.
6. Трейвус Е. Еще раз о деле Дрейфуса // Новая и новейшая история. — 2008. — № 4. — С. 198–200.
7. Guillen P. La vie politique française après l’Affaire // Dictionnaire sous la direction de Michel Drouin. L’Affaire Dreyfus. — Paris : Flammarion, 2006. — 759 p.

## REFERENCES

1. Dreyfus A. Five years of my life 1894–1899. Odessa: Isakovich and Bailenson Publ.; 1901. (In Russ.).
2. Kudrin N. Essays on modern France. Moscow: Book on demand Publ.; 2014. (In Russ.).
3. Ken F. Dreyfus case. *Vedomosti of the Penal System*. 2014;3(142):36-41. (In Russ.).
4. Ken F. Dreyfus case (end of article ). *Vedomosti of the Penal System*. 2014;4(143):40-44.
5. Praisman L. Dreyfus affair. St. Petersburg: Nestor History Publ.; 2020. (In Russ.).
6. Treivus E. Once again about the Dreyfus affair. *New and Recent History*. 2008;4:198-200. (In Russ.).
7. Guillen P. La vie politique française après l’Affaire. Dictionnaire sous la direction de Michel Drouin. L’Affaire Dreyfus. Paris: Flammarion; 2006. (In French).

<sup>8</sup> Кудрин Н. Очерки современной Франции. М. : Книга по требованию, 2014. С. 483–484.

<sup>9</sup> Кэн Ф. Дело Дрейфуса (окончание статьи) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2014. № 4 (143). С. 44.

# ГАНЗЕЙСКОЕ ПРАВО В НОВГОРОДЕ И БРЮГГЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УСТАВОВ ГАНЗЕЙСКИХ КОНТОР

МИР

Васильев Григорий Максимович,  
студент Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)  
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9  
[vasilyev.gr@gmail.com](mailto:vasilyev.gr@gmail.com)

© Васильев Г. М., 2025

**Аннотация.** В статье представлен сравнительный анализ правовых основ управления конторами Ганзейского союза — Новгородской (на материале сохранившейся редакции ее устава) и Брюггской (на основе Устава 1347 г.). Исследование фокусируется на выявлении механизмов адаптации единых принципов Ганзы к кардинально различающимся правовым и политическим контекстам на восточной (Новгород) и западной (Брюгге) перифериях союза. Автор полагает, что, несмотря на общую основу в лице Любекского городского права, управлеческие модели контор развивались по разным траекториям. В Новгороде, где поддержание экстерриториального статуса требовалось в условиях чуждой правовой среды, сформировалась жестко централизованная система с единоличным старостой, назначаемым из метрополии (Любек/Готланд). Этот староста концентрировал в своих руках исключительные административные и судебные полномочия, включая применение архаичных санкций по принципу талиона («жизнь за жизнь», «рука за рану»), вероятно заимствованных из местной традиции, а также строгий контроль за хранением торговых грамот и разрешением споров перед отъездом купцов. Санкции за нарушения были преимущественно высокими денежными штрафами и лишением торговых прав. В Брюгге, взаимодействуя с городскими институтами Фландрии, Ганза реализовала сложную коллегиальную модель. Купечество делилось на территориальные «трети», каждая из которых ежегодно избирала старшин. Коллегия из шести старшин управляла конторой, принимая решения большинством голосов как внутри себя, так и между третями, при детальной регламентации процедур собраний и судопроизводства, включая штрафы за опоздания или нарушение порядка. Для оперативных решений формировался расширенный совет. Автор полагает, что Ганза создала уникальный прецедент гармонизации разнородных правовых традиций («единство в многообразии») в рамках единого экономического пространства. Исторический опыт адаптации моделей управления к локальным условиям, основанный на гибкости и корпоративной солидарности, имеет большое значение для понимания эволюции международного торгового права и остается актуальным для современной транснациональной интеграции.

**Ключевые слова:** Ганзейский союз; Новгородский устав; Брюггский устав; Любекское право; ганзейские конторы; управление конторой; правовая адаптация; административное устройство; сравнительно-правовой анализ; санкции в ганзейском праве.

## HANSEATIC LAW IN NOVGOROD AND BRUGES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE STATUTES OF HANSEATIC OFFICES

Grigoriy M. Vasilyev,

Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation

[vasilyev.gr@gmail.com](mailto:vasilyev.gr@gmail.com)

**Abstract.** The article presents a comparative analysis of the legal foundations of the management of the offices of the Hanseatic League — Novgorod (based on the material of the surviving edition of its charter) and Bruges (based on the Charter of 1347). The study focuses on identifying mechanisms for adapting the unified principles of the Hansa to radically different legal and political contexts in the eastern (Novgorod) and western (Bruges) peripheries of the union. The author believes that, despite the general basis in the person of Lübeck city law, the management models of offices developed along different trajectories. In Novgorod, where maintaining extraterritorial status was required in an alien legal environment, a rigidly centralized system was formed with a sole headman appointed from the metropolis (Lubeck/Gotland). This headman concentrated in his hands exclusive administrative and judicial powers, including the application of archaic talion sanctions («life for life», «hand for wound»), probably borrowed from the local tradition, as well as strict control over the storage of trade letters and the resolution of disputes before the merchants left. Sanctions for violations were predominantly high monetary fines and deprivation of trade rights. In Bruges, interacting with the urban institutions of Flanders, the Hansa implemented a complex collegial model. The merchants were divided into territorial «thirds», each of which annually elected foremen. A panel of six foremen managed the office, making decisions by a majority vote both within itself and between thirds, with detailed regulation of the procedures of meetings and legal proceedings, including fines for delays or violation of order. For operational decisions, an expanded council was formed. The author believes that Hansa has created a unique precedent for harmonizing diverse legal traditions («unity in diversity») within a single economic space. The historical experience of adapting management models to local conditions, based on flexibility and corporate solidarity, is of great importance for understanding the evolution of international trade law and remains relevant to modern transnational integration.

**Keywords:** Hanseatic League; Novgorod Charter; Bruges Charter; Lübeck Law; Hanseatic offices; office management; legal adaptation; administrative structure; comparative legal analysis; sanctions in Hanseatic law.

В истории европейского права феномен Ганзейского союза (XIII–XVII вв.) занимает особое место как уникальный пример транснациональной правовой системы, возникшей на стыке торговли, политики и культуры. Современные исследователи, например, Юстина Вубс-Мрзоевич, определяют Ганзу прежде всего не как жесткий политический союз или гильдию, а как гибкое «сообщество интересов» и сеть равных партнеров, объединенных общей целью — защитой торговых привилегий и своих купцов за границей<sup>1</sup>. Объединив более 200 городов от Брюгге до Новгорода, Ганза не только сформировала экономический каркас Северной Европы, но и создала комплекс правовых норм, регулировавших взаимоотношения между городами-членами, их гражданами и иностранными купцами. Это право стало не просто инструментом решения споров — оно превратилось в механизм интеграции разнородных правовых традиций в единое пространство «ганзейской законности», адаптируясь к локальным условиям. Так, уставы ключевых контор —

<sup>1</sup> Wubs-Mrozewicz J. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe: An Introduction // The Hanse in Medieval and Early Modern Europe. Leiden : Brill, 2025. P. 6.

Новгородской и Брюгской — демонстрируют, как единые принципы Ганзы воплощались в различных правовых и управленческих моделях, отражая специфику взаимодействия с местными властями и культурными традициями.

Формально единой правовой системы Ганзейский союз не имел, однако в качестве основы для своего права многие города по всему побережью Балтийского моря взяли Любекское городское право, которое дополнялось местными нормами. Если Новгородский устав сохранился как один из немногих полных памятников Любекского права, то Брюгский устав 1347 г., регулировавший деятельность ганзейской конторы в западной Европе, представляет собой не менее ценный источник для понимания эволюции ганзейских институтов. Сравнительный анализ этих документов раскрывает, как Ганза балансировала между унификацией торговых правил и необходимостью учитывать политico-правовые реалии регионов — от жесткой централизации власти в Новгороде до коллегиального управления в Брюгге. Изучение обоих уставов позволяет проследить, как транснациональное объединение решало дилемму единства и многообразия, оставаясь гибким в условиях средневековой Европы.

Объектом исследования этой статьи стала четвертая Новгородская редакция устава, так как согласно ст. 117 этого же устава, текста предыдущих редакций были испорчены: «...Тогда церковь в Новгороде была закрыта, и купцы оттуда уехали, взяв с собой ценности св. Петра: его ризы, книги, грамоты и старую скру: купцы передали это имущество послам в Дерпте. Тут послы обнаружили в скре, что там некоторые страницы вырезаны, а на некоторых записях был надписан новый текст...»<sup>2</sup>

Сам устав представляет собой свод из 119 статей. Несмотря на содержательную ценность, устав демонстрирует композиционную фрагментарность: предписания процессуального, уголовного и торгового права перемежаются вне логической последовательности, следуя, вероятно, хронологии внесения правок, а не системному замыслу.

Как уже было упомянуто, большая часть положений посвящена вопросам торговых отношений и внутреннего распорядка конторы, хотя отдельные положения представляют собой нормы уголовного права, уголовного процесса, а также предписания, направленные на устранение торговой конкуренции Ганзейцев. Новгородская скра (название данного документа из ст. 117) изобилует санкциями за нарушение не только предписаний торгового или уголовного характера, но, например, и за нарушение правил хранения товаров. Основным видом наказания выступали большие, от одной до пятидесяти марок, штрафы. В существенные штрафы играли весомую роль в предотвращении конфликтов — убытки от них превышали потенциальную выгоду от правонарушения.

В качестве примера можно привести ст. 20: «Далее, если какой-нибудь человек, кто бы он ни был, оскорбит какими-либо словами старосту св. Петра или помощников, когда отсутствует староста двора, тот должен заплатить 10 марок штрафа, от чего освобождения нет»<sup>3</sup>. Статья 20 демонстрирует характерную казуистичность средневекового права: вместо общего запрета оскорблений она детально прописывает конкретную ситуацию (оскорбление помощников в отсутствие старосты), форму оскорбления (словесную) и фиксированный размер штрафа без возможности освобождения. Эта гиперконкретность, типичная для архаичных правовых систем, отражает стремление предусмотреть все возможные казусы и исключить судейское усмотрение.

Помимо штрафов, за нарушение торговых предписаний также применялись такие санкции, как конфискация товара и лишение торговых привилегий (в тексте — лишение прав двора). Примером таких санкций может послужить статья 72: «Далее, кто хочет пользоваться правами двора св. Петра, не должен объединяться в компанию с фламандцами и с подобными людьми, которые не имеют прав ганзейских купцов

<sup>2</sup> Рыбина Е. А. Иноzemные дворы в Новгороде XII–XVII вв. М. : Изд-во Московского университета, 1986. С. 167.

<sup>3</sup> Рыбина Е. А. Иноzemные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 144.

и привозить в эту страну их товар под угрозой штрафа в 50 марок и лишения прав двора»<sup>4</sup>. Штраф в 50 марок примечателен тем, что является самым высоким среди всех видов штрафов, перечисленных в уставе, что отражает жесткие меры Ганзы по борьбе с конкуренцией. Также достойно упоминания и лишение прав двора: это не просто наказание, а гражданская смерть в рамках ганзейской общины. Купец, наказанный таким образом, теряет доступ к торговым привилегиям и защите. Помимо того, что эта статья содержит последствия за нарушение предписаний в сфере торговли, она также отражает стремление ганзейских купцов монополизировать торговлю в пределах своих владений, посредством жестких санкций по отношению к неганзейским купцам и их партнерам.

Кроме этого, устав Новгородской конторы содержал и положения уголовного права, закрепленные, например, в ст. 78: «Далее, староста двора имеет право присуждать как к телесным наказаниям, так и к смертной казни; если кто-нибудь нанесет другому смертельную рану ножом, тот потерял и свою жизнь: если кто-нибудь умышленно ранит другого, тот лишается и руки»<sup>5</sup>. Приведенная статья устава Новгородской конторы, устанавливающая принцип «смерть за смерть» и «рука за рану», является прямым отражением архаичного принципа талиона.

Примечательно то, что данный принцип отсутствует в уставах западных контор (например, Брюггском), но «зеркалит» статью 1 пространной редакции Русской Правды: «Если убьет муж мужа, то мстить брату за брата, или отцу, или сыну, или двоюродному брату, или сыну брата...»<sup>6</sup>. Из этого можно сделать вывод, что этот принцип может являться примером адаптации ганзейского права к местной традиции. Это заимствование выглядит особенно логичным на фоне архаичных элементов, таких как «поле» сохранившихся в достаточно сложной, но чуждой для ганзейцев правовой системе Новгорода<sup>7</sup>. Важно отметить, что правовая адаптация в Новгородской конторе носила взаимный характер. Помимо заимствования норм из местной среды (как в случае с талионом), Новгородская скра, будучи ключевым документом, регулирующим статус иностранного купечества, оказала значительное влияние и на русские источники, определявшие правовое положение иностранцев в Новгороде, как отмечает в статье Н. И. Назаренко<sup>8</sup>. Кроме того, эта статья указывает на роль старосты как верховного арбитра во всех делах конторы, что также подтверждается содержанием ст. 82: «Далее, если возникнет раздор здесь в Новгороде между двумя купцами, они не могут уехать из Новгорода, не прияя к соглашению, поскольку им это не разрешили староста двора или старосты св. Петра, иначе они лишаются прав двора: если кто имел раздор и не заявил старостам об этом, тот платит штраф в 10 марок»<sup>9</sup>.

Эта статья не только подчеркивает абсолютную власть старосты как верховного арбитра в делах конторы, но и его дипломатическую функцию. Обязательное разрешение споров внутри ганзейской общины под контролем старосты до отъезда из города было критически важно для предотвращения эскалации конфликтов вовне, с новгородскими властями. Согласно учебнику по истории государства и права России за авторством профессора Игоря Андреевича Исаева, споры между новгородскими и иноземными купцами формально должны были разбираться тысячцким с участием

<sup>4</sup> Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 152.

<sup>5</sup> Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 154.

<sup>6</sup> Русская Правда (Пространная редакция) // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М. : Юрид. лит., 1984. Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин. С. 64–80.

<sup>7</sup> Исаев И. А. История государства и права России : учебник. М. : Норма, 2022. Ч. 1 : Формирование и развитие отечественного государства и права в IX–XVII вв. С. 126.

<sup>8</sup> Назаренко Н. И. Ганза как европейский торговый контрагент Великого Новгорода в XII–XVII вв. (историко-правовое исследование) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2015. № 3 (38). С. 30.

<sup>9</sup> Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 154.

посадника<sup>10</sup>. Однако ганзейский устав, судя по ст. 82, стремился полностью исключить необходимость обращения к этому внешнему, сложному и потенциально неблагоприятному для Ганзы механизму, замыкая все внутренние конфликты в рамках юрисдикции старосты конторы.

В обязанности старосты также входит сохранение «привилегий и посланий» — юридической основы существования конторы. Это превращает его в главного гаранта легитимности Ганзы в Новгороде, поскольку привилегии (жалованные грамоты) подтверждали экстерриториальный статус и торговые льготы. Это подтверждается содержанием 116 статьи: «Далее, тому, кто будет избран старостой св. Петра, следует прочитать вслух эту книгу, прежде чем ему будут вручены ключи, чтобы он знал, чем он может руководствоваться; старосты св. Петра должны также хранить наилучшим образом, как только могут, все привилегии и все послания, которые присылаются купцам в Новгород. Далее, если какая-нибудь из вышеназванных грамот пропадет или будет увезена без разрешения объединенного купечества, то виновный в этом староста должен уплатить штраф в 50 марок и лишиться прав двора»<sup>11</sup>.

Интересен также и тот факт, что данный устав закрепляет положение города Любека как главенствующего, или по крайней мере одного из самых важных городов Ганзейского союза. Об этом говорит тот факт, что староста Новгородской конторы должен был быть прислан либо из Любека, либо из Готланда, что подтверждается содержанием ст. 67: «Далее, когда староста двора отсутствует, то нужно прислать из городов людей, чтобы они избрали старосту св. Петра из купцов Любека и Готланда; если таковых здесь не окажется, то нужно избирать людей которые были бы на это пригодны, до того времени, когда приедет кто-нибудь из Любека или с Готланда; равным образом нужно избирать помощников старосты двора»<sup>12</sup>.

Статья устанавливает иерархический механизм управления в конторе, подчеркивая доминирующую роль Любека и Готланда в структуре власти. В отсутствие старосты двора выбор заменяющих лиц строго регламентирован: приоритет отдается купцам из Любека и Готланда, что указывает на их исключительный статус в Ганзейском союзе. Только при отсутствии представителей этих городов допускается временное избрание «пригодных» лиц, но с оговоркой — до прибытия уполномоченных из Любека или Готланда. Это демонстрирует, что Любек сохранял контроль над конторами, обеспечивая преемственность власти через «своих» ставленников.

Рассматривая строгую иерархическую систему Новгородской конторы, где вся полнота власти сосредотачивалась в руках назначаемого из Любека старосты (ст. 67), обладавшего исключительными судебными и административными полномочиями (ст. 78), нельзя не отметить принципиально иную организацию управления в западных ганзейских конторах. Это различие было обусловлено не только географическим фактором, но и особенностями взаимодействия с местными властями. Если в Новгороде, на восточной периферии Ганзы, требовалась жесткая централизация власти для поддержания экстерриториального статуса в условиях чуждой правовой среды и защиты торговой монополии. Эта модель управления, доказавшая свою эффективность в обеспечении внутренней дисциплины, разрешении споров и взаимодействии с местными властями в сложных условиях, была впоследствии признана оптимальной и для других изолированных факторий. Наиболее показательным примером является создание Ганзой Немецкого двора в Бергене (Норвегия) и его организации по образцу Новгородской конторы<sup>13</sup>, что служит ярким подтверждением практической обоснованности выбранного для Новгорода пути. В свою очередь, в западноевропейских центрах, таких как Брюгге, где городские власти имели развитую правовую систему, ганзейские купцы могли позволить себе более сложные и демократичные формы самоуправления. Именно эта разница в политико-правовом контексте объясняет,

<sup>10</sup> Исаев И. А. История государства и права России. Ч. 1. С. 150.

<sup>11</sup> Рыбина Е. А. Иноzemные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 167.

<sup>12</sup> Рыбина Е. А. Иноzemные дворы в Новгороде XII–XVII вв. С. 151.

<sup>13</sup> Подоляк Н. Г. Ганза // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М. : Наука, 2000. Т. 4 : Extra muros: город, общество, государство. С. 130.

почему устав Брюггской конторы 1347 г., сохраняя общие принципы ганзейского права, разработал принципиально иную — коллегиальную — модель управления.

В сравнении с Новгородским уставом, совершенно иной подход к организации управления демонстрирует устав Брюггской конторы 1347 г., где в ст. 1 четко прописано деление купечества на три территориальные трети: «купцы из Любека, вендских и саксонских городов... в одной трети; купцы из Вестфалии и Пруссии... во второй трети; и купцы с Готланда, из Ливонии, Швеции... в последней трети»<sup>14</sup>. Такая система «третей» отсутствует в Новгородском уставе, что позволяет делать выводы о разной природе ганзейского присутствия в городах. Следует также упомянуть, что Ганзейское присутствие легитимизировалось через интеграцию в местное правовое поле. Ганзейцы таким образом могли использовать механизмы локального права для защиты своих привилегий<sup>15</sup>, что ярко контрастирует с новгородской изоляцией, где взаимодействие с местными институтами исключалось.

В отличие от новгородской модели с ее жесткой вертикалью власти, здесь установлена сложная система коллегиального управления, где, согласно ст. 2, каждая из третей ежегодно избирала по два старшины, образуя орган управления из шести человек: «Далее, каждый год, через восемь дней после Троицына дня, надлежит избирать двух старшин от каждой трети, и выбранные должны занять должность или уплатить фунт гроотов в пользу купечества»<sup>16</sup>. Эта норма не только устанавливалась ежегодную ротацию руководства, но и предусматривала существенный штраф за отказ от должности, что обеспечивало стабильность управления.

Статья 3 устава Брюгге демонстрирует продуманный механизм сохранения управляемческой преемственности, устанавливая, что «В случае если кто из старшин уедет, пять оставшихся должны избрать человека из той трети, откуда происходил шестой старшина»<sup>17</sup>. Эта норма обеспечивала оперативное восполнение состава коллегии при сохранении принципа территориального представительства, что было особенно важно для поддержания баланса интересов в крупном торговом центре. В отличие от новгородской системы, где замещение руководства требовало обязательного участия Любека, Брюггский устав допускал локальное решение кадровых вопросов, подчеркивая тем самым автономный статус конторы. Примечательно, что процедура кооптации нового члена коллегии осуществлялась без созыва общего собрания купцов, что свидетельствует о высоком уровне доверия к институту старшин как к профессиональному административному органу. Этот гибкий механизм замещения, сочетавший оперативность принятия решений с сохранением корпоративной ответственности, отражал прагматичный подход Ганзы к управлению в условиях динамичной торговой среды западноевропейских городов.

Эта сложная система представительства получила дальнейшее развитие в детальной регламентации полномочий и процедур управления. Статья 4 устава Брюгге наделяла коллегию старшин широкими административными полномочиями: «Далее, шесть старшин уполномочены повелевать всеми немцами под угрозой штрафа в три гроша, дабы они собирались в установленное время в том месте, где находятся старшины»<sup>18</sup>. Еще более значительные полномочия предоставляла статья 5: «Далее, если вопрос представляет особую срочность, старшины могут отдавать приказы кому хотят, под угрозой таких штрафов, какие они назначат»<sup>19</sup>, что свидетельствует о высокой степени автономии местного управления в экстренных ситуациях.

<sup>14</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 1998. S. 483.

<sup>15</sup> Семенова И. И. Ганзейская торговля в Брюгге в трудах зарубежных историков конца XIX века // Ганзейский союз: от зарождения к возрождению : сборник научных трудов молодых ученых. Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2024. С. 117.

<sup>16</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

<sup>17</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

<sup>18</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

<sup>19</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

Особый интерес представляет разработанный механизм принятия решений. Статья 7 устанавливала четкий принцип разрешения разногласий внутри коллегии старшин: «Далее, если старшины не согласны между собой, меньшинство должно согласиться с решением большинства»<sup>20</sup>. Этот же принцип, согласно ст. 8, распространялся и на взаимоотношения между третями: «Далее, если три трети не могут согласиться между собой, тогда надлежит поступать следующим образом: если две трети согласны, третья треть соглашается с их решением»<sup>21</sup>. Коллегиальная структура принятия решений позволила стать Брюгге дипломатическим узлом в западной Европе. Подтверждением эффективности Брюггской системы может послужить случай, когда король Эдуард IV угрожал отменить привилегии Лондонской конторы. Старшины Брюгге помогли своим коллегам из Англии решить эту проблему, организовав сбор информации от третей, инициировав переписку с Любеком и Данцигом, и даже привлекли короля Польши Казимира IV, чье вмешательство сдвинуло переговоры с Английским монархом<sup>22</sup>.

Статья 9 устава вводит интересный механизм представительства интересов рядовых купцов, устанавливая, что «в вопросах, которые влияют на обыкновенных купцов... мудрейший и самый сведущий из шести старшин становится их глашатаем»<sup>23</sup>. При этом особо оговаривается, что если вопрос касается преимущественно одной из третей, то представителем должен выступать старшина именно из этой группы. Это демонстрирует стремление к балансу между централизованным управлением и учетом специфических интересов разных региональных групп.

Статья 10 дополняет систему управления, предписывая, что «шесть старшин выбирают в день [своего избрания] шестерых советников из каждой трети»<sup>24</sup>. Таким образом формировался расширенный совет из 24 человек (6 старшин и 18 советников), что, согласно ст. 11, позволяло оперативно решать текущие вопросы «без созыва собрания обыкновенных немцев». Эта двухуровневая структура управления обеспечивала как оперативность, так и представительность.

Особое внимание уделялось судебной процедуре. Статья 12 устанавливала строгую дисциплину: «те, кому старшины велят явиться на суд... должны повиноваться под угрозой штрафа»<sup>25</sup>. Размер штрафа дифференцировался — 2 шиллинга в черте города и 5 за его пределами, что учитывало логистические сложности.

Статьи 13–15 детально регламентировали порядок проведения собраний. Статья 13 предписывала строгий временной регламент: если кто-то приходил после начала заседания, когда «старшины начали говорить», он платил штраф в три гроша<sup>26</sup>. Статья 14 устанавливала штраф в грош за нарушение субординации — если кто-то «садится на скамью, когда старшины стоят и говорят» или перебивает выступающего<sup>27</sup>. Статья 15 вводила штраф в пять шиллингов за самовольное открытие двери и три гроша за уход без разрешения, что подчеркивало значение, придававшееся процедурной дисциплине<sup>28</sup>. Такие меры вполне могли являться стратегическим ответом на систематические конфликты с фланандскими властями. Как отмечает Г. Рогге, графы Фланандии неоднократно нарушали ганзейские привилегии, вводя новые

<sup>20</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 483.

<sup>21</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

<sup>22</sup> Ушаков А. В., Цветкова А. С. К проблеме сотрудничества ганзейских контор Лондона и Брюгге в середине XV в. // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура : материалы IX Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск : Удмуртский университет, 2022. С. 17.

<sup>23</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

<sup>24</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

<sup>25</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

<sup>26</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

<sup>27</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

<sup>28</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

пошлины вопреки прежним соглашениям<sup>1</sup>. Штрафы за нарушение субординации обеспечивали стабильное функционирование коллегиальной системы управления конторой, что обеспечивало оперативность и дисциплину при обсуждении подобных кризисов.

Судебные полномочия старшин закреплены в ст. 16: они «уполномочены брать присягу, дабы говорить правду, под угрозой штрафа в один фунт гротов»<sup>2</sup>. Это положение, касающееся допросов, свидетельствует о развитой системе доказательств.

Наконец, статья 17 регулировала судебные издержки: истец «должен вести [дело] за свой счет»<sup>3</sup>, но мог назначить представителя, при этом община обязана была оказывать правовую помощь «в соответствии со своими знаниями и умениями». Это создавало баланс между индивидуальной ответственностью и коллективной поддержкой.

Принципиальные различия между двумя уставами проявляются уже в основах организации управления. Брюггский устав, как следует из его первой и второй статей, создавал сложную систему коллегиального управления через три территориальные трети с ежегодно избираемыми старшинами, где «вышеупомянутое купечество делится на три трети». Эта модель радикально отличалась от новгородской системы, где согласно ст. 67 Новгородского устава устанавливалась жесткая вертикаль власти в лице единоличного старосты, назначаемого непосредственно из Любека или Готланда. Разница в подходах особенно заметна при сравнении полномочий: если в Брюгге «шесть старшин уполномочены повелевать всеми немцами» (ст. 4), то в Новгороде староста обладал исключительными полномочиями, включая даже право вынесения решения о смертной казни, о чем прямо говорится в ст. 78.

Механизмы принятия решений в двух уставах также демонстрируют принципиально разные подходы. Брюггский устав в ст. 7–8 вводил прогрессивную для XIV в. систему принятия решений большинством голосов, где четко прописывалось, что «если старшины не согласны между собой, меньшинство должно согласиться с решением большинства». Этот демократический элемент полностью отсутствовал в Новгородском уставе, где власть старосты была абсолютной, а все спорные вопросы, согласно ст. 82, требовали его обязательного разрешения перед отъездом из города, что создавало совершенно иную динамику управления.

Судебные системы двух контор также развивались в разных направлениях. В Брюгге, как следует из ст. 16, судебные функции распределялись между старшинами, которые проводили допросы под присягой «под угрозой штрафа в один фунт гротов». Новгородский устав в ст. 78 наделял старосту исключительными судебными полномочиями, включая применение архаичного принципа талиона («жизнь за жизнь»), вероятно заимствованного из Русской Правды. Интересно, что в Брюгге, согласно ст. 17, истец сам нес расходы по ведению дела, тогда как в Новгороде весь судебный процесс полностью контролировался старостой, что отражало разные подходы к распределению ответственности.

Отношения с метрополией в двух уставах также строились по-разному. Хотя оба документа подчеркивали особую роль Любека, в Новгороде (ст. 67) это выражалось в прямом назначении руководства из метрополии, тогда как в Брюгге влияние Любека было опосредованным — через венскую треть (ст. 1). При этом Брюггский устав в ст. 11 допускал автономное решение текущих вопросов «без созыва собрания обычновенных немцев», что в условиях новгородской конторы было совершенно невозможно.

Проведенное сравнительное исследование Брюггского и Новгородского уставов Ганзейского союза раскрывает уникальный пример средневекового правового творчества, где в рамках единой торговой системы сформировались две принципиально разные модели управления. Анализ показал, что Брюггский устав 1347 г., с его

<sup>1</sup> Rogge H. Der Stapelzwang des hansischen Kontors zu Brügge im 15. Jahrhundert. Kiel : Druck von P. Peters, 1903. S. 10.

<sup>2</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

<sup>3</sup> Dollinger Ph. Die Hanse. S. 484.

коллегиальной системой старшин, детальной регламентацией процедур (ст. 13–15) и механизмами принятия решений большинством голосов (ст. 7–8), отражал традиции западноевропейского права. В то же время Новгородская Скра, с ее единоличной властью старосты (ст. 67), заимствованием принципа талиона (ст. 78) и отсутствием представительных институтов, демонстрировала высокую адаптивность ганзейского права к условиям русской правовой традиции.

Историко-правовое значение этого феномена трудно переоценить. Ганзейские уставы представляют собой ранний пример успешной гармонизации разнородных правовых систем в рамках единого экономического пространства. Принцип «единство в многообразии», реализованный через дифференциацию управлеченческих моделей при сохранении общих торговых правил и привилегий, предвосхитил современные подходы к регулированию транснациональных объединений. Особенно показательно, что эта система функционировала без жесткой централизованной власти, опираясь преимущественно на договорные механизмы и корпоративную солидарность.

Современное значение исследования ганзейских уставов проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, они предлагают ценный исторический прецедент для осмысления проблем современной международной интеграции, где также приходится балансировать между унификацией права и уважением национальных особенностей. Во-вторых, Брюггская модель коллегиального принятия решений большинством в 2/3 голосов (ст. 7–8) содержит принципы управления и разрешения спорных моментов, применяемые международными организациями до сих пор. Подтверждением тому может быть содержание п. 2 ст. 18 устава ООН, гласящей: «Решения Генеральной Ассамблеи по важным вопросам принимаются большинством в две трети присутствующих и участвующих в голосовании членов Ассамблеи»<sup>4</sup>. В-третьих, новгородский опыт адаптации иностранного права к местным условиям актуален для современных практик интеграции международного права.

Особую важность представляет изучение этих памятников для понимания эволюции международного торгового права. При этом исторический опыт Ганзы демонстрирует, что устойчивость международных объединений зависит не от степени унификации, а от способности создавать гибкие правовые механизмы, учитывающие политические и культурные реалии разных регионов.

Сравнительный анализ Брюгского и Новгородского уставов позволяет по-новому взглянуть на извечную дилемму правового развития — проблему сочетания единства и многообразия, централизации и автономии. Опыт Ганзы, сумевшей на протяжении веков поддерживать стабильность сложной транснациональной системы без жесткой иерархии и принуждения, заслуживает внимания как историков права, так и современных законодателей, разрабатывающих правовые основы международного сотрудничества в условиях глобализации.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Исаев И. А. История государства и права России : учебник. Ч. 1 : Формирование и развитие отечественного государства и права в IX–XVII вв. — М. : Норма, 2022. — 464 с.
2. Назаренко Н. И. Ганза как европейский торговый контрагент Великого Новгорода в XII–XVII вв. (историко-правовое исследование) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2015. — № 3 (38). — С. 27–33.
3. Подоляк Н. Г. Ганза // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 4 : Extra muros: город, общество, государство. — М. : Наука, 2000. — 362 с.
4. Рыбина Е. А. Иноzemные дворы в Новгороде XII–XVII вв. — М. : Изд-во Московского университета, 1986. — 174 с.

<sup>4</sup> Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного Суда. Нью-Йорк : Департамент общественной информации ООН, 2017. С. 8.

5. Семенова И. И. Ганзейская торговля в Брюгге в трудах зарубежных историков конца XIX века // Ганзейский союз: от зарождения к возрождению : сборник научных трудов молодых ученых. — Великий Новгород : Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2024. — С. 114–137.
6. Ушаков А. В., Цветкова А. С. К проблеме сотрудничества ганзейских контор Лондона и Брюгге в середине XV в. // Европа в Средние века и Новое время : Общество. Власть. Культура : материалы IX Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. — Ижевск : Удмуртский университет, 2022. — С. 15–19.
7. Dollinger Ph. Die Hanse. — Stuttgart : Alfred Kröner Verlag, 1998. — 622 S.
8. Rogge H. Der Stapelzwang des hansischen Kontors zu Brügge im 15. Jahrhundert. — Kiel : Druck von P. Peters, 1903. — 64 S.
9. Wubs-Mrozewicz J. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe: An Introduction // The Hanse in Medieval and Early Modern Europe. — Leiden : Brill, 2025. — P. 1–35.

## REFERENCES

1. Isaev IA. History of the State and Law in Russia. Part 1: Formation and development of the Russian State and Law in the 9th–17th centuries. Moscow: Norma Publ.; 2022. (In Russ.).
2. Nazarenko NI. Ganza as a European trading counterpart of Veliky Novgorod in the 12–17th centuries (historical and legal research). *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2015;3(38):27–33. (In Russ.).
3. Podolyak NG. Hanza. In: *Towns in the medieval civilization of Western Europe*. Vol. 4: Extra muros: A city, society, a State. Moscow: Nauka Publ.; 2000. (In Russ.).
4. Rybina EA. Foreign courtyards in Novgorod in 12–17th centuries. Moscow: Moscow State University Publ.; 1986. (In Russ.).
5. Semenova II. Hanseatic trade in Bruges in the works of foreign historians of the late 19th century. In: Hanseatic League: from inception to revival: a collection of scientific works of young scientists. Veliky Novgorod: Yaroslav the Wise Novgorod State University Publ.; 2024. (In Russ.).
6. Ushakov AV, Tsvetkova AS. On the problem of cooperation between the Hanseatic offices of London and Bruges in the middle of the 15th century. In: Europe in the Middle Ages and Modern times: Society. Power. Culture. *Proceedings of the 9th All-Russian, with international participation, scientific conference of young scientists*. Izhevsk: Udmurt University Publ.; 2022. (In Russ.).
7. Dollinger Ph. Die Hanse. Stuttgart: Alfred Kröner Verlag; 1998. (In German).
8. Rogge H. Der Stapelzwang des hansischen Kontors zu Brügge im 15. Jahrhundert. Kiel: Druck von P. Peters Publ.; 1903. (In German).
9. Wubs-Mrozewicz J. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe: An Introduction. The Hanse in Medieval and Early Modern Europe. Leiden: Brill Publ.; 2025.

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.35.3.100-108

# ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ: ГЛОБАЛЬНЫЙ, РЕГИОНАЛЬНЫЙ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ УРОВНИ

МИР

**Пономарева Дарья Владимировна,**

доцент кафедры практической юриспруденции, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра правового обеспечения биоэкономики и генетических технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9

[dvponomareva@msal.ru](mailto:dvponomareva@msal.ru)

© Пономарева Д. В., 2025

**Аннотация.** В статье анализируется система нормативного регулирования, определяющая порядок функционирования сферы народной медицины и взаимодействия ее участников. Исследование направлено на выявление ее ключевых характеристик и особенностей. Внимание уделено изучению международно-правовых основ регулирования деятельности в области народной медицины, включая право интеграционных объединений в указанной области. Автор подчеркивает, что на глобальном уровне основы нормативной регламентации отношений в сфере народной (традиционной) медицины отражены в стратегических документах ВОЗ, которые определяют цели и задачи регулирования, а также ключевые его направления. Широта формулировок в документах ВОЗ предоставляет законодателям государств-членов простор для внедрения собственных подходов к правовому регулированию отношений в этой сфере, очерченных пространными смыслами стратегий и резолюций. На региональном уровне, а также в рамках интеграционных объединений наиболее развитым сегментом нормативного правового регулирования в сфере народной (традиционной) медицины является область обращения традиционных лекарственных средств, в то же время другие аспекты недостаточно урегулированы. С использованием сравнительно-правового анализа был исследован опыт нормативного правового регулирования деятельности в сфере народной медицины в отдельных зарубежных странах, в том числе подходы к определению квалификационных требований к лицам, занимающимся народной медициной, и инструменты контроля за их профессиональной деятельностью. Указано, что Российской Федерации предстоит переосмыслить действующие нормативные положения о народной медицине в контексте инициатив ВОЗ по интеграции традиционной медицины в систему здравоохранения.

**Ключевые слова:** народная медицина; правовое регулирование; международные организации; интеграционные объединения; гармонизация законодательства; механизм контроля; ответственность; право на занятие народной медициной; оздоровительные услуги; требования к квалификации.

**Благодарности.** Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

## LEGAL REGULATION OF RELATIONSHIPS IN THE FIELD OF TRADITIONAL MEDICINE: GLOBAL, REGIONAL, AND NATIONAL LEVELS

**Daria V. Ponomareva,**

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Practical Jurisprudence; Senior Researcher, Scientific and Educational Center for Legal Support of Bioeconomics and Genetic Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation [dvponomareva@msal.ru](mailto:dvponomareva@msal.ru)

**Abstract.** The article analyzes the regulatory system that determines the functioning of the field of traditional medicine and the interaction of its participants. The study aims to identify its key characteristics and features. Attention is paid to the study of the international legal framework for regulating activities in the field of traditional medicine, including the right of integration associations in this area. The author emphasizes that at the global level, the foundations of regulatory regulation of relations in the field of traditional (traditional) medicine are reflected in the strategic documents of WHO, which determine the goals and objectives of regulation, as well as its key areas. The breadth of wording in WHO documents provides legislators of Member States with scope for introducing their own approaches to the legal regulation of relations in this area, outlined by lengthy meanings of strategies and resolutions. At the regional level, as well as within the framework of integration associations, the most developed segment of regulatory legal regulation in the field of traditional (traditional) medicine is the field of circulation of traditional medicines, while other aspects are not sufficiently regulated. Using comparative legal analysis, the experience of regulatory legal regulation of activities in the field of traditional medicine in certain foreign countries was investigated, including approaches to determining qualification requirements for persons engaged in traditional medicine and tools for monitoring their professional activities. It is indicated that the Russian Federation will have to rethink the current regulations on traditional medicine in the context of WHO initiatives to integrate traditional medicine into the health care system.

**Keywords:** traditional medicine; legal regulation; international organizations; integration associations; harmonization of legislation; control mechanism; liability; the right to practice traditional medicine; health services; qualification requirements.

**Acknowledgements.** The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program.

Не секрет, что нетрадиционные методы лечения на протяжении длительного времени пользуются известной популярностью<sup>1</sup>. Знания, продукты и методы, основанные на народной медицине, начали получать международное признание в 1970-х гг. в рамках программы Международного мониторинга лекарственных средств Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)<sup>2</sup>. В настоящее время об использовании народной медицины сообщают около 170 государств, при этом наиболее распространенной практикой является иглоукалывание (113 государств)<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Chapman A. R. A «violations approach» for monitoring the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights // Human Rights Quarterly. 1996. № 18/1. P. 23–66 ; Сингх С., Эрнст Э. Ни кошелька, ни жизни. Нетрадиционная медицина под следствием. М. : ACT, 2017. С. 12.

<sup>2</sup> World Health Organization (WHO), Guidelines on safety monitoring in herbal medicines in pharmacovigilance systems // Official website of World Health Organization (WHO). URL: <https://www.who.int/publications/i/item/9241592214> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>3</sup> World Health Organization (WHO), Traditional medicine // Official website of World Health Organization (WHO). URL: <https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/traditional-medicine> (дата обращения: 30.09.2025).

Многие развитые страны также начали признавать народную медицину и интегрировать ее в свои системы здравоохранения. Именно на этом этапе государства столкнулись с необходимостью определения правовых основ деятельности в области народной (традиционной, альтернативной, интегративной) медицины. В частности, такие правовые основы должны включать условия реализации права на занятие народной медициной, в том числе требования к квалификации лиц, занимающихся нетрадиционными медицинскими практиками, а также механизм контроля за их деятельностью. При этом с учетом тенденции к унификации и гармонизации национальных законодательств в рамках межгосударственных интеграционных объединений, создаваемое нормативное регулирование должно учитывать подходы, принятые на глобальном и региональном уровнях регламентации соответствующих общественных отношений.

Проблематика нормативного правового регулирования деятельности в области народной медицины представляет особый интерес и для Российской Федерации<sup>4</sup>. По данным ВЦИОМ, 32 % граждан Российской Федерации при лечении заболеваний следуют стратегии совмещения официальной и народной медицины<sup>5</sup>. Учитывая участие нашей страны в деятельности Всемирной организации здравоохранения, а также построения единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического союза, крайне важно, чтобы деятельность в области народной медицины находила отражение в национальном российском законодательстве в разрезе подходов ВОЗ, ЕАЭС и других международных организаций с участием России. Статья посвящена сравнительно-правовому анализу основ правового регулирования деятельности в сфере народной медицины. Представленное исследование включает рассмотрение международных и региональных подходов, изучение передового опыта нормативного правового регулирования, накопленного в зарубежных странах, а также анализ действующего российского законодательства с целью выявления проблемных аспектов и формулирования возможных решений.

Как было указано ранее, на глобальном уровне со второй половины двадцатого столетия интерес к нетрадиционным медицинским практикам с точки зрения нормативной регламентации стала проявлять Всемирная организация здравоохранения. В 2014 г. ВОЗ приняла Стратегию в области традиционной медицины, рассчитанную на реализацию вплоть до 2023 г.<sup>6</sup> Данная Стратегия была разработана в ответ на резолюцию ВОЗ о традиционной медицине (WHA62.13)<sup>7</sup> и призвана оказать поддержку государствам-участникам в реализации инициатив и планов, направленных на повышение вклада традиционной медицины в здоровье населения. У данной Стратегии был предшественник — одноименная Стратегия на период с 2002 по 2005 гг.<sup>8</sup>, которая в меньшей степени акцентировала внимание на продукты, методы

<sup>4</sup> Ром Л. Г. Народная медицина и права пациента // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 73–79 ; Хабибова М. М.-Х., Шихалиева Н. М. Правовое регулирование института народной медицины // Право и управление. 2022. № 10. С. 237–240.

<sup>5</sup> «Народная» медицина: за и против (обзор результатов опроса ВЦИОМ об отношении россиян к народной медицине) // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analyticheskii-obzor/narodnaja-medicina-za-i-protiv> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>6</sup> Стратегия в области традиционной медицины, рассчитанную на реализацию вплоть до 2023 года // Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). URL: [https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/92455/9789244506097\\_rus.pdf](https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/92455/9789244506097_rus.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>7</sup> Resolution (WHA62.13) on traditional medicine // Official website of Eurocam. URL: [https://cam-europe.eu/wp-content/uploads/2018/10/WHO\\_resolution\\_WHA62.13 - 2009.pdf](https://cam-europe.eu/wp-content/uploads/2018/10/WHO_resolution_WHA62.13 - 2009.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>8</sup> WHO traditional medicine strategy 2002–2005 // Official website of World Health Organization (WHO). URL: <https://www.who.int/publications/i/item/WHO-EDM-TRM-2002.1> (дата обращения: 30.09.2025).

и специалистов в области традиционной и комплементарной медицины. Рассматриваемый документ имеет принципиальное значение в контексте настоящего исследования, поскольку в нем в качестве обоснования актуальности развития нормативного регулирования в области народной медицины прозвучали такие аргументы, как: возрастающее экономическое значение народной медицины, ее глобальный характер, дифференциация уровней подготовки народных целителей, а также лицензирования и регулирования практики народной и дополнительной медицины, защита права интеллектуальной собственности коренных народов и местных сообществ на медицинское наследие, интеграция народной медицины в систему здравоохранения.

Отдельные аргументы в обоснование актуальности выступают проблемами, которые необходимо решить как на глобальном и региональном, так и на национальном уровнях (например, дифференциация подходов к лицензированию и регулированию практики народной и дополнительной медицины, формирование механизмов защиты прав интеллектуальной собственности коренных народов и местных сообществ). При этом на глобальном уровне осознается необходимость разработки единого терминологического аппарата, что должно способствовать сближению законодательств государств — участников ВОЗ в области народной медицины. ВОЗ инициировала разработку нового стратегического документа, поскольку в 2025 г. завершается период действия предыдущей Стратегии в области традиционной медицины (хотя ее действие было продлено до этого года). В настоящее время ведется работа над проектом Глобальной стратегии по традиционной, комплементарной и интегративной медицине (ТКИМ) на 2025–2034 гг.<sup>9</sup>, целью которой является системное включение признанных традиционных и комплементарных медицинских подходов в сферу охраны здоровья на глобальном уровне. Особенностью данной Стратегии является то, что традиционная (народная) медицина в ней рассматривается как равноправная часть современной системы здравоохранения, отвечающая потребностям населения и дополняющая биомедицинские подходы. Кроме того, в данном документе подчеркивается роль таких инновационных направлений, как биофизика, геномика, биоинформатика и искусственный интеллект для изучения механизмов действия традиционных методов. Предполагается, что имплементация целевых установок Стратегии должна быть осуществлена на уровне отдельных государств.

Интеграционные объединения, будучи частью международного сообщества и находясь под воздействием норм международного права, в своих документах продолжают развивать подходы ВОЗ к регламентации отношений в области народной медицины. Интеграционные объединения, работая над развитием регулирования в области народной медицины, предпочитают концентрироваться на отдельных ее аспектах, не стремясь к всеобъемлющей регламентации.

Характерным является пример Европейского Союза, который, исходя из специфики компетенции, осуществляет нормативное правовое регулирование народной (традиционной) медицины преимущественно в области обращения традиционных лекарственных средств (лекарственных средств растительного происхождения). Так, Директива 2004/24/ЕС Европейского парламента и Совета от 31.03.2004 о внесении изменений в Директиву 2001/83/ЕС о кодексе Сообщества, касающемся лекарственных средств для человека, в части, касающейся традиционных лекарственных средств растительного происхождения<sup>10</sup> вводит понятия традиционного растительного лекарственного препарата, лекарственного средства растительного происхождения, растительного вещества и препарата растительного происхождения.

<sup>9</sup> Draft global traditional medicine strategy (2025–2034) // Official website of World Health Organization (WHO). URL: [https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf\\_files/EB156/B156\\_16-en.pdf](https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/EB156/B156_16-en.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>10</sup> Directive 2004/24/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 amending, as regards traditional herbal medicinal products, Directive 2001/83/EC on the Community code relating to medicinal products for human use // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2004/24/oj/eng> (дата обращения: 30.09.2025).

В отношении лекарственных средств растительного происхождения Директива предусматрела упрощенную процедуру регистрации. Данное положение было введено в право Союза не случайно. Значительное количество лекарственных средств растительного происхождения, несмотря на их длительное применение на территории государств — членов ЕС, не соответствуют требованиям, предъявляемым к зарекомендовавшим себя лекарственным средствам с признанной эффективностью и приемлемым уровнем безопасности, именно поэтому они не могли быть зарегистрированы в качестве лекарственных средств в соответствии с наднациональными и национальными правилами. Чтобы сохранить эти лекарственные средства на рынке, государства — члены Союза разрабатывали и принимали соответствующие нормативные документы, которые демонстрировали дифференцированные подходы к обращению лекарственных средств растительного происхождения. Для преодоления такой дифференциации и вызванных ею препятствий в торговле, было принято решение гармонизировать регулирование, что, в свою очередь, обуславливает выбор такой правовой формы, как директива для сближения законодательств государств — членов Союза.

Европейский Союз является ярким примером того, как на наднациональном уровне предпринята попытка принять общие правила в отношении обращения лекарственных средств растительного происхождения, которые зачастую относят к народной (традиционной) медицине. При этом «за скобками» остаются другие значимые для рассматриваемой сферы общественных отношений вопросы как то: требования к квалификации лиц, осуществляющих деятельность в области народной медицины, механизм контроля деятельностью таких лиц, полноценная интеграция достижений народной медицины в национальные системы здравоохранения. Чаще всего интеграционные объединения демонстрируют известную индифферентность в отношении данных вопросов регулирования деятельности в области применения нетрадиционных медицинских практик. Так, в рамках Евразийского экономического союза специализированное унифицированное регулирование в отношении народной (традиционной) медицины отсутствует. Вопросы здоровья и здравоохранения, включая вопросы народной медицины, относятся к сфере компетенции национальных законодательств государств — членов данной международной организации. Вместе с тем в рамках ЕАЭС действуют унифицированные правила в области обращения лекарственных средств<sup>11</sup>, которые действуют также в отношении лекарственных растительных препаратов. Наднациональные подходы к обращению таких препаратов должны найти свое отражение и в национальном законодательстве, которое не должно противоречить праву ЕАЭС.

Глобальный и региональный уровни нормативного регулирования не обеспечивают комплексной регламентации отношений, складывающихся в сфере реализации нетрадиционных медицинских практик. Участие государства в интеграционных объединениях немного упрощает задачу по разработке релевантной регуляторики, поскольку «за скобками» могут оставаться, например, вопросы обращения лекарственных средств растительного происхождения (лекарственных растительных препаратов). Тем не менее основная работа по созданию четкого, недвусмысленного регулирования отношений в области народной (традиционной) медицины, ложится на плечи национального законодателя.

Так, в Республике Таджикистан, согласно Кодексу здравоохранения от 30.05.2017 (№ 1413), деятельность в области народной медицины регулируется главой 12, устанавливающей ряд требований к лицам, занимающимся народным целительством. В отношении указанных лиц предусматривается обязательная аттестация, проводимая каждые пять лет в соответствии с порядком, определенным

<sup>11</sup> Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 03.11.2016 № 78 (ред. от 22.05.2025) «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/deptexreg/formirovanie-obshchikh-rynkov/akty-v-sfere-ls.php> (дата обращения: 30.09.2025).

уполномоченным государственным органом в сфере здравоохранения. Кроме того, для целителей, чей стаж работы по специальности не превышает трех лет, обязательным условием является прохождение стажировки с последующим подтверждением квалификации в порядке, установленном тем же органом. Что же касается права на осуществление деятельности в сфере народной медицины, то оно предоставляется лицам, обладающим свидетельством народного целителя, сертификатом специалиста и лицензией.

Также позитивный опыт регуляторики есть и в государствах дальнего зарубежья. В Гонконге действуют особые правила в области практики китайской народной медицины<sup>12</sup>. Так, для получения лицензии, необходимой для медицинской практики, выпускники программ бакалавриата по направлению народной китайской медицине должны успешно сдать квалификационный экзамен. Организацией, ответственной за проведение экзамена и лицензирование, является Совет практиков народной китайской медицины, который входит в состав Гонконгского совета по народной китайской медицине (ГСНКМ). Принимая во внимание многолетнюю историю народной китайской медицины в Китае и в, частности в Гонконге, постановление предусматривало специальные переходные положения для регистрации практикующих врачей. Такие положения позволяли врачам, занимавшимся народной медициной в Гонконге, зарегистрироваться в ГСНКМ. После регистрации, врачи должны были получить сертификат, который необходимо обновлять каждые три года, подтверждая соответствие актуальным требованиям к образованию в сфере народной китайской медицины. Система ограниченной регистрации также предполагает обязательное прохождение клинической практики и участие в научно-исследовательских проектах в учреждениях, имеющих аккредитацию ГСНКМ.

В Южно-Африканской Республике регулирование в области народной (традиционной) медицины посредством Закона о традиционных знахарях № 22 от 2007 г.<sup>13</sup> и связанных с ним нормативных актов, последний из которых — проект рамочного документа, опубликованный в июне 2024 г.<sup>14</sup> Цель принятия таких документов — обеспечить безопасность, качество и эффективность путем создания нормативной базы для регистрации, обучения и деятельности традиционных знахарей. Нормативные акты предусматривают обязательную регистрацию традиционных знахарей, официальное признание их медицинских сертификатов и создание Временного совета традиционных знахарей для надзора за этой практикой и защиты прав потребителей.

Интерес также опыт регулирования отношений в сфере традиционной (народной) медицины в Канаде. Канадское законодательство определяет традиционную медицину как медицину, основанную на совокупности знаний, навыков и практик, основанных на теориях, верованиях и опыте коренных народов различных культур, используемых для поддержания здоровья, а также для профилактики, диагностики, улучшения состояния или лечения физических и психических заболеваний. Средства традиционной медицины классифицируются как натуральные продукты для здоровья наряду с витаминами и минералами, растительными средствами, гомеопатическими препаратами, пробиотиками и другими пищевыми добавками. Натуральные продукты для здоровья подпадают под действие Регламента о

<sup>12</sup> Regulation on Traditional Chinese Medicine // Hong Kong e-Legislation. URL: <https://www.legislation.gov.hk/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>13</sup> Traditional Healers Act No. 22 of 2007 // Official website of South African Government. URL: [https://www.gov.za/sites/default/files/gcis\\_document/201409/a22-07.pdf](https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201409/a22-07.pdf) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>14</sup> Nkuna P., Makoaba T., Mongadi K. A new era for traditional healers: A step towards formalisation and regulation // Official website of Cliffe Dekker Hofmeyr. URL: <https://www.cliffedekkerhofmeyr.com/news/publications/2024/Practice/Employment/employment-law-19-november-A-new-era-for-traditional-healers-A-step-towards-formalisation-and-regulation#:~:text=At%20a%20glance,in%20a%20legal%20grey%20area> (дата обращения: 30.09.2025).

натуральных продуктах для здоровья, принятого в 2004 г.<sup>15</sup>, и Закона о защите канадцев от небезопасных лекарств, действующего с 2023 г.<sup>16</sup> В соответствии с данными актами Министерство здравоохранения Канады отвечает за установление и обеспечение соблюдения стандартов, связанных с безопасностью и эффективностью натуральных продуктов для здоровья, производством и пострегистрационным мониторингом побочных эффектов. Хотя традиционные лекарственные средства не подлежат такому же жесткому регулированию, как рецептурные препараты, тем не менее они должны безопасными и эффективными в использовании.

В Российской Федерации основы нормативного регулирования отношений, складывающихся в сфере народной медицины, определены в ст. 50 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»<sup>17</sup>. Данная статья с наименованием «Народная медицина» содержит определение ключевого для сферы регулирования термина. Под народной медициной в соответствии с упомянутой статьей понимают методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. При сопоставлении данного определения с представленным в стратегических документах ВОЗ можем отметить, что последнее сформулировано более четко и не предполагает двусмысленного толкования рассматриваемого термина. Российский законодатель предложил более обтекаемую формулировку, справедливо при этом отметив, что к народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов.

Статья 50 предусматривает минимальный набор требований к лицам, которые имеют право на занятие народной медициной. Право на занятие народной медициной имеет гражданин, получивший разрешение, выданное исполнительным органом субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья. Лицо, получившее разрешение, занимается народной медициной в порядке, установленном законодательством субъекта Российской Федерации. Указанные положения фактически «отдают на откуп» субъектам Российской Федерации вопрос, связанной с надлежащей квалификацией лиц, занятых в сфере народной медицины. Существование данного требования довольно часто является поводом к возникновению законотворческих инициатив по передаче полномочий по предоставлению таких разрешений на федеральный уровень. Передача полномочий по предоставлению соответствующих разрешений на федеральный уровень может способствовать повышению безопасности в контексте оказания услуг народной медицины.

В контексте реализации положений вышеупомянутой Стратегии должен быть проработан вопрос об условиях выдачи разрешения на занятие народной медициной. С позиции обеспечения безопасности и эффективности оказания услуг в сфере народной медицины возникают разумные сомнения в достаточности заявления гражданина и представления медицинской профессиональной некоммерческой организации для принятия вышеуказанного решения. Определенные опасения могут быть связаны, в частности, с уровнем квалификации и объективностью некоммерческой структуры, которой поручено подготовить соответствующее заключение.

Позитивным аспектом является включение в механизм контроля за реализацией права на занятие народной медициной положения, устанавливающего ответственность за незаконную практику, а также за ущерб, причиненный жизни или здоровью граждан в процессе оказания услуг народной (традиционной) медицины. Необходимо отметить, что Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит статью «Незаконное занятие народной медициной», в соответствии с

<sup>15</sup> Natural Health Products Regulations // Government of Canada. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/regulations/sor-2003-196/> (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>16</sup> Protecting Canadians from Unsafe Drugs Act (Vanessa's Law) // Government of Canada. URL: [https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/annualstatutes/2014\\_24/FullText.html](https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/annualstatutes/2014_24/FullText.html) (дата обращения: 30.09.2025).

<sup>17</sup> СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

которой занятие народной медициной без получения разрешения, установленного законом, влечет наложение административного штрафа в размере от двух тысяч до четырех тысяч рублей. Суровой данную санкцию вряд ли можно назвать. Тем более что специальная статья в УК РФ, посвященная указанной проблематике, отсутствует. Здесь мы видим еще одну задачу для российского законодателя в части разработки соответствующей нормы об уголовной ответственности за незаконное занятие народной медициной, а также причинение вреда жизни или здоровью граждан при занятии народной медициной.

Подводя итоги анализу глобального, регионального и национального уровней регулирования отношений, складывающихся в сфере народной (традиционной) медицины, приходим к следующим выводам:

1. На уровне глобальных международных организаций основы нормативной регламентации отношений в сфере народной (традиционной) медицины отражены в стратегических документах ВОЗ, которые определяют цели и задачи регулирования, а также ключевые его направления. Широта формулировок, используемых в документах ВОЗ, представляет законодателям государств-членов простор для внедрения собственных подходов правового регулирования отношений в рассматриваемой сфере, очерченных пространными смыслами стратегий и резолюций.

2. На региональном уровне (уровне интеграционных объединений) релевантная регуляторика развивается лишь в определенном сегменте народной (традиционной) медицины, а именно в области обращения традиционных лекарственных средств. Установка на создание единых экономических пространств делает второстепенными такие важные для рассматриваемой области вопросы, как требования к квалификации лиц, занимающихся народной медициной и механизм контроля за их деятельностью. Данные вопросы, как правило, разрабатываются на национальном уровне.

3. На национальном уровне наблюдается дифференциация подходов к регулированию отношений в области народной медицины. Причем такая дифференциация прослеживается в контексте глубины имплементации национальным законодателем подходов ВОЗ к регулированию соответствующих отношений. Отдельные государства (Казахстан, Китай, включая САР Гонконг) добились успехов в имплементации международных подходов, ряд государств только встают на путь их восприятия. Российской Федерации предстоит переосмыслить действующие нормативные положения о народной медицине в контексте инициатив ВОЗ по интеграции традиционной медицины в систему здравоохранения.

## БИБЛИОГРАФИЯ

1. Коробко К. И., Юдин Е. В. Правовое регулирование в сфере народной медицины в Российской Федерации // Человек. Культура. Образование. — 2017. — № 4 (26). — С. 88–96.
2. Рот Л. Г. Народная медицина и права пациента // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». — 2022. — № 4. — С. 73–79.
3. Сингх С., Эрнст Э. Ни кошелька, ни жизни. Нетрадиционная медицина под следствием. — М. : АСТ, 2017.
4. Хабибова М. М.-Х., Шихалиева Н. М. Правовое регулирование института народной медицины // Право и управление. — 2022. — № 10. — С. 237–240.
5. Chapman A. R. A «violations approach» for monitoring the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights // Human Rights Quarterly. — 1996. — № 18/1. — P. 23–66.
6. Nkuna P., Makoaba T., Mongadi K. A new era for traditional healers: A step towards formalisation and regulation // Official website of Cliffe Dekker Hofmeyr. — URL: <https://www.cliffedekkerhofmeyr.com/news/publications/2024/Practice/Employment/employment-law-19-november-A-new-era-for-traditional-healers-A-step-towards-formalisation-and-regulation#:~:text=At%20a%20glance,in%20a%20legal%20grey%20area> (дата обращения: 30.09.2025).

## REFERENCES

1. Korobko KI, Yudin EV. Legal regulation in the field of traditional medicine in the Russian Federation. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education]. 2017;4(26):88-96. (In Russ.).
2. Roth LG. Folk Medicine and Patient Rights. *Electronic supplement to «Russian Juridical Journal»*. 2022;4:73-79. (In Russ.).
3. Singh S, Ernst E. No wallet, no life. Alternative medicine under investigation. Moscow: AST Publ.; 2017. (In Russ.).
4. Khabibova MM-Kh, Shikhalieva NM. Legal regulation of the Institute of Folk Medicine. *Law and Management*. 2022;10:237-240. (In Russ.).
5. Chapman AR. A «violations approach» for monitoring the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. *Human Rights Quarterly*. 1996;18/1:23-66. (In Russ.).
6. Nkuna P, Makoaba T, Mongadi K. A new era for traditional healers: A step towards formalisation and regulation. Official website of Cliffe Dekker Hofmeyr. Available at: <https://www.cliffedekkerhofmeyr.com/news/publications/2024/Practice/Employment/employment-law-19-november-A-new-era-for-traditional-healers-A-step-towards-formalisation-and-regulation#:~:text=At%20a%20glance,in%20a%20legal%20grey%20area> [Accessed 30.09.2025]. (In Russ.).

# К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Румянцева Валентина Геннадьевна,  
главный редактор журнала «Российское право онлайн», доцент кафедры истории  
государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат  
юридических наук, доцент  
125933, Россия, г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9  
[valentinarum@mail.ru](mailto:valentinarum@mail.ru)

© Румянцева В. Г., 2025

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме властных отношений, включая смену образов и парадигм власти на фоне перехода к политическому техницизму. Цифровизация в условиях научно-технологического прогресса расширяет свои границы, охватывает новые области. Власть не является исключением. Политический техницизм показывает многогранность самого процесса ее цифровизации, где важной становится продуманная доктрина технологического суверенитета. На основе междисциплинарного подхода автор формулирует научные положения, раскрывающие роль и место нашей страны в трансформирующемся мире, анализируя настоящее и будущее отечественного политического пространства, принимая во внимание технологический суверенитет. Всё это позволяет расширить существующее представление в целом о России как о сильном суверенном государстве с учетом цивилизационных и geopolитических вызовов.

**Ключевые слова:** государство; власть; политика; право; законодательство; суверенитет; технологический суверенитет; политический техницизм; цифровизация.

## ON THE ISSUE OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY IN CONTEMPORARY RUSSIA

Valentina G. Rumyantseva,  
Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Editor-in-Chief, “Russian Law Online”, Associate  
Professor, Department of History of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University  
(MSAL)  
[valentinarum@mail.ru](mailto:valentinarum@mail.ru)

**Abstract.** The article addresses the problem of power relations, including the transformation of power paradigms and their imagery amid the shift toward political technicism. Digitalization, driven by scientific and technological progress, continuously expands its reach into ever-new domains — power relations being no exception. Political technicism reveals the multifaceted nature of this digitalization process, wherein a well-conceived doctrine of technological sovereignty becomes critically important. Drawing on an interdisciplinary approach, the author formulates scholarly propositions that elucidate Russia's role and position in a rapidly transforming world. The analysis examines both the present and future of Russia's domestic political landscape through the lens

*of technological sovereignty. This perspective enriches and broadens the prevailing understanding of Russia as a strong, sovereign state capable of responding effectively to contemporary civilizational and geopolitical challenges.*

**Keywords:** state; government; politics; law; legislation; sovereignty; technological sovereignty; political technicism; digitalization.

Сегодня геополитические процессы определяют в качестве главной проблему государственного суверенитета. «*Россия вернула себе статус полного суверенитета. Россия стала во всех смыслах этого слова суверенной страной*»<sup>1</sup>, — указывает в конце 2025 г. Владимир Путин. Тема суверенитета, неоднократно звучавшая в 2025 г. в выступлениях Президента РФ, востребована ввиду перестройки системы миропорядка. Репрезентативность концепта сильной и независимой власти носит всеобъемлющий характер для государственно-правовой системы, планируя возможную стратегию российской государственности, оптимальную модель властеотношений в контексте государственного суверенитета. «*Россия не раз доказывала: когда появляется угроза нашей безопасности, миру и спокойствию наших граждан, нашему суверенитету и самой государственности, мы отвечаляем быстро*»<sup>2</sup>.

Наша страна — геополитический победитель, а укрепление суверенитета — генеральная ее задача, что требует в свою очередь правового обоснования. Статья 5 Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения провозглашает традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности как неотъемлемую составляющую суверенитета<sup>3</sup>. Российское государство движется вперед с учетом ключевых глобальных тенденций, дает государственно-правовые ответы на цивилизационные вызовы, осуществляет трансфер полученных результатов обществу. Статья 7 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей закрепляет: «*Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России*»<sup>4</sup>. Залог успешного инновационного лидерства России — в капитализации духовных ценностей. Российская Федерация уникальна и самобытна. А потому российская цивилизация — это не только материальное, но и обширное духовное наследие, где знаковую роль играет неповторимая национальная идея. Изучение специфики ее возникновения, функционирования и трансформации в государственную идеологию позволяет осмыслить идеально-политическую деятельность государства, воспроизвести государственно-правовые традиции государственной идеологии с учетом исторического знания и опыта. Отсюда: «*культура, воспитание, социально-политические проекты и начинания должны исходить из фундаментального принципа самобытности России как суверенной цивилизации*»<sup>5</sup> (Александр Дугин).

Вся политico-правовая история попыток создания искусственных идеологических конструктов, чуждых национальной ментальности и губительных как для общества, так и для самого государства, свидетельствует и о необходимости исследования

<sup>1</sup> Расширенное заседание коллегии Минобороны (17 декабря 2025 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78801>.

<sup>2</sup> Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (2 октября 2025 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134>.

<sup>3</sup> Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // СЗ РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2587.

<sup>4</sup> Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977.

<sup>5</sup> Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 19.

национальной идеи для ее воплощения в государственной идеологии. «*В России для укрепления ее государственного суверенитета важно осознанно вернуться к мировоззренческой опоре общества на принципы традиционализма*»<sup>6</sup> (Сергей Бабурин). Конкретно-историческая укорененность вопроса взаимодействия национальной идеи и государственной идеологии предопределяет актуальность проблемы суверенитета в долгосрочной перспективе.

Именно технологический суверенитет поддерживает свободу исторического выбора и будущего России в свете своих ценностных констант в современном мире. Задача технологического суверенитета — конструирование российского политического пространства и выстраивание политической архитектуры диалога Российской Федерации с другими странами с учетом отечественных традиций и инноваций во благо гуманизма и в интересах нашего государства и народа. И это осознается государственной властью не один год, ведь «*нужно выстраивать все сферы жизни на качественно новом технологическом уровне и при этом быть не просто пользователями чужих решений*»<sup>7</sup>. Приоритет государства — обладание национальными технологиями настоящего и будущего.

Необходимость в технологическом суверенитете государства обусловлена фундаментальными изменениями в правовых механизмах и структурах управления на макро- и микроуровнях, происходящими и планируемыми в ситуации современной информационной революции и появления ранее неизвестных систем искусственного интеллекта и робототехники. Существующая политика-правовая система вынуждена приспосабливаться к новым условиям, и одновременно она стремится влиять на их генезис. В то же время исследования исторических закономерностей цифровизации, эволюции и революции властных техник и технологий показывают классические властеотношения господства и подчинения.

Машинизация, информатизация, цифровизация таят в себе и цивилизационные риски и могут нести угрозу для экзистенции человечества, искажая, а порой и обезображивая гуманистические идеалы методами технической рациональности. «*Техника не может одарить нас нежданным изобилием*»<sup>8</sup> (Фридрих Юнгер). Рациональность, целесообразность, эффективность управления как итог прогресса вовсе не гарантируют права и свободы человеку и обществу. «*Машина — не божественное благо. Век техники — не очаровательная идиллия*»<sup>9</sup> (Игорь Исаев). Надо соблюдать разумный баланс, чему способствуют как духовные, так и правовые ценности, так, чтобы рациональное не вытолкнуло из человека иррациональное, превратив его в символический технический винтик.

Правовые аспекты влияния новых технологий многообразны. Цифровые, информационные, коммуникационные факторы приводят к конкуренции идей и моделей в области государственного управления в различных отраслях права. И связанные с этим изменения оказываются жизненно важными. Предвидеть и постараться использовать такие изменения в интересах индивида и общества — базис деятельности и законодателя, и ученого.

Инновационность российского государственного управления ведет к трансформации техник и технологий управления, которые приобретают виртуальные формы. Цифровые техники и технологии открывают новые возможности для сильной государственной власти и высокого государственного суверенитета.

<sup>6</sup> Бабурин С. Н. Российское государство и русская государственность в вихрях мировоззренческих трансформаций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12 (124). С. 38.

<sup>7</sup> Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>.

<sup>8</sup> Юнгер Ф. Совершенство техники // Совершенство техники. Машина и собственность. СПб. : Владимир Даль, 2002. С. 39.

<sup>9</sup> Исаев И. А. Историческая метафизика власти и закона: обращение к истокам : очерки по истории и философии права. М. : Проспект, 2023. С. 72.

**БИБЛИОГРАФИЯ:**

1. Бабурин С. Н. Российское государство и русская государственность в вихрях мировоззренческих трансформаций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 12 (124). С. 31-40.
2. Дugin A. G. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7-21.
3. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» (2 октября 2025 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134>.
4. Isaev I. A. Историческая метафизика власти и закона: обращение к истокам : очерки по истории и философии права. М. : Проспект, 2023. 272 с.
5. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума 17 июня 2022 г. // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>.
6. Расширенное заседание коллегии Минобороны (17 декабря 2025 г.) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78801>.
7. Юнгер Ф. Совершенство техники // Совершенство техники. Машина и собственность. СПб. : Владимир Даль, 2002. С. 13-273.

**REFERENCES**

1. Baburin SN. The Russian State and Russian Statehood in the Whirlwind of Ideological Transformations. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2024;12(124): 31-40. (In Russ.).
2. Dugin AG. Westernology: Towards a Sovereign Russian Science. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*. 2024;3:7-21. (In Russ.).
3. Meeting of the Valdai Discussion Club (October 2, 2025) // Official website of the President of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/78134> 4.
4. Isaev IA. Historical metaphysics of power and law: an appeal to the origins: essays on the history and philosophy of law. Moscow: Prospect Publ.; 2023. (In Russ.).
5. The Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum, June 17, 2022 // The official website of the President of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68669>. (In Russ.).
6. Extended meeting of the Board of the Ministry of Defense (December 17, 2025) // Official website of the President of the Russian Federation. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78801>. (In Russ.).
7. Junger F. The Perfection of Technology // The Perfection of Technology. The Machine and Property. St. Petersburg: Vladimir Dal Publ.; 2002. (In Russ.).

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

## **РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН**

Телефон редакции: 8 (499) 244-88-88, доб. 573  
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; [www.rus-law.online](http://www.rus-law.online); e-mail: [ruslaw@msal.ru](mailto:ruslaw@msal.ru)

Компьютерная верстка — *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472



9 770254 224729

# **RUS-LAW ONLINE**

## **3 / 2025**

**[WWW.RUS-LAW.ONLINE](http://WWW.RUS-LAW.ONLINE)**